Восточный архив

№ 1 (35), 2017

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет
В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия
В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление
С.И. Потабенко

Вёрстка
Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2017
© Институт востоковедения РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора …… **3**

Кадырбаев А.Ш. От Кяхты до Бохайского залива: адмирал Е.В. Путятин на пути в Китай. 1857 год …..... **4**

Лапин П.А. Китаист А.Ф. Попов и его записки в МИД России (1864, 1869 годы) …….. **14**

Почекаев Р.Ю. Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората …… **21**

Беккин Р.И. Письма лейтенанта И.И. Ислямова к родным из Маньчжурии. 1904 год …….. **31**

Шмидт В. Еврейская колонизация Палестины и великие державы …….. **36**

Тихонов Ю.Н. Неизвестное письмо А. Джемаль-паши наркому Г.В. Чичерину ……. **45**

Васильев А.Д. «Вокруг вопроса о переходе на новый алфавит». Отчёт о ходе латинизации в Крыму в 1924–1928 годах …….. **50**

Карасова Т.А. Командировка в Египет. Из мемуаров отца … **57**

Бухерт В.Г. «Для осуществления всех его замыслов не могло хватить одной жизни». В.Б. Луцкий об академике И.Ю. Крачковском ……. **71**

Мосаки Н.З. О поездке М.С. Лазарева в Иракский Курдистан ……... **77**

Прожогина С.В. Забыть нельзя. Помнить. Исламизм в художественной литературе Алжира 1990-х – 2000-х годов …… **86**

Наши авторы ……... **96**

Oriental Archive

No. 1 (35), 2017

CONTENTS

Editor's notes …… **3**

Kadyrbaev, Alexander. Admiral Evfimiy Putyatin Goes to China. 1857 ……... **4**

Lapin, Pavel. Letters of an expert on China Afanasiy Popov to the Russian Foreign Ministry. 1864, 1869 **14**

Pochekaev, Roman. Political and Legal Situation in Bukhara during the Establishment of Russian Protectorate ……. **21**

Bekkin, Renat. Letters by Lieutenant Iskhak Islamov from Manchuria. 1904 …… **31**

Smidt, Valdemar. Jewish Colonization of Palestine and the Great Powers ……. **36**

Tikhonov, Yuri. An unknown Letter by Cemal-pasha to the Minister George Chicherin ……... **45**

Vassiliev, Alexander. On Latinization in Crimea. 1924–1928 …… **50**

Karasova, Tatiana. Business Trip to Egypt. From my Father's Memories ……. **57**

Bukhert, Vladimir. Professor Vladimir Lutskiy on Academician Ignatiy Krachkovskiy ……... **71**

Mossaki, Nodar. A Trip by Mikhail Lazarev to Iraqi Kurdistan …….. **77**

Prozhoguina, Svetlana. Islamism in Artistic Literature of Algeria in 1990-s – 2000-s …….. **86**

Contributors ……. **96**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива», как обычно, достаточно разнообразен. В нём опубликованы материалы о Китае (А.Ш. Кадырбаев, П.А. Лапин и Р.И. Беккин), Центральной Азии (Р.Ю. Почекаев), Турции (Ю.Н. Тихонов), Палестине (В. Шмидт). Большинство из этих материалов посвящено отношениям России со странами Востока.

В будущем году Институт востоковедения отметит своё 200-летие. И самое время вспомнить не столько о долгой истории самого института, сколько о замечательных российских востоковедах. Одним из них был академик Игнатий Юлианович Крачковский. Оценку его творчеству даёт в материале В.Г. Бухерта другой известный востоковед, В.Б. Луцкий.

Есть в нынешнем номере «Восточного архива» два материала, на которые я хотел бы обратить особое внимание.

Первый из них – материал Т.А. Карасовой, работающей вместе с нами в Институте востоковедения РАН. Её покойный отец оставил чрезвычайно интересные воспоминания. Дело в том, что в 1942 году командование Красной Армии направило его в Египет, чтобы информировать Москву о ходе военных действий в Северной Африке. Вместе с войсками союзников А.В. Карасов провёл три года, вплоть до Победы. Конечно, его воспоминания по-военному скупы, но вместе с другими документами воссоздают малоизвестную в России картину Второй мировой войны на севере африканского континента.

Другой материал тоже про войну, но совсем иного рода. С.В. Прожогина, опираясь на литературные произведения алжирских авторов последней четверти века, рассказывает о чудовищных преступлениях исламистов в этой североафриканской стране. По сути дела, там шла настоящая гражданская война. Читая эту статью, невольно сравниваешь недавние события в Алжире с тем, что происходит ныне в Сирии. И удивляешься, как много общего в преступлениях исламистов против собственных народов – будь то вчера в Алжире или сегодня в Сирии.

Впрочем, все материалы нынешнего номера «Восточного архива» по-своему интересны, и, думаю, каждый из них найдёт своего читателя.

В заключение хотел бы напомнить вот о чём. 15–17 ноября нынешнего года в Институте востоковедения РАН состоится IV Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Приглашения на неё давно разосланы, получено немало положительных ответов, названий тем и тезисов предстоящих выступлений. Впрочем, не все наши коллеги оперативно откликнулись на приглашение участвовать в конференции. Но время ещё есть, заявки принимаются до начала лета. И надеюсь, что все мы вновь соберёмся в Москве, в нашем Институте востоковедения, чтобы обменяться своими архивными находками.

В.В. Беляков

А.Ш. Кадырбаев

ОТ КЯХТЫ ДО БОХАЙСКОГО ЗАЛИВА: АДМИРАЛ Е.В. ПУТЯТИН НА ПУТИ В КИТАЙ. 1857 ГОД

При всей поспешности, с которой Путятин приступил к своим обязанностям главы российского посольства ко двору императора династии Цин, его дипломатическая миссия в Китай тщательно готовилась. Как по линии Министерства иностранных дел, так и Морского (Военно-морского) ведомства она находилась под неусыпным контролем глав этих влиятельных государственных учреждений Российской империи – А.М. Горчакова и великого князя К.Н. Романова, брата царя. И даже самого российского императора Александра II, о чём свидетельствуют инструкции, полученные Путятиным для успешного выполнения его предприятия. Причём он не был стеснён в своих действиях этими инструкциями, ему предоставлялось право самостоятельного принятия решений при возможных нестандартных ситуациях. «Копия с инструкции Генералу-Адмиралу, Графу Путятину. 20 февраля 1857 года. Возникшее в 1852 году в Китае восстание (тайпинов. – *Авт.*) обратило тогда же внимание нашего Правительства… Вопрос об участи, ожидающей Китайскую империю, с тех пор сделался ещё сложнее действиями англичан в Кантоне (Гуанчжоу. – *Авт.*) и дальнейшими их замыслами в отношении этой империи. Обстоятельства сии, изменив до некоторой степени прежние предположения наши, убеждают в необходимости принять скорейшие меры к объяснению и решению спорных дел между нами и китайцами…»[1].

А обстоятельства, о которых говорится в данном документе, вызывали серьёзную озабоченность российского правительства. Действия вождей крестьянского восстания тайпинов, охватившего весь Китай, ставили под сомнение будущее существование не только маньчжурской династии Цин, как правящей в Китае, но и самого института монархии в этом государстве. Это не могло не беспокоить правящие круги монархической России, тем более, что ситуация усугублялась позицией англичан и французов, державших благожелательный нейтралитет по отношению к тайпинам и воспользовавшихся затруднительным положением цинских властей, чтобы предпринять против них акции в Гуанчжоу.

«…В этих видах Государю Императору благоугодно отправить Ваше Сиятельство в Пекин в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра, дабы переговорами на месте с главнейшими Правительственными лицами привести означенные дела к желаемому окончанию. По сему случаю считаю изложить здесь главные основания, которые должные руководить Вас при исполнении возлагаемого на Вас поручения. Из личных моих с Вами объяснений Вам уже известна воля Государя Императора, чтобы Вы, для отправления своего в Пекин, избрали по преимуществу тот путь, которым следовали наши прежние посольства и который определён нашими с Китаем трактатами, т.е. через Монголию, и чтобы Вы предприняли это путешествие из Кяхты немедленно по получении ответа на посланный из Правительствующего Сената Лист в Китайский Трибунал внешних сношений о желании нашем отправить в Пекин посланника. Надо надеяться, что Китайское правительство, ввиду особых обстоятельств тамошнего края, оставит прежние формы недоверия, которыми постоянно отличались его действия в отношении ко всем иностранным Государствам, не исключая нашего, и что оно согласится на Ваш проезд; а т.к. Ваше поручение должно преимущественно носить отпечаток дружелюбия, то на всём пути до Пекина Вы озаботитесь ласковым обращением с туземными местными властями и с лица-

ми, кои, вероятно, будут назначены от Китайского Правительства для сопровождения Вашего, убедить китайцев в совершенно дружеских отношениях наших, так чтобы молва о том успела дойти до Пекина и расположила тамошние власти к доверию...»[2].

Обращает на себя внимание, как важно было для российской стороны убедить цинские власти в своих миролюбивых намерениях на фоне агрессивных действий Великобритании и Франции. Россия отдавала предпочтение дипломатии в достижении своих целей, а не военным средствам, в отличие от западных держав. Причём это не было проявлением слабости, эскадра российских боевых кораблей у берегов Китая, командиром которой по совместительству с должностью главы российской дипломатической миссии к цинскому двору был назначен Путятин, наглядное тому подтверждение.

«…По прибытии в Пекин Вы не станете домогаться, чтобы вручить лично Китайскому Императору прилагаемые у сего: Грамоту от Августейшего имени Государя Императора Китайскому Императору и полномочие на ведение переговоров, если бы соблюдение церемониала для аудиенции заключало обряды, несогласные с достоинством Русского Правительства, что весьма легко предположить по предшествовавшим примерам; но Вам предоставляется под благовидным предлогом отказаться от аудиенции, а Высочайшую грамоту и полномочия передать, для поднесения Императору, Первым министрам…»[3].

Следует заметить, что при всей осторожности и деликатности поведения во взаимоотношениях с цинской стороной, предписанной Путятину высочайшими инструкциями, российское правительство очень щепетильно относилось к поддержанию авторитета Российской державы, отвергая те официальные церемонии цинского придворного протокола, которые затрагивали её достоинство. «…Вообще необходимо избегать всякой излишней проволочки времени, могущей произойти от соблюдения формальностей, столь любимых китайцами, и, сколь возможно поспешнее, начать переговоры. Приступая за сим к существу дела, я должен ограничить общим указанием желаний нашего Правительства; определить же самый образ действий Ваших для достижения желаемой цели невозможно: отдалённость края, случайность самих происшествий, устарелые понятия китайцев относительно сношений с другими Правительствами – поставляют в совершенную невозможность предвидеть заранее те обстоятельства, которыми можно воспользоваться; с другой стороны, услуги, оказанные уже Вашим Сиятельством на служебном поприще, успех, увенчавший сношения Ваши с Японским Правительством, известная опытность Ваша – побуждают предоставить собственному благоусмотрению Вашему употребление в настоящем деле тех средств, какие признаете самыми действительными. 1. Из всех вопросов первый и самый главный должен состоять в определении прав наших на Амур… Ещё в 1756 г. Правительство наше признавало важность владения сею рекою и землями, по оной лежащими, которые на основании трактатов наших с Китаем остаются досель не разграниченными. В настоящее время предмет сей становится ещё важнее; нам известно, что в число прав, которые англичане намерены требовать от Китайского Правительства, заключается право на плавание по всем рекам Империи. Если они успеют в этом до окончания возникших у нас с китайцами недоразумений о восточной границе нашей, то это обстоятельство может повлечь за собою самые неблагоприятные столкновения, включая в число рек, открытых для плавания Западным державам, и реку Амур. А потому, приняв в основание переговоров законность владения нашего устьем Амура, Вы употребите всевозможное старание, дабы склонить китайцев на проведение границ обоих государств по течению самой реки, так, чтобы, начиная от Амурской дельты, все земли, лежащие на левом берегу и ещё не разграниченные, были признаны принадлежащими России, а правый берег оной считался владением китайским; но как для укрепления устьев Амура необходимо владеть некоторой частью земель,

лежащих по правой стороне оного, то весьма желательно было бы оговорить за нами пространство до залива де-Кастри, у которого учреждены уже нами временные посты. Генерал-губернатор Сибири имел уже по сему делу переговоры с присланными для того доверенными от Китайского Правительства, но переговоры сии не повели к желаемому окончанию, и дело осталось нерешённым… мы… китайцам следующие уступки… a) Не требовать вознаграждения за убытки по сожжению и разграблению в 1855 г. фактории нашей в Чугучаке. Потери наши оценены до 300 тысяч рублей серебром. b) Хотя по трактату 1851 г. западная граница Китая определена существовавшею в то время чертою китайских караулов, однако некоторые земли и вне. В видах вознаграждения китайцев и исправления границы мы полагали бы повести оную начиная от одной из речек, впадающих в юго-западную часть озера Нор-Зайсана, чрез урочище Саз-Тарбагатайского хребта, по одной из речек, впадающих с севера в озеро Ала-Куль, и по восточному берегу оного до речки Аргайты, впадающей в озеро с южной оконечности, так чтобы сия речка осталась во владении Китая. c) Кочевые племена, известные в Китае под именем урянхайцев, а у нас под названием калмыков-двоеданцев (ныне тувинцы. – *Авт.*), прилегающие к южной части Томской и Енисейской губерний и к китайской провинции Урянхая, по Буринскому трактату обязаны платить подать обеим империям, но в настоящее время они почти никогда не исполняют своих обязанностей. По дошедшим в 1851 г. сведениям китайцы будто бы перенесли на земли двоеданцев свои караулы, в противность означенного трактата. Вы можете возбудить об этом вопрос и в виде вознаграждения отступить от прав нашего владения или, лучше сказать, покровительства помянутых урянхайцев в пользу китайского Правительства…»[4].

Как очевидно из вышеизложенного, российская сторона готова была компенсировать цинскому двору его уступку Приамурья и Уссурийского края за счёт спорных территорий на российско-китайской границе в Центральной Азии. «…d) По Палладию (Кафаров Палладий, переводчик китайского языка, видный учёный и представитель Русской православной духовной миссии в Пекине. – *Авт.*), в разговорах с некоторыми влиятельными лицами в Китае они неоднократно объясняли желание иметь некоторое число военных орудий и людей, могущих приучить китайское войско к употреблению оных. Вашему Сиятельству предоставляется право предложить Китайскому Правительству, по Вашему усмотрению, сформировать одну батарею и обещать до 10 тысяч ружей; для обучения же войска можете употребить теперь же находящихся с Вами офицеров, которые направлены нашим Правительством, чтобы доказать дружеское желание содействовать китайцам во всём, что может быть им полезно…»[5].

А военная помощь, как никогда, была необходима Китаю, хотя это не вполне осознавалось цинским правительством, несмотря на очевидную слабость китайцев и маньчжур перед угрозой войны со стороны Великобритании и Франции. К середине XIX в. Китай на столетия отстал от западных держав в технологическом и военном отношениях. Армия страны, подарившей человечеству порох, была вооружена средневековыми мечами и пиками. Лишь небольшая часть цинских войск имела на вооружении ружья с фитильным замком. У Китая не было военно-морского флота с современной артиллерией. Всё это не могли не заметить иностранные военные разведки. Но если западные страны стремились использовать своё военное превосходство в ущерб Китаю, то позиция России была абсолютно иной и направлена на повышение обороноспособности Цинской империи. «…e) О ясаке (страх китайцев лишиться дани этой с кочевых племён, “на их землях обитающих” – напрасен). Русское правительство обеспечивает платёж сего ясака или стоимость оного, но необходимо предварительно собрать положительные сведения о том, до чего простирается таковая стоимость. 2) Возобновление караванной беспрепятственной торговли, хотя бы до Кашгара и Урги,

и чтобы в таком случае учреждены были в сих местах наши фактории… желательно было бы заключить условие об учреждении почтовых сообщений чрез Монголию, не на наш исключительный счёт, по крайней мере на общей обоих правительств, если… Кяхтинское купечество изъявило готовность вспомоществовать своими денежными средствами устройству этого предмета. 3) Учреждение в Пекине дипломатической миссии составляло давний предмет желаний наших. Вашему Сиятельству обратить на этот предмет особое внимание и приложить всевозможные старания для достижения сего. 4) В 1843 г. было поручено… Вашему Сиятельству… склонить китайцев на желание наше завести торговые сношения в пяти портах, открытых в то время для других европейских держав… Тогда… предложение это не было приведено в исполнение, но ныне весьма желательно было бы достигнуть благоприятного окончания этого дела. 5) Правительство наше издавна стремилось к достижению того, чтобы китайцы открыли для факторий наших некоторые пункты в Западном Китае и Кашгаре. Достигнув цели устройства факторий в Западном Китае переговорами в 1851 г., оно отложило вопрос о Кашгаре до более благоприятного времени. Если Вы сочтёте обстоятельства удобными, то было бы весьма полезно возобновить этот вопрос при переговорах в Пекине… 6) …Я упомянул о намерениях англичан оговорить себе право плавать по рекам Китайской империи… Правительство Франции имеет намерение присоединиться к Англии для получения того же права… Мы, со своей стороны, должны получить одинаковые права… 7) …относительно последнего средства… для склонения китайцев к уступке нам левого берега Амура и земель, владение которых признаётся для нас столь важным. Восстание (тайпинов. – *Авт.*), имеющее по-видимому целью низвержение ныне царствующей Маньчжурской династии… Но как доселе Богдыханские (маньчжуро-китайские. – *Авт.*) войска почти всегда претерпевали поражения, то очень может статься, что Правительство будет просить пособия России…»[6].

Как видно, весьма обширный спектр решения непростых задач стоял перед Путятиным накануне его прибытия в Китай. Его деятельность в этих условиях была направлена на поддержку правящей династии Цин в качестве законного правительства, и только в ней он видел партнёра по переговорам. Позиция западных держав в этом отношении была более чем двусмысленна. «…Вообще же интересы наши и западных держав с Китаем так различны, что трудно рассчитывать, что совокупное действие наше с ними могло споспешествовать к достижению желаемой цели…»[7].

Тяжёлое бремя, возложенное на миссию Путятина, вполне осознавалось его руководством на самом высшем уровне. «…Вам известно, что Государь Император принимает самое живое участие в сём деле, трудность которого вполне оценена его Императорским Величеством. Совершенного успеха ожидать едва ли возможно: многое зависит от обстоятельств, более или менее для нас благоприятных, и которых предвидеть заранее мы можем только гадательно»[8]. Как видно из документа, деятельность миссии Путятина находилась под постоянным и пристальным вниманием со стороны первого лица Государства Российского – императора Александра II.

К вышеизложенному стоит добавить, что подготовкой дипломатической миссии в Китай занимался и аппарат генерал-губернатора Восточной Сибири, о чём сообщает русский путешественник М.И. Венюков, тогда поручик и старший адъютант штаба сухопутных войск Восточной Сибири. Он прибыл в Иркутск в конце апреля 1857 г., после окончания Академии Российского Генерального штаба. «23 апреля 1857 г., после тягостной дороги в 5100 вёрст то в санях, то в перекладной телеге, то даже пешком, во избежание разрушительных толчков от удара колёс по мёрзлому, ледяному черепу, я, наконец, добрался до Иркутска. День был табельный – именины императрицы Александры Фёдоровны, и потому я думал было сначала не являться властям; но, чтобы не скучать, надел мундир и в то же утро пред-

ставился ближайшим своим начальникам по штабу. Нимало не откладывая, то есть в тот же табельный день, мне поручили поспешить составлением карты Маньчжурии и Восточной Монголии в масштабе 50 вёрст в дюйме и при этом потребовали, чтобы карта была готова в двух экземплярах не далее, как через три недели, к предполагавшемуся отъезду генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва на Амур и посланника графа Е.В. Путятина в Китай. Работа была нелёгкая, требовавшая занятий от 12 до 14 часов в сутки и совершенно неисполнимая, если бы в Иркутске не было партии отличных топографов… Мы, в числе девяти человек, присели и дело сделали. Я составил сеть, расставил астрономические пункты, начертил главные контуры; топографы перечёркивали их набело, вносили мелочи, отмывали кисточкой горы с данных оригиналов и делали подписи, придерживаясь сделанной мною транскрипции французских подписей Данвиля и Клапрота (западноевропейские географы и топографы. – *Авт.*)… в Иркутске в это время не было ни одного синолога, которому бы можно было поручить исправление орфографии этих подписей, несколько испорченных на французском языке. Что было можно, мы поправили сами, на основании сочинений Иоакинфа (Иоакинф, он же Н.Я. Бичурин – основатель российского китаеведения. – *Авт.*), хотя знали, что его транскрипция оспаривалась некоторыми европейскими ориенталистами…»[9]. Вместе с тем, при всей значимости содействия миссии Путятина со стороны местных властей Восточной Сибири, определяющим в её деятельности были указания из Санкт-Петербурга.

Позиция министра иностранных дел России Горчакова, изложенная в его инструкциях Путятину, нашла твёрдую поддержку морского министра великого князя Константина, который был исполнен решимости пойти на любые меры по включению Приамурья и Уссурийского края в состав России. «Его Сиятельству Князю А.М. Горчакову 23 февраля – 5 марта 1857 г. …Мне кажется, что на упрямство китайцев мы должны отвечать равною настойчивостью и предъявлять наши требования, не пугаясь их отказов, которые грозны только на бумаге»[10].

Искушение воспользоваться слабостью Цинов и прибегнуть к более решительным мерам для достижения своих целей присутствовало у российских властей, с трудом сдерживавших себя, когда внешне казалось, что путь силового давления быстрее приведёт к решению проблемы. «Его Сиятельству Князю Горчакову. 24 февраля – 8 марта 1857 г., Ницца (где, вероятно, отдыхал великий князь. – *Авт.*) …При нынешних обстоятельствах, когда мы уже твёрдо заняли устье Амура, когда имеем там поселения и морские заведения, которые со дня на день развиваются, владение всем левым берегом этой реки сделалось для нас совершенной необходимостью, и потому вопрос о владении левым берегом отнюдь не должен зависеть от успеха посольства графа Путятина, цель коего состоит только в том, чтобы посредством миролюбивых соглашений облечь в форму дружеской уступки… со стороны китайцев»[11], – пишет великий князь Константин. Но, тем не менее, ещё раньше на своём заседании 7 февраля 1855 г. Комитет по Амурскому делу принял решение о приостановлении массового переселения русских казаков, военных поселенцев с семьями на левом берегу Амура, приобретённого позднее по Айгунскому трактату, «ввиду направляющегося в настоящее время в Китай посольства Е.В. Путятина, которое должно носить характер совершенно миролюбивый»[12].

В свою очередь в письме генерал-губернатору Восточной Сибири от 4 июня 1855 г. «Государь Император соизволил… утвердить за Россиею весь левый берег Амура и получить право свободной торговли в северных областях Китайской империи…»[13].

В русле вышеизложенных мероприятий по укреплению позиций России на Дальнем Востоке были предложения Путятина, изложенные им в письме-докладной великому князю о строительстве для российской военной эскадры в Тихом океане на французских верфях в Шербуре канонерских лодок, где также говорилось о необходимости скорей-

шего заключения договора с Китаем и о разграничении на Амуре российско-китайских владений в обмен на поставки Китаю нового оружия для сдерживания Великобритании, Франции и Соединенных Штатов[14]. Этой же цели служил рапорт Горчакова российскому императору о направлении в Китай двух российских офицеров, «сведущих в артиллерии и инженерном деле»[15].

Вместе с тем, в российских правящих кругах были и настроения не в пользу закрепления позиций империи в Сибири и на Дальнем Востоке. «Противники всяких начинаний на Востоке утверждают, что Сибирь со временем отделится от России, почему и не следует ей давать средства к развитию промышленности её сил…»[33]. Однако Путятин считал: «Такое мнение находит опровержение в характере и народном духе жителей этого края России… При том Сибирь заселяется постоянно выселенцами и выходцами из западной части России…»[16].

Кроме того, успеху миссии Путятина не способствовало его «разномыслие» с губернатором Восточной Сибири и его окружением. Как отмечает М.И. Венюков: «В Иркутске… тамошнее общество, всё почти составленное из лиц, так или иначе принимавших участие в деле фактического присоединения Амура, не скрывало, что поручение, полученное графом Путятиным, заключить с Китаем формальный договор, который бы увенчал великое предприятие… было как бы обидою для местных деятелей, вложивших в него всю душу, понёсших множество трудов и лишений и выдержавших борьбу в Петербурге едва ли не более тяжёлую, чем сама борьба с дикою природою амурской страны…» Поэтому, по словам Венюкова, очевидца этих настроений, «в Иркутске, как это ни покажется странным, неуспехом (т.е. проволочками, чинимыми цинскими властями, не пускавшими Путятина через Монголию. – *Авт.*) путятинского посольства были довольны… Известие о расстройстве путешествия посла через Монголию вернуло всем хорошее расположение духа… в Иркутске успеху последней миссии (Путятина. – *Авт.*) не верили. Графу Путятину было трудно добиться переезда через Монголию на таких условиях, которые бы соответствовали его сану и обеспечивали ему блестящий приём и успех самого дела в Пекине. А нужно отметить, что мы, со своей стороны, делали всё, чтобы показать китайцам особую исключительную важность посла. Для этой цели, например, в Троицкосавске, по приказу генерал-губернатора, музыка местного линейного батальона ежедневно, в известные часы, играла перед окнами “высокой особы из Петербурга”, что, конечно, приводило в истерическое раздражение г[осподина] посла, но зато внушало маймаченским китайцам понятие о нём как о самом высоком сановнике, достойном богдыхана. При возвращении Н.Н. Муравьёва в Иркутск мы узнали, что посол вовсе должен был отказаться от сухопутной поездки в столицу Срединного царства, потому что китайское правительство хотело относиться к нему почти так же, как в 1805 г. к графу Головкину. Последний же, доехав до Урги, был так утомлён назойливой подозрительностью и надменностью китайцев, что счёл необходимым вернуться в Россию…»[17].

Как очевидно из сказанного, Путятину пришлось столкнуться с препятствиями его миссии не только со стороны китайских властей, но и с неоднозначным отношением российских властей Восточной Сибири, что выражалось в скрытом соперничестве и порой плохо скрываемом недоброжелательстве. Как свидетельствует Венюков, по приезде в Читу генерал-губернатор Н.Н. Муравьёв, «узнав, что посланник со всею свитою тоже в Чите… попросил меня сходить к нему и пригласить на обед. Я исполнил эту миссию и получил согласие графа, хотя у него самого стол был накрыт и он сначала отвечал мне убедительнейшим контр-приглашением. Вероятно, отправляя меня к графу Путятину, Николай Николаевич не знал, что в доме М.С. Корсакова (где Н.Н. Муравьёв остановился в Чите. – *Авт.*) обеда для нас не готовили, и потому вышла презабавная история. Нашему походному повару пришлось впопыхах готовить походный

обед из консервов и подавать его на походном жестяном сервизе. Посол с аккуратностью дипломата пришёл в назначенный час, мы сели за стол и – о, ужас! – с первого же раза увидели, что походные блюда далеки от идеала кулинарного искусства. Суп с перцем, не довольно разведённый водою, до такой степени жёг внутренность рта, что я лишь из приличия съел его три ложки… Адмирал-посланник оказался выносливее, быть может потому, что моряки привыкают к разным крепким приправам, необходимым им от цинги…»[18].

Из этого рассказа можно вынести представление о личности Е.В. Путятина как человека воспитанного, скромного и неприхотливого, лишённого высокомерия и барских замашек. Однако «были люди, которые воспользовались им (этим случаем. – *Авт.*) для целей… вероятно, высшей политики. Перечный обед, с добавлением к нему, впоследствии, гнилых будто бы страсбургских пирогов, стал легендой и комментарием отношений между двумя “дворами” – генерал-губернаторским и посланническим. Я знал потом лично большую часть посланнической свиты; это всё были приличные люди: архимандрит Аввакум, барон О.Р. Остен-Сакен, А.М. Пещуров и пр.; но в то время мы были в дипломатической войне… были господа, говорившие ещё в 1857 г. на Амуре, что “генерал-губернатор кормит посланника и его свиту дрянью”… И музыку, которая играла в Кяхте под окнами посла, для отдания ему почёта перед глазами китайцев, считали сибирским манёвром, чтобы досадить графу Путятину и выжить его из Сибири… Я начинал понимать тогда, что значит воевать за присоединение Амура не против китайцев, а против своих. Но оставлю эту печальную сторону великого дела. Errare humanum est (Людям свойственно ошибаться), и притом перечные отношения между отдельными лицами не помешали успеху общего им патриотического дела… на другой день после нашего приезда в Читу граф Путятин отправился с утра вниз по Ингоде (река Амурского бассейна, приток Шилки) на лодках…»[19].

М.И. Венюков обращает внимание на такую характерную черту личности Е.В. Путятина, как религиозность, что внешне проявилось на его глазах во время путешествия по Амуру. «…могилы (русских солдат. – *Авт.*) мы начали встречать по берегам Амура… Местами пережившие их товарищи поставили над ними кресты. Завидев такой крест, набожный граф Путятин иногда останавливался и приглашал своего спутника, архимандрита Аввакума, прочесть молитву»[20].

Из-за отказа китайских властей пропустить посольство Путятина в Пекин через Монголию российское правительство не исключало даже военного давления на империю Цин, причём инициатива подобных мер воздействия на её правительство исходила от Путятина. «24 июня 1857 г. Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю, Генерал-Адмиралу, весьма секретно. От Генерал-Адъютанта Графа Путятина рапорт… Решительный отказ принять меня в Пекине, заключающийся в сообщённой мне резолюции Китайского Богдыхана (императора цинского Китая. – *Авт.*), не оставляет никакой надежды достигнуть путём переговоров до указанной мне волею Его Императорского Величества цели, и потому я счёл долгом предложить принятие мер, которые показали бы Китайскому Правительству, что Россия имеет силу и твёрдость настаивать на изменении внешней политики Китайской империи. Примеры наших прежних сношений с Китаем, к сожалению, подали повод этому гордому народу заключить, что мы из желания сохранить с ним выгодную для нас торговлю не решимся употребить против него побудительных военных мер. Теперь, кажется, настало время вывести китайцев из этого заблуждения, и я смею надеяться, что мнение моё не признается противным выгодам России»[21]. Здесь видно, на каком пределе напряжения и страстей приходилось выполнять Путятину его нелёгкую миссию, когда даже у него, опытного и искушённого дипломата, порой начинали сдавать нервы и возникали сомнения в успехе возглавляемого им предприятия.

В другой своей депеше на имя Горчакова от 19 мая 1857 г. Путятин писал из Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ. – *Авт.*): «Относительно изменения границ наших с Китаем мы можем основываться на том, что значительная часть восточных наших пределов доселе оставалась неопределённою, и что морское прибрежье никогда не было занято китайцами и должно поступить во владение той державы, которая его первая заселила. Западная же наша граница с Китаем никогда ещё не была определена и требует разграничения вновь… Прошу, Ваше Сиятельство, снисходительно отнести это к горячему стремлению не допустить, чтобы Россия извлекла меньше выгоды, чем другие нации, из настоящего кризиса, в котором находился Китай, а не какими-либо другими побуждениями… Избирая же второй путь и объявив Китаю, что мы применим меры занять Маньчжурию, покуда не дадутся нам права равные с всеми прочими государствами, мы можем установить торговлю на гораздо лучшем основании. Пробыв ныне больше месяца на Кяхте, я удостоверился из собственного взгляда, с каким высокомерием китайские купцы поступают с нашими, тем более что я прежде был свидетелем торговых сделок англичан и американцев в Кантоне и Шанхае и могу сравнить поступки китайцев в том и другом случае. Наша Кяхтинская торговля производится купцами одной Шанхайской области и есть чистая монополия, вроде введённой в Кантоне до 1-й английской войны компаниею купцов Гонг (Кун. – *Авт.*) и совершенно прекращённой Нанкинским трактатом. Уничтожение этой привилегии, равно как и недопущение Дзаргучея Маймаченского (главный чиновник пограничного с Кяхтой китайского города Маймачена. – *Авт.*) самовольно прекращать торговые сношения, вследствие частных неудовольствий китайцев против русских, чему были неоднократные примеры; а также возобновление права наших купцов торговать в Пекине должно быть поставлено в новом трактате. Закрытие торговли на Кяхте, последует ли оно вследствие распоряжения нашего Правительства или Китайского, не может повести к дурным последствиям в видах торговли, но даст нам потом поводы требовать изменений, необходимых для большого её развития… Остаётся рассмотреть… справедливость и возможность военных действий с Китаем»[22].

Но всё же в российской политике по отношению к Китаю возобладала линия на дипломатическое и мирное решение сложных аспектов российско-китайских отношений. Чего это стоило главе российской дипломатической миссии, можно только догадываться. Граф Путятин сделал попытку добраться к цинскому двору через Маньчжурию. «Его Императорскому Высочеству. Государю Великому Князю. Генерал-Адмиралу. Рапорт Генерал-Адъютанта, Графа Путятина… 23 мая я отправился из г. Читы водою и 30-го того же месяца прибыл в Усть-Стрелочный караул, спустился по Амуру, достиг 5 июня Сахалинь-Ула-Хотонь. Этот путь мы совершили вместе от Генерала-Губернатора Восточной Сибири, следующим с отрядом войск и поселенцами для занятия, согласно высочайшему повелению, разных пунктов на левом берегу Амура. Кроме сих пунктов генерал Муравьёв имеет в виду ныне же занять удобное место ниже устья реки Уссури на правом берегу; это покажет Китайскому Правительству наше намерение занять оба берега Амура, начиная с устья реки Уссури, и даст нам возможность устроить прямое сухопутное сообщение с Императорской гаванью, на удержание которой за нами я употреблю все старания при переговорах с Китайцами. Т.к., вследствие сделанного с моей стороны запроса, губернатор Сахалинь-Ула-Хотонь объявил, что разрешения на проезд мой в Пекин чрез Маньчжурию не получено, то я сего же числа отправляюсь далее к устью Амура, откуда на пароходе буду следовать, не теряя времени, в залив Печели (Бохайский. – *Авт.*). 7 июня 1857 г. Г. Сахалинь»[23].

Позицию цинской стороны относительно освоения русскими Приамурья, Уссурийского края, острова Сахалин и направления российского посольства своеобразно определил в своём письме Путятину генерал-гу-

бернатор Восточной Сибири Муравьёв от 4 июня 1857 г. из Усть-Вейского поста на Амуре: «Очевидно и положительно, что Китайское Правительство молчанием своим признало за нами право владения и обязанность защиты устьев реки Амур и острова Сахалин, в систему коей входят залив де-Кастри и Императорская гавань, которые заняты и укреплялись нами с того же времени… Что же касается заключения нового с Китаем пограничного трактата, то весьма естественно, что Китайское Правительство, не препятствуя нам занимать левый берег Амура и все приморские места, не желает заключать по этому нового трактата, опасаясь гласности перед собственными подданными»[24].

Письмо Муравьёва лишний раз подтверждает, что намерения цинского правительства уступить Приамурье и Уссурийский край России были весьма непопулярны в китайском обществе, и данное обстоятельство заметно усложняло деятельность миссии Путятина.

Между пограничными российскими и китайскими властями возникало порой непонимание и на местном уровне. Интересно в этой связи восприятие китайскими пограничниками некоторых действий российской стороны, запечатлённое в переведённом на русский язык цинском документе в материалах РГА ВМФ, их реакция на письмо генерал-губернатора Муравьёва о содействии Путятину: «Перевод. Дайцинского государства от охраняющего область Чёрной речки исполняющего должность помощника дивизионного командира Фулхунги. Русского государства Великому Главнокомандующему Муравьёву. Отношение о движении дела… Присланные мне Вами, Великий Главнокомандующий Муравьёв, подарки, равно как и брошенные здесь Путятиным 50 штук серебряных монет, я поручил есаулу Сухотину отвезти назад. По получении их я прошу Вас, Великий Главнокомандующий Муравьёв, переслать их по принадлежности Путятину. От других ни от кого мы ничего не брали, следовательно, взять только от одного Путятина было бы не с чем не сообразно… Тотчас по получении сего письма, я, исполняющий должность помощника дивизионного командира, имел личное свидание с заслуженным Вашего Государства, разных орденов кавалером Путятиным и его сопутниками, причём они выразили следующую просьбу: “Мы отправлены нашим Главнокомандующим вверх по реке в наше Отечество; т.к. запасная наша дорожная провизия… вся изошла, то просим снабдить нас на дальнейший путь, чем только можно…” Я приказал… выдать им рису, пшена (проса), пшеничной муки, кунжутного масла, говядины, соли, красного сахару (сырец), водки, свинью, дров и пр. Рассердившись на то, что в уплату за всё это мы ничего не взяли, они бросили нам в лицо 50 штук серебряных монет и, севши в лодку, отправились вверх по реке…»[25].

Перед тем, как ступить на борт парохода «Америка», Путятин, проделав путь «по Забайкалью на Шилкинский завод, с генерал-губернатором поплыл по Амуру. В Айгуни, принимая поздравления амбаня (цинского чиновника. – *Авт.*) с приездом, граф Путятин спросил его, не получены ли на имя его какие-либо бумаги из Пекина, и, узнав, что нет, продолжал путь далее к устью реки Амура. Генерал-губернатор возвратился в Зейский пост и здесь остался ожидать прихода войск и переселенцев, назначенных на реку Амур. В начале 1857 года императором было утверждено заселение левого берега Амура; поэтому весной переселенцы Амурского конного казачьего полка были двинуты вниз по Амуру и под личным наблюдением генерал-губернатора заняли его левый берег от Усть-Стрелки до щек Малого Хингана. Кроме того, в устье Зеи стали лагерем 13-й линейный батальон и дивизион лёгкой батареи. В навигацию 1857 года в Николаевск (-на Амуре. – *Авт.*) пришло семь иностранных кораблей: “Беринг” и “Messanger Bird” из Бостона, шхуны “Люиз-Перо” и “Камчадал” из Сан-Франциско, барк “Baruham” и шхуна “General-purse” из Гонконга и барк “Оскар” из Гамбурга. В эту же навигацию в первый раз из низовьев Амура на пароходах “Амур” и “Лена” в Забайкалье было

доставлено незначительное количество товаров. Между тем, граф Путятин близ селения Михайловского был встречен контр-адмиралом Казакевичем на пароходе “Надежда” и вместе с ним продолжал плавание до Николаевска. Пробыв здесь несколько дней в ожидании парохода “Америка”, отводившего транспорт “Байкал” в залив Де-Кастри, а “Иртыш” в Императорскую гавань, граф Путятин на том же пароходе, в сопровождении тендера “Камчадал” направился к берегам Китая. 14 июля он открыл залив Ольги и, отправив оттуда тендер “Камчадал” с лейтенантом Рудановским на Сахалин, проследовал далее в корейский порт Гамильтон…»

Н.В. Рудановский был активным участником Амурской экспедиции Г.И. Невельского и с июля 1851 г. находился в составе Камчатской флотилии. Он добровольно вызвался служить на Сахалине, провёл обстоятельную съёмку южной и средней части острова, составил карты, описание, осуществил здесь первые метеорологические наблюдения.

«…Между тем Е.В. Путятин из порта Гамильтон вошёл в Печилийский (Бохайский) залив и 24 июля достиг реки Пей-хо (Байхэ. – *Авт.*), вошёл здесь в сношение с китайскими властями, которые после различных отговорок 12 августа приняли от него пакет с обещанием доставить ответ в Печили»[26].

Действия Путятина порой вызывали раздражение Муравьёва, которое ему не всегда удавалось скрывать, ревниво реагируя на успехи команды адмирала. «Как у генерал-губернатора накипело сердце против моряков», – сообщает очевидец событий М.И. Венюков, причём, как видно из сказанного, объектом критики «сатрапа» Восточной Сибири был не только адмирал Путятин, которого он считал за человека, «пустившего на Сахалин японцев и дискредитировавшего Амур в Петербурге», но и «припоминал он и Невельского, добивавшегося для флота первенствующего значения в Амурском крае», а также «у него были в свежей памяти… полученная в Усть-Зее статья моряка Римского-Корсакова, в которой упоминалось о “счастье вырваться из амурской грязи”…»[27].

Тем не менее, несмотря на все препятствия, как чинимые цинской стороной и подковёрными интригами сибирских властей, так и обусловленные природой и географическими пространствами, миссия Путятина достигла берегов Китая. Однако главные испытания были впереди.

Примечания

[1] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1016, л. 395–412. Канцелярия Морского министерства. Копия с инструкции Генерал-Адмиралу Графу Путятину. 20 февраля 1857 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. 55.

[10] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1016, л. 414. Путятин – Князю А.М. Горчакову. 23 февраля/7 марта 1857 г.

[11] Там же.

[12] Там же, д. 1016, л. 388–390 об. Журнал заседания Комитета по Амурскому делу.

[13] Там же, л. 429. Генерал-губернатору Восточной Сибири. 4 июня 1855 г.

[14] Там же, л. 369–371. Письмо-докладная Путятина великому князю.

[17] *Венюков М.И.* Указ. соч., с. 23–24.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1016, л. 369–371. Письмо-докладная Путятина Великому князю.

[22] Там же, л. 394. Путятин – Князю Горчакову. 19 мая 1857.

[23] Там же, л. 375. Письмо-докладная Путятина великому князю.

[24] Там же, л. 29–30.

[25] Там же, л. 30–31.

[26] Там же, л. 449.

[27] *Венюков М.И.* Указ. соч., с. 58.

П.А. Лапин

КИТАИСТ А.Ф. ПОПОВ И ЕГО ЗАПИСКИ В МИД РОССИИ (1864, 1869 гг.)

Во второй половине XIX в., по мере втягивания Цинской империи в мировые дела, укреплялся интерес новой китайской интеллигенции к изучению передового иностранного опыта, заимствованию научных теорий и технологий. Большое значение в этой связи начало приобретать системное изучение в Китае европейских языков, в том числе русского. В 1862 г. в Пекине была открыта первая современная школа иностранных языков и точных наук Тунвэньгуань (кит.: 同文馆) [1], целью которой была подготовка специалистов, наделённых практическими навыками и умениями, для работы в интересах проводившихся в Цинской империи прозападных реформ.

На следующий год в школе было учреждено отделение русского языка. В апреле того же года по запросу Главноуправляющего китайского ведомства по делам всех государств российский министр-резидент в Пекине Л.Ф. Баллюзек порекомендовал на должность преподавателя русского языка этого учебного заведения выпускника Санкт-Петербургской духовной академии, члена Четырнадцатой Российской духовной миссии в Пекине, переводчика Российского посольства титулярного советника Афанасия Ферапонтовича Попова (1829–1870)[2]. Россиянин проработал там вплоть до своей смерти в Пекине 15 февраля 1870 г. На протяжении всего периода своей деятельности он усердно исполнял предписанные обязанности, старательно преподавал порученные ему предметы, прививал симпатию учащихся к русскому языку и России. Слушатели высоко ценили работу своего наставника, с большой благодарностью отзывались о его трудах. Дружеские контакты с учащимися не прерывались даже после их выпуска из учебного заведения. Например, командированные вместе с китайским посольством в Европу лучшие выпускники русского отделения школы Гуй Жун и Такшина 15 ноября 1868 г. писали Попову в Пекин: «Вы советовали нам знакомиться и разговаривать с русскими. Ваш совет очень хороший. Очень благодарим Вас за Вашу заботу о нас». Письмо заканчивалось словами: «Глубокоуважающие и помнящие Вас воспитанники»[3].

Во время работы в школе россиянин подготовил два обстоятельных доклада в Азиатский департамент МИД России – «Записку об училище русского языка в Пекине и положении при нём учителя из русских» (13 марта 1864 г.)[4] и «Записку о китайских училищах и положении при них русского учителя» (11 ноября 1869 г.)[5]. Указанные документы являются содержательным и достоверным источником о деятельности школы Тунвэньгуань в начальный период, весьма интересны с точки зрения понимания организации там учебного процесса, анализа трудностей, с которыми сталкивались китайские администраторы при модернизации школьного образования в китайской столице вообще.

В своей первой «Записке» Попов рассуждал о важности изучения местной интеллигенцией иностранных языков и европейских общеобразовательных учебных дисциплин. Организация языковых школ, по мнению россиянина, являлась залогом успешного заимствования китайскими подданными передовых зарубежных знаний и умений, в связи с чем на языковую подготовку стоило смотреть «как на истинное, единственно верное начало цивилизации Китая, начало знакомства китайцев с европейской наукой и жизнью»[6]. Ведь перевод на китайский язык зарубежных научных изданий, чем повсеместно в Китае занимались иностранцы,

оказался малоэффективным делом «по предубеждению китайцев ко всему европейскому». И только после того, как овладевшие иностранными языками китайские прогрессисты сами приступят к переводу таких трудов, начнут «пересаживать европейское знание на почву своего языка и страны, дело пойдёт скорее и успешнее»[7]. Преподавание иностранного языка должно было дополняться толкованием других учебных курсов, непосредственно связанных с тем государством, язык которого изучался (именно поэтому при зачислении Попова в школу, кроме русского языка, его также просили обучать слушателей географии и истории). Комплексное преподавание позволило бы обеспечить наличие в китайском обществе всестороннего представления о зарубежных государствах, в том числе о России.

В своём докладе россиянин анализировал цели и задачи новой школы, говорил о роли отечественного учителя в подготовке её слушателей. Тунвэньгуань считалось привилегированным учебным заведением, в которое долгое время принимались дети исключительно маньчжурской аристократии, имевшие на момент поступления начальную учёную степень «сюцай». Довольно высокий социальный статус и приобретённые специальные знания, как считал Попов, впоследствии могли бы позволить им становиться «не только чиновниками МИД (Главноуправляющего ведомства по делам всех государств. – *П.Л.*) или чиновниками Шанхайской, Кантонской и других таможен вместо служащих иностранцев», но и, «если выдержат хорошо все экзамены, членами Министерства, начальниками и губернаторами провинций, вроде Амурской, Гиринской, Илийской, Тарбагатайской и прочих, даже министрами»[8]. В этой связи при выдвижении выпускников школы на государственные посты важно «заранее воспитывать их через учителя в симпатии к России»[9]. То есть через преподавание должно было прививаться лояльное отношение к нашему государству, учащиеся и позже занявшие значимые должности в империи выпускники-русисты должны были разделять российские представления, содействовать отечественной политике в Китае, поощрять деятельность наших учреждений и частных лиц. Именно в этом, по мнению Попова, заключалась «задача нашего времени, и она падает на русского учителя»[10].

Попов во время службы в школе активно пользовался статусом преподавателя для решения служебных задач. По приглашению чиновников Ведомства по делам всех государств имел возможность посещать их для ведения различных бесед (благо, что школа располагалась в здании самого Ведомства). Статус иностранного педагога в придворной школе был высок, поэтому местные сановники воспринимали Попова с бóльшим уважением, чем если бы он общался с ними как служащий Российского дипломатического представительства. При контактах с ними россиянин из первых рук получал достоверную информацию, которая впоследствии анализировалась в интересах выстраивания внешнеполитической линии России в Китае. Проявлением определённого доверия, которое местные дипломаты демонстрировали в отношении Попова, являлись беседы по наиболее острым для китайского общества темам. «В другой раз разговаривали о взяточничестве в Китае и мерах прекращения его, – писал в своём докладе Попов, – совершенно согласился со своими оппонентами, что лучшей мерой была бы не строгость преследования взяточников, а увеличение оклада жалованья чиновникам»[11].

Учитывая образовательные и общеполитические задачи, стоявшие перед российским преподавателем в школе Тунвэньгуань, Попов заключал, что такой человек должен не только демонстрировать «отличное знакомство с китайским языком, как разговорным, так и письменным, но и достаточное знакомство со страной, не только трудолюбие и усердие, но и чисто китайское терпение, не только достаточное энциклопедическое образование, но и благоразумный патриотизм и умение вести себя на месте»[12].

Подготовка второй «Записки» Попова совпала по времени с периодом острой дискуссии при китайском дворе между предста-

вителями прогрессивной интеллигенции и старого чиновничества относительно будущего нового образования в Китае, в том числе и школы Тунвэньгуань. Консерваторы выступали в защиту существовавшей в этом государстве более тысячи лет системы государственных экзаменов на получение ученых степеней и причитающихся в соответствии с ними должностей (кит.: *кэцзюй*, 科举), в основе которой лежало теоретическое конфуцианское образование, отрицая при этом необходимость приобретения практических знаний и умений, необходимых для исполнения конкретных служебных обязанностей. «В этом государстве (Китай. – *П.Л.*), – совершенно справедливо в 1868 г. указывал один из выдающихся преподавателей школы, американский миссионер Вильям Мартин[13], – тексты и каноны означают всё, а наука (в европейском понимании. – *П.Л.*) – ничего. Люди окружают себя словами, но не делами»[14]. Такая постановка вопроса была во многом объяснимой, ведь новое практическое образование только начинало своё становление, и старая аттестационная система, несмотря на всю свою архаичность, попрежнему считалась единственным надёжным каналом формирования государственного аппарата и кадрового резерва. Эта система просуществовала ещё почти полвека и была упразднена лишь в 1905 г.

Конфликт старых идей и новых взглядов довольно убедительно демонстрируется в описанном Поповым инциденте, возникшем в связи с открытием в школе отделения астрономии. Дело в том, что в Китае традиционно следить за движением небесных тел, готовить с учётом полученных данных календари и делать соответствующие комментарии относилось к исключительной компетенции небольшой группы придворных астрономов. Они в том числе выполняли важнейшую, с точки зрения стабильного существования правящего дома, функцию – прогнозировали уникальные небесные явления (прежде всего затмения Луны и Солнца). Ведь если такие явления не были своевременно предсказаны, то это могло быть воспринято придворным окружением как знак недоверия Неба императору и его правлению, истолковано как утрата им «мандата правления», что было чревато потрясениями для династии. Консервативные сановники, считавшие, таким образом, деятельность звездочётов сакральной и отрицавшие идею распространения астрономических знаний в интересах общества и науки, пытались не допустить учреждения в школе соответствующего отделения[15].

Несмотря на протесты, в конце 1866 г. класс астрономии всё же был открыт[16]. Созданное в крайне неблагоприятных идейно-политических условиях, это подразделение довольно скоро начало испытывать трудности, помимо прочего связанные и с неудовлетворительной организацией образовательного процесса. Руководством школы было принято решение (кстати, вопреки советам того же российского преподавателя Попова) ввести чтение лекций по астрономии и математике на английском языке, вместо того, чтобы организовать выступление лектора на китайском языке через перевод (пока слушатели овладевали английским). В итоге «вышло так, что бóльшая часть учеников, уж и без того пожилых, или вовсе оставили училище или ходили на лекции по разу в неделю – ко времени получения стипендии. Остальные же в течение двух лет почти не сделали никаких успехов»[17].

При всех имевшихся трудностях внешнеполитическое ведомство приняло решение это отделение сохранить, так как в случае его расформирования было бы не только «неловко перед иностранцами, в глазах которых существование» этого подразделения «как бы служит доказательством прогрессивных устремлений правительства, но, главное, было бы триумфом партии закоренелых (консервативных. – *П.Л.*) китайцев, оппозиционной правительству»[18]. Впоследствии работа отделения астрономии была усовершенствована: приглашены иностранные преподаватели, владевшие китайским языком, были также наняты китайские подданные, в необходимой степени владевшие английским языком и знавшие основы пре-

подававшихся там специальных учебных дисциплин (например, Ли Шаньлань (1810–1882), о котором сообщал Попов)[19], увеличено количество урочных дисциплин, приняты новые учащиеся.

Другие преобразования, также проходившие в этот период в школе и описанные в документе Попова, оказались менее противоречивыми и оттого более успешными. В целях повышения качества работы учебного заведения было принято решение наладить практику приглашения иностранных преподавателей из-за рубежа, а не довольствоваться находившимися в Пекине иностранцами, порой имевшими сомнительную репутацию и не обладавшими специальными знаниями[20]; увеличено количество принимавшихся абитуриентов[21] и повышена их стипендия[22]; преобразована сама система управления образовательным учреждением. Все эти мероприятия в совокупности позволили реанимировать работу школы, укрепить её положение и статус в глазах придворной элиты.

В своём письме Попов рассуждал о возможных негативных последствиях для русского учителя и русского отделения, которые могли возникнуть в связи с назначением в ноябре 1869 г. на должность старшего преподавателя школы упоминавшегося выше американца Вильяма Мартина. С учётом новых правил все иностранные преподаватели теперь были обязаны подчиняться Мартину, в том числе и российский наставник, который, в отличие от других иностранцев, занимавшихся только учительством в школе, был прежде всего служащим российского дипломатического учреждения.

Такая кадровая политика, подразумевавшая неравноправные трудовые отношения среди иностранных специалистов и от этого способная нанести ущерб интересам нашего учителя, а, стало быть, и российскому участию в работе школы, просуществовала, правда, не долго. Благодаря наработанному авторитету и хорошим личным контактам Попова с сановниками Ведомства по делам всех государств и руководством школы российский преподаватель «получил право непосредственного голоса в совете учителей, и голос его будет не бессилен не только потому, что он драгоман [Российского посольства], но и потому, что служит [в школе] дольше других, поскольку опытнее других и знает сравнительно лучше китайцев и их язык»[23]. Впоследствии между старшим преподавателем школы и Поповым установились прочные профессиональные отношения. Американец ценил опыт российского коллеги и «первый обратился к нему (Попову. – *П.Л.*) с просьбой быть ему помощником в деле устройства и улучшения училища»[24].

Подготовленные А.Ф. Поповым две «Записки», таким образом, являются ценным источником по истории первого современного по тем меркам китайского учебного заведения по преподаванию иностранных языков и европейских точных наук – Тунвэньгуань. На настоящий момент это единственное сохранившееся подробное повествование российского современника, работавшего в этой школе и по долгу службы имевшего возможность непосредственно знакомиться с ходом преподавания, оценивать образовательные усилия администрации учреждения, анализировать причины выстраивания ею определённой образовательной, административно-кадровой и финансовой политики.

Оба документа интересны ещё и тем, что описывают ранний период работы школы, когда шло её становление, определялись цели и задачи в условиях пока ещё глубоко консервативного китайского общества. Сделанные Поповым выводы базируются на реальных событиях, участником которых он являлся. Он объясняет первопричины создания школы, связывая их с растущей необходимостью местных подданных обратиться к иностранному передовому опыту, анализирует истоки конфликта, возникшего в связи с учреждением отделения астрономии, совершенно верно видя его природу в противостоянии старого чиновничества и прогрессивно настроенной части китайской интеллигенции.

Важное место отводится анализу деятельности самого российского учителя. В

представлении Попова эта должность выходит за рамки просто преподавательской. Он полагал, что назначение на неё имеет также определённое значение с точки зрения профессионального роста. «А между тем опыт доказал, что учительство, частое посещение классов и Министерства (Главноуправляющее ведомство по делам всех государств. – *П.Л.*) служит значительным подспорьем исполнению обязанностей драгомана», – говорил про себя Попов[25].

Развивая тезис о значимости учителя из россиян, Попов совершенно справедливо возлагал на него, помимо педагогических обязанностей, также функции проводника культур, человека, в задачи которого входило прививание китайским подданным доброжелательного и лояльного отношения к России. Такой посыл соответствовал логике того времени: вторая половина XIX в. – период активного соперничества мировых держав в Китае, когда каждое государство пыталось укрепить своё влияние в регионе, в том числе путём проведения сбалансированной гуманитарной политики. Важной составной частью подобной политики как раз было укомплектование китайских учебных заведений иностранными преподавателями, навязывание там своих образовательных стандартов, учебных программ с целью создания прослойки людей среди нарождавшейся прогрессивной интеллигенции, разделявших и принимавших ценности западной цивилизации. Именно поэтому, как только ещё в 1861 г. стало известно о планах китайских властей учредить в столице современную школу, российских двор пытался максимально оперативно определить туда своего учителя. И, видимо, по той же причине американские дипломаты в Пекине после получения информации об отказе школьной администрации открыть у себя американское отделение (а первоначально такие планы были) предложили создать его там за свой счёт. В итоге в связи с дублированием функций американского отделения с уже существовавшим английским предложение американцев было отклонено.

В целом подготовленные А.Ф. Поповым два документа являются свидетельством важных событий из жизни Цинского общества второй половины XIX в. – периода ранних реформ, когда шёл активный поиск путей развития китайского государства и общества в Новое время.

Примечания

[1] Школа находилась в ведении Главноуправлеющего ведомства по делам всех государств (кит.: *Цзунли гэ го шиу ямэнь*, 总理各国事务衙门) – нового внешнеполитического учреждения китайского двора, открытого им в 1861 г. вследствие выполнения Китаем международных обязательств. В первые годы работы школы туда принимались дети «восьмизнаменных служивых людей в возрасте 13–14 лет», с 1885 г. возраст был повышен до 15–20 лет и значительно расширен круг принимавшихся абитуриентов: предлагалось не ограничиваться только маньчжурами, но также вести набор среди молодых «образованных китайцев». В школе в разные годы было введено преподавание иностранных языков – английского, русского, французского, немецкого и японского, функционировали отделения точных наук, таких, как астрономии, естествознания, медицины и т.д. С целью проверки усвоенных учениками знаний предусматривались месячные, квартальные, годовые аттестации, обучение завершалось выпускными экзаменами. Первоначально срок обучения составлял три года, впоследствии, после принятия в 1876 г. двух новых учебных планов, он был продлён до пяти и восьми лет соответственно. Преподавали в школе как китайские, так и иностранные наставники, причём ввиду специфики учебного заведения последних было больше, чем первых (так, в период с 1862 по 1898 г. там работали 64 иностранца, в то время как китайцев – всего 44). Выпускники школы распределялись на переводческие и дипломатические должности, назначались на вакантные места на современных производствах и предприятиях, работали преподавателями в новых школах и училищах. В 1902 г. школа Тунвэньгуань была преобразована и на правах переводческого отделения (кит.: *фаньи кэ*, 翻译科) была включена в состав учреждённого в 1898 в г. Пекинского университета

(кит.: *Цзинши дасюэтан*, 京师大学堂). Подробнее о деятельности Тунвэньгуань см.: Чоубань иу шимо, Тунчжи чао (Полное изложение сведений по ведению дел с варварами в правление Тунчжи). Т. I. Цз. 8. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008. С. 432; Чоубань иу шимо, Тунчжи чао (Полное изложение сведений по ведению дел с варварами в правление Тунчжи). Т. II. Цз. 15. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008. С. 656; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янъу юньдун шици цяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование в период Движения «по освоению заморских дел»). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007. С. 48–50, 52–58, 71–72, 176–178; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986. С. 40.

[2] Подробнее о жизни и деятельности А.Ф. Попова см., например: *Хохлов А.Н.* Первый преподаватель русского языка в Пекине А.Ф. Попов // Вопросы истории. 2009, № 11. С. 76–87; *Хохлов А.Н.* А.Ф. Попов – первый преподаватель русского языка в пекинской школе иностранных языков «Тунвэньгуань» // Восточный архив. 2012, № 1(25). С. 20–27; *Хохлов А.Н.* А.Ф. Попов – первый преподаватель русского языка в пекинской Школе иностранных языков «Тунвэньгуань» (продолжение) // Восточный архив. 2012, № 2(26). С. 37–43.

[3] Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385, оп. 1, д. 1739, л. 1–8. Ссылка даётся по работе А.Н. Хохлова, см.: *Хохлов А.Н.* А.Ф. Попов – первый преподаватель русского языка в пекинской Школе иностранных языков «Тунвэньгуань» (продолжение) // Восточный архив. 2012, № 2(26). С. 38.

[4] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), II-12, опись 52, документ 1 («Об училище русского языка при Китайском Министерстве Иностранных Дел и о бывших при оном учителях: Надворном Советнике Афанасии Попове, Иеромонахе Александре и Титулярном Советнике Вебере, 1862 г.»), 5 февраля 1863 – 23 апреля 1871 г. Л. 8–13об.

[5] Там же. Л. 64–75.

[6] Там же. Л. 9.

[7] Там же. Л. 9об.

[8] Там же. Л. 11.

[9] Там же. Л. 11об.

[10] Там же. Л. 10.

[11] Там же. Л. 12об.

[12] Там же. Л. 13.

[13] Вильям Мартин (William Alexander Parson Martin; кит. имя Дин Вэйлян, 丁韪良) родился 10 апреля 1827 г. в США в местечке Ливония штата Индиана в семье священника пресвитерианской церкви. В 1846 г. окончил Университет штата Индиана и был записан в Пресвитерианскую теологическую семинарию в Новой Албании. В 1849 г. по линии Американской пресвитерианской церкви был командирован в Китай для осуществления миссионерской деятельности. В апреле 1850 г. прибыл в Гонконг, откуда перебрался в Нинбо (провинция Чжэцзян), где с 1845 г. функционировала первая американская пресвитерианская церковь, на базе которой в 1850 г. была открыта религиозная миссия и церковная школа. Мартин начал увлечённо изучать местный диалект и лишь по прошествии нескольких лет приступил к освоению нормативного китайского языка, который ему особенно пригодился в его будущей преподавательской работе (подробнее о жизни и деятельности В. Мартина до приезда в Китай и первых годах его миссионерской деятельности см.: *Гу Чаншэн*. Цун Малисюнь дао Сытулэйдэн – лай хуа синьцзяо чуаньцзяоши (От [Роберта] Моррисона до [Джона Лейтона] Стюарта – миссионеры, прибывавшие в Китай для продвижения нового образования). Шанхай: Шанхай шуюянь чубань, 2005. С. 185–191; *Liu Kwang-Ching.* Science and Salvation in China: the life and work of W.A.P. Martin (1827–1916) // American Missionaries in China. Papers from Harvard Seminars. Cambridge: Harvard University Press, 1966. P. 11–25. В 1863 г. при поддержке американских и английских дипломатов переехал в Пекин, где в том же году открыл отделение Американской пресвитерианской церкви, см.: *Ван Вэйцзянь*. Дин Вэйлян хэ цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань) // Чжунмэй гуаньси ши луньцун. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 1985. С. 196. В 1865 г. был принят в школу Тунвэньгуань в качестве преподавателя английского языка. В 1867 г. взял длительный учебный отпуск и выехал в США для совершенствования своих знаний по юридическим наукам в Йельском университете, вернулся в Пекин в сентябре 1869 г. и в ноябре того же года в звании старшего преподавателя (профессора) был вновь зачислен в Тунвэньгуань.

Преподавал международное право (кит.: *Гунфа*, 公法), политику мировых держав (кит.: *Фуго цэ*, 富国策) и естествознание (кит.: *Гэу*, 格物), см.: *Covell, Ralph R.* W.A.P. Martin: Pioneer of Progress in China. Washington: Christian College Consortium, 1978. P. 180. Внёс значительный вклад в модернизацию образовательного процесса и учебной инфраструктуры школы. В 1895 г. ушёл в отставку и уехал в США, но вскоре вернулся в Пекин, где стал преподавать в Пекинском университете. Скончался в Пекине 17 декабря 1916 г. от болезни лёгких, отдав службе Китаю 66 лет (подробнее о деятельности Мартина в Тунвэньгуане см., например: *Ван Вэньбин*. Дин Вэйлян юй чжунго (Вильям Мартин и Китай). Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2008. С. 117–144; *Гу Чаншэн*. Цун Малисюнь дао Сытулэйдэн – лай хуа синьцзяо чуаньцзяоши (От [Роберта] Моррисона до [Джона Лейтона] Стюарта – миссионеры, прибывавшие в Китай для продвижения нового образования). Шанхай: Шанхай шуюянь чубань, 2005. С. 201; *Хэ Дацзинь*. Дин Вэйлян юй цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань) // Бэйфан луньцун. 2005. № 4. С. 81; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986. С. 31–32, 40).

[14] *Liu Kwang-Ching.* Op. cit. P. 29.

[15] Кстати, именно по этой причине школа в течение более двадцати лет не могла добиться разрешения на возведение у себя научной обсерваторию. См.: *Дин Вэйлян (W. Martin).* Хуацзя ицзи: и вэй мэйго чуаньцзяоши яньчжун дэ вань цин диго (Шестидесятилетние воспоминания: позднецинская империя в глазах одного американского миссионера) [A Cycle of Cathay or China, South and North with Personal Reminiscences by W.A.P. Martin, D. 'D.LL.D.]. Перевод с английского: Шэнь Хун, Юнь Вэньцзе, Хао Тяньху. Гуйлинь: Гуанси шифаньдасюэ чубаньшэ, 2004. С. 209.

[16] Подробнее о процессе его учреждения и связанными с этим придворными дебатами см., например: *Лю Гуанцзин*. 1867 нянь тунэвньгуань дэ чжэнъи (Спор 1867 г. в Школе иностранных языков Тунвэньугань) // Фудань сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 1982, № 5. С. 97–80.

[17] АВПРИ. Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), II-12, опись 52, документ 1 («Об училище русского языка при Китайском Министерстве Иностранных Дел и о бывших при оном учителях: Надворном Советнике Афанасии Попове, Иеромонахе Александре и Титулярном Советнике Вебере, 1862 г.»), 5 февраля 1863 – 23 апреля 1871 г. Л. 67об – 68. «Среди принятых [на отделение астрономии] учащихся, – писал современник, – лишь двоим было до 30 лет, возраст же остальных составлял от 35 до 50 лет, что вовсе не подходило для изучения иностранного языка. Ученики постоянно пропускают занятия, не обращают никакого внимания на важность изучения английского языка». См.: *Ван Вэйцзянь*. Указ. соч. С. 201.

[18] АВПРИ. Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), II-12, опись 52, документ 1 («Об училище русского языка…») Л. 68об – 69.

[19] Там же. Л. 68. Ли Шаньлань – известный китайский математик, астроном, ботаник. Родился 22 января 1811 г. в Нинбо провинции Чжэцзян. Умер в Пекине 9 декабря 1882 г. Подробнее см.: Чжунго да байкэ цюаньшу (Большая китайская энциклопедия), лисюэ (механика). Автор статьи: Дай Няньцзу. Цз. 74. Издание первое. Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 1985. С. 287.

[20] В 1877 г., например, из Мичиганского университета для чтения курса по астрономии был приглашён лектор Марк Харрингтон (Mark Harrington), см.: *Covell, Ralph R.* W.A.P. Martin: Pioneer of Progress in China. Washington: Christian College Consortium, 1978. P. 179.

[21] Было предложено, чтобы на всех отделениях одновременно обучалось 120 человек. Впоследствии это количество учащихся было зафиксировано в уставе школы, принятом в 1885 г., см.: Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986. С. 40.

[22] Вместо трёх лянов серебра в месяц им стали платить по 10 лянов, см.: АВПРИ. Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), II-12, опись 52, документ 1 («Об училище русского языка…»). Л. 65об.

[23] АВПРИ). Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), II-12, опись 52, документ 1. 5 февраля 1863 – 23 апреля 1871 г. Л. 73об.

[24] Там же. Л. 73об.

[25] Там же. Л. 74об.

Р.Ю. Почекаев

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ БУХАРЫ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОТЕКТОРАТА[1]

В 1868 г. Бухарский эмират был вынужден признать зависимость от Российской империи. Однако процесс превращения среднеазиатского государства в имперский протекторат затянулся более чем на полтора десятилетия и оказался довольно противоречивым. Его особенности нашли отражение в записках российских дипломатов и исследователей, побывавших в эмирате в 1870-е – первой половине 1880-х гг., т.е. в тот период, когда у власти находился эмир Музаффар (первый правитель Бухары, признавший протекторат Российской империи, правил 1860–1885) и ещё не было создано постоянное российское представительство – Императорское Русское политическое агентство. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать государственное устройство Бухарского эмирата и правоотношения в нём глазами русских путешественников.

В рассматриваемый период в Бухарском эмирате побывало довольно большое число российских путешественников, подготовивших по итогам своих поездок официальные отчеты или записки мемуарного характера. Среди них были дипломаты, военные чиновники (фактически – разведчики), а также и учёные. Некоторые из авторов записок являлись членами официальных посольств или иными дипломатическими представителями (С.А. Носович, Л.Ф. Костенко, Н.П. Стремоухов, И.Л. Яворский, Г.А. Арендаренко, В.В. Крестовский). Их информация в большей степени посвящена политической ситуации в Бухарском эмирате, организации высших органов власти, характеристике правителя, членов его семейства и высших сановников и пр. Впрочем, некоторые члены дипломатических миссий обращали внимание и на отдельные аспекты жизни эмирата, интересующие их в силу профессиональных причин – например, доктор И.Л. Яворский, естественно, достаточно подробно осветил состояние медицинского дела в Бухаре[2]. Другие (Н.А. Маев, полковник Матвеев, капитан Быков) совершали поездки с научной целью – для исследования отдельных регионов ханства, сосредотачивая внимание на экономических реалиях, системе транспортных коммуникаций, но при этом нередко приводя важные сведения касательно особенностей регионального управления в эмирате, взаимоотношений между представителями различных национальностей и сословий и т.п.[3] Из русских путешественников, побывавших в Бухарском эмирате в рассматриваемый период, т.е. именно как путешественники («туристы»), можно назвать, наверное, только известного российского дипломата и востоковеда Н.Ф. Петровского. Его «неофициальный» статус позволил ему более свободно перемещаться по эмирату (хотя, конечно, контроль его передвижений со стороны официальных бухарских чиновников и тайных шпионов был очень жёстким) и собрать немало ценных сведений о самых разных сторонах жизни Бухары.

Ниже мы намерены проанализировать сведения российских путешественников в Бухарском эмирате, касающиеся вопросов политического устройства и правового развития этого государства, и представляется целесообразным начать со статуса его правителя.

Поражение в войне с Россией и подписание сначала мирного договора 1868 г., а затем и Шаарского договора 1873 г. (юридически закрепившего протекторат России над Бухарой) существенно подорвали положение эмира и на международной арене, и в глазах его подданных. Собственно, и сам

Музаффар не был до конца уверен в своём будущем, что отразилось и на его отношении к представителям российских властей, приезжавших в Бухару в рассматриваемый период.

Так, первые российские посольства (и даже отдельные представители имперской администрации, не обладавшие статусом официальных послов), побывавшие в эмирате в 1870-е гг., встречались бухарскими властями с высокими почестями. Миссию полковника С.А. Носовича, побывавшую в эмирате в 1870 г. (впервые после заключения мирного договора 1868 г.) встречал уже на границах эмирата мирахур – фактически «министр иностранных дел» Бухары[4]. Аналогичным образом мирахур встретил и Н.Ф. Петровского, несмотря на то, что тот, по его словам, ехал в Бухару как путешественник[5]. А для того, чтобы пообщаться с Н.П. Стремоуховым, который в 1874 г. официально всего лишь сопровождал возвращавшегося домой бухарского посла, эмир Музаффар сам прибыл из столицы в город Китаб[6]. Г.А. Арендаренко, как официальный представитель туркестанского генерал-губернатора при дворе эмира Музаффара, пользовался не только почётом со стороны самого монарха и его сановников, но и фактически выполнял функции эмирского советника, выражая позицию российских имперских властей по различным вопросам. В первую очередь – относительно внешней политики Бухары, её связей с Афганистаном, британскими властями Индии и т.д.[7]

Впрочем, убедившись со временем, что российские власти не намерены ни присоединять Бухару к империи, ни свергать его самого, эмир Музаффар стал относиться к российским дипломатам более высокомерно. Так, если в первой половине 1870-х гг. он лично принимал каждого российского представителя, прибывавшего в эмират, обменивался со всеми дипломатами рукопожатием, нередко даже выезжая им навстречу из столицы и встречая в каком-либо из городов на пути следования, то в начале 1880-х гг. ситуация несколько меняется. С вышеупомянутым Г.А. Арендаренко в период его пребывания в эмирате (январь – июль 1880 г.) Музаффар общался преимущественно через своих чиновников – даулетханов[8]. В.В. Крестовский, описывая приём, оказанный посольству во главе с князем Ф.А. Витгентштейном, сообщает, что, встречая членов миссии, эмир на их приветствия лишь «отвечал одним общим полупоклоном, слегка привстав с места, и тут же сел опять и протянул князю руку». При этом сам русский дипломат даёт объяснение подобному поведению эмира: поскольку его положение в глазах подданных после договора 1868 г. было сильно поколеблено, он старался «возвратить себе вид самостоятельности хотя бы только в манере своего обращения с русскими»[9].

Тем не менее нельзя не отметить, что формальное признание российского протектората существенно изменило положение российских представителей в Бухарском эмирате. Раньше не только рядовые русско-подданные (в первую очередь, торговцы), но и дипломаты не могли себя чувствовать в безопасности и должны были опасаться за свою жизнь[10]. Теперь же основные проблемы пребывания российских дипломатов в Бухаре сводились к тому, в какой степени им следовало выполнять требования местного посольского церемониала, чтобы при этом не ронять престиж представляемой ими Российской империи.

В результате приём послов эмиром с точки зрения соблюдения протокола стал неким компромиссом между российскими и бухарскими дипломатическими традициями. С одной стороны, для русских послов был отменён унизительный обычай падать ниц (что сохранялось в отношении мусульман) и даже кланяться эмиру – он «по английскому обычаю» стал пожимать руку членам российских миссий[11]. С другой стороны, русские соглашались присутствовать на эмирском приёме в халатах, которые он жаловал им, а также должны были выходить из зала, пятясь, чтобы не поворачиваться спиной к эмиру[12]. Претерпела эволюцию и ещё одна традиция: ранее иностранные послы должны были сходить с коня на площади перед

резиденцией эмира и дальше идти на приём пешком, но уже в конце 1870-х гг. бухарские чиновники оставляли это действие на усмотрение российских дипломатов. Так, доктор И.Л. Яворский и его спутники в 1879 г. предпочли сойти с лошадей, выказав тем самым уважение бухарскому монарху, при этом впоследствии, в своих записках, доктор выразил недоумение по поводу отказа некоторых русских офицеров делать это, поскольку они считали спешивание на площади перед дворцом унизительным[13].

Подобные нюансы можно было бы счесть не более чем забавными фактами из истории русско-бухарских отношений, однако нельзя забывать, что в глазах представителей Востока любая мелочь могла иметь значение: малейшая уступка, в т.ч. и в области дипломатического протокола, могла быть сочтена бухарцами слабостью российских властей в целом. А этого допустить было нельзя, учитывая, что система протектората ещё не была в полной мере разработана и введена в Бухарском эмирате.

Сложность положения эмира заключалась не только в снижении его статуса после подписания мирного договора 1868 г., но и в том, что его статус абсолютного монарха был подорван в глазах собственных подданных. Он также находился в весьма противоречивом международном положении, поскольку, будучи союзником и, по сути, вассалом России, по определению должен был выступать против политики британских властей Индии и Афганистана, находившегося под их контролем. Между тем вооружённые силы Бухары, существенно подорванные после русско-бухарской войны, не имели возможности противостоять англо-афганским, поэтому эмиру Музаффару приходилось лавировать между разными политическими силами.

Неудивительно, что в первые годы пребывания под российским протекторатом бухарский монарх активно вёл переговоры с афганскими властями, стараясь обезопасить свои владения. Так, С.А. Носович упоминает, что во время его пребывания в Бухаре там находился и афганский посол, который был оскорблён оказываемыми русским почестями и намеревался уехать, однако бухарский эмир уговорил его остаться и даже намекал на возможность объединения для «священной войны» против русских[14]. О лавировании Бухары между Россией и Афганистаном упоминает Н.П. Стремоухов в 1874 г. и даже Г.А. Арендаренко в 1880 г.[15] Лишь в последующие годы, убедившись, что Россия готова оказывать покровительство Бухаре в противостоянии внешним угрозам, власти эмирата стали проводить более последовательную пророссийскую политику.

Ненадёжность положения эмира усиливалась проблемами в его собственном семействе. Отсутствие чёткого порядка престолонаследия (характерное, в общем-то, для всех тюрко-монгольских государств в самые разные исторические периоды) заставляло эмира опасаться властных амбиций своих сыновей, а их самих – считать друг друга конкурентами и не доверять друг другу. Весьма ярко эту ситуацию описывают С.А. Носович и Л.Ф. Костенко, отмечая, что каждый из семерых сыновей эмира Музаффара имел одинаковые права на занятие трона (не считая старшего, Катта-туры, поднявшего восстание против отца в 1868–1869 гг., в результате чего он был изгнан из эмирата и лишён прав на трон). Поэтому попытки русских дипломатов встретиться с одним из них всячески пресекались эмирскими властями, поскольку была опасность, что братья перессорятся и начнут смуту в эмирате[16]. Не мог доверять Музаффар и другим своим родственникам, которые также могли предъявить права на трон. Так, его племянник Сейид-Ахад-хан (причём сын сестры, поскольку братьев у эмира не было), опасаясь казни, был вынужден бежать к русским, тогда как всё его семейство было схвачено и уничтожено Музаффаром[17].

Стремясь не допустить ссор между сыновьями и вовлечения их в придворные интриги, эмир большинство их назначил беками – правителями областей эмирата. В частности, его второй по старшинству (после изгнанного Катта-туры) сын Акрам-бек управ-

лял бекством Гузар, самый любимый сын Сейид-Абдул-Ахад (впоследствии наследовавший трон Бухары) – бекством Кермине, Сейид-Абдул-Мумин – бекством Гиссар (при этом из-под его власти были выведены некоторые области прежнего Гиссара, отданные в управление другим сановникам) и т.д.[18]

Впрочем, в качестве беков сыновья хана не отличались по статусу от других правителей областей, которые не принадлежали к правящему роду. Сама Бухара с округой представляла собой центральное бекство, и функции бека в нём выполнял сам кушбеги – бухарский «премьер-министр»[19].

Среди беков было некоторое число назначавшихся эмиром из числа своих приближённых. Однако российские путешественники подчеркивают, что обычной практикой в Бухаре было назначение беков из числа правящих семейств соответствующих регионов. Тем самым эмир надеялся обеспечить лояльность к себе со стороны знати областей, при разных обстоятельствах насильно присоединённых к его владениям (в т.ч. и при содействии русских войск на рубеже 1860–1870-х гг.). Несмотря на то, что должность бека не была наследственной, сыновья таких чиновников, служа при дворе эмира, имели возможность снискать его милость и, соответственно, со временем рассчитывать на должности, занимаемые их отцами[20]. Естественно, нередко такие главы региональной администрации не обладали необходимыми способностями для выполнения своих обязанностей, и фактически за них управляли их собственные чиновники. Так, например, при встрече вышеупомянутого посольства князя Витгенштейна в Кулябе все контакты с ним осуществлял местный юзбаши, объяснивший, что юный бек получил должность не за заслуги и способности, а исключительно в силу происхождения, и потому не может соответствующим образом принять российских послов[21].

Впрочем, подобная политика не всегда была эффективна, и беки нередко меняли позицию в зависимости от политической ситуации в эмирате. Так, потомственный кулябский бек Сары-хан, несмотря на то, что в своё время помог Музаффару подавить восстание правителя соседнего бекства и в награду получил широкую автономию в своих владениях, впоследствии поддержал восстание Катта-туры против отца, за что был арестован и отправлен в Бухару. Впрочем, его преемником стал его собственный племянник[22].

В зависимости от того, какой политики в отношении русских придерживались эмир или кушбеги, вели себя и беки – сыновья эмира или родственники его приближённых. Так, например, гузарский бек Акрам-хан, сын эмира и номинальный предводитель «анти-российской» партии в эмирате, попытался уклониться от встречи миссии под руководством генерала Н.Г. Столетова, следовавшей через Бухару в Афганистан. Однако глава миссии настоял на оказании ей всех необходимых почестей, и эмирскому сыну пришлось явиться к нему, сделав вид, что прежде ему просто нездоровилось[23]. Аналогичным образом правитель бекства Карши, внук бухарского кушбеги (также недружелюбно относившегося к России), не захотел приехать к русскому послу князю Ф.А. Витгенштейну, который, подобно генералу Столетову, настоял на оказании ему необходимых почестей[24].

Каждый бек имел собственный двор, по сути, представлявший копию двора самого эмира: при нём имелись собственные мирахуры, диван-беги (начальники канцелярии) и т.д. Бекства делились на округа, во главе которых ставились амлякдары – своего рода «служилые дворяне», получавшие земельные наделы за службу и в то же время являвшиеся сборщиками налогов с населения для эмирской казны[25].

Беки не получали жалования от эмира, поэтому кормились за счёт собственных земельных владений и сборов в свою пользу с местного населения, естественно, нередко превышая полномочия по их взиманию. В таких случаях у эмира появлялось основание сместить или даже казнить бека, заподозренного им в утаивании части налогов, которые должны были идти в эмирскую каз-

ну. Пример жестокого наказания за подобное преступление приводит Н.П. Стремоухов: во время его приезда один из беков был навечно заточён в темницу, а сын бека (юноша, который не имел никакого отношения к преступлению отца) был брошен в «клоповую яму» – тесное подземное помещение с ядовитыми насекомыми, отчего очень быстро утратил рассудок[26]. Однако подобные жестокие меры, как правило, практиковались в отношении сановников, в верности которых эмир сомневался, и «налоговые преступления» чаще всего являлись поводом, а не причиной для расправ.

Сама налоговая система эмирата, включавшая в себя как налоги, предусмотренные шариатом, так и вводимые непосредственно монархами (что было характерно для тюрко-монгольских государств), отличалась неопределённостью, а виды и ставки налогов и сборов зачастую зависели от воли самого эмира. Например, начав переговоры с Афганистаном о возможной «священной войне» против русских в 1870 г., эмир Музаффар, не приняв никакого конкретного решения, тем не менее «предварительно» ввёл специальные сборы на военные нужды с населения[27].

Основной налог с бухарских земледельцев, харадж, в соответствии с мусульманским правом должен был составлять от 1/10 до 1/5 части урожая, однако, в зависимости от усмотрения эмира, крестьянам приходилось отдавать от 1/3 до 3/4 своей продукции. Кроме того, существовал ещё и танапный сбор – поземельный налог, размер которого зависел от количества пахотной земли плательщика; этот налог Музаффар также увеличил по сравнению с предшественниками[28]. Кроме того, собирался с населения бекств также налог халатами и тканями[29].

Торговый налог (аналог мусульманского закята или тюрко-монгольской тамги) составлял 2,5% с мусульман и с русских торговцев (после установления российского протектората над Бухарой), а с немусульман – 5%. Примечательно, что поначалу бухарские власти пытались сохранить более высокую ставку для русских купцов. Однако по мере укрепления российского контроля над эмиратом были вынуждены соблюдать договорённость с империей, и сами же российские торговцы при встрече с отечественными дипломатами подтверждали, что их облагают торговым налогом наравне с местным мусульманским населением. Впрочем, достаточно низкий налог даже с привилегированных торговцев (русских и мусульман) повышался за счёт того, что приходилось доплачивать за размещение своих товаров в караван-сараях, находившихся в государственной собственности, но отдаваемых на откуп арендаторам, устанавливавшим размер сбора по своему усмотрению[30].

Любопытно, что в Бухарском эмирате фактически не существовало сборов (акцизов) в добывающей сфере. Например, на Амударье велась добыча золота, практически не контролируемая правительством[31], а жители Келифа добывали соль, платя за её вывоз 1 таньга с верблюда, 1/2 таньга с лошади и 1/4 – с ишака, при этом сбор не производился эмирскими чиновниками постоянно[32].

К налогам также можно отнести традиционные для тюрко-монгольских государств дары, преподносившиеся правителю во время приезда его в то или иное бекство. Эмир, как правило, приезжал с большой свитой и многочисленной охраной, и, помимо богатых приношений, беку приходилось в течение длительного времени всех их содержать за свой счёт, давать пиры и пр. Безусловно, все эти затраты тяжёлым бременем ложились на население бекства[33]. Особенно страдали в этом отношении недавно присоединённые области Кита и Шахрисябз, в которых эмир Музаффар старался проводить по нескольку месяцев ежегодно: тем самым он пытался повысить лояльность к себе местного населения[34].

Центральный контроль за сбором налогов осуществлял бухарский кушбеги, который также порой позволял себе злоупотреблять своим положением и возможностями. Например, кушбеги Мулла Мухаммад-бий назначил по собственному усмотрению всех сборщиков налогов (зякетчи) в столице, а

главным сборщиком – своего собственного сына[35]!

Важным аспектом политико-правовой жизни Бухарского эмирата, привлекавшим внимание российских путешественников, было правовое положение отдельных слоёв местного населения и национальных меньшинств. Ведь с учётом этой информации российские власти могли принимать решения относительно направлений собственной политики в Бухаре.

По результатам общения российских дипломатов с местным населением оказалось, что большинство подданных эмира связывало с установлением российского протектората положительные изменения в Бухаре. В частности, торговцы (и ранее более открытые к иностранному влиянию, нежели другие сословия в эмирате) надеялись на получение дополнительных льгот и преимуществ, крестьяне – на более упорядоченную систему налогов (и, следовательно, их уменьшение), рабы – на освобождение, представители национальных меньшинств и немусульманских конфессий – на расширение своих прав. Кроме того, основная часть населения надеялась, что русские ограничат произвол эмира, а также систему внутреннего шпионажа и доносительства. Фактически против усиления влияния России в Бухаре были лишь духовенство, боявшееся лишиться доходов от вакуфного имущества, и чиновничество, жившее за счёт многочисленных налогов и сборов и потому не желавшее ничего менять[36].

Особое внимание российские дипломаты и исследователи уделяли положению национальных и конфессиональных меньшинств. Любопытно отметить, что узбеки, в силу традиции считавшиеся потомками завоевателей Средней Азии, номинально продолжали являться привилегированной частью населения, хотя ко времени установления российского протектората фактически уступили ведущие роли в политике персам, в торговле – таджикам и даже отчасти евреям и т.д.[37] Но если иностранцы мусульманского вероисповедания – таджики, арабы и даже бывшие рабы-персы – могли добиться значительных успехов в государственной и деловой жизни[38], то в отношении немусульман существовали весьма жёсткие ограничения.

Целый ряд русских путешественников отмечает ограниченный правовой статус бухарских евреев (иногда также называемых «джугуты»): они были лишены некоторых прав в торговой деятельности по сравнению с мусульманами, не имели права даже передвигаться верхом и были вынуждены носить особую одежду, чтобы их не спутали с мусульманами. Они надеялись, что с приходом русских не только расширятся их права в Бухаре, но и будет дано разрешение на постройку новой синагоги, на что упорно не соглашались бухарские власти прежде[39].

Также ограничены в правах были и индусы, традиционно являвшиеся в Бухаре менялами и комиссионерами при оптовых закупках. В силу своего немусульманского вероисповедания они нередко подвергались риску невыполнения обязательств со стороны мусульманских клиентов или партнёров перед «неверными», и надеялись, что при русских их денежные операции станут более безопасными[40].

В долине Амударьи проживало несколько тысяч туркмен, в отличие от большинства своих соплеменников признававших власть бухарского эмира, а не хивинского хана. Эта этническая группа, по сведениям капитана Быкова, проводившего исследование этого региона в 1880 г., находилась в весьма тяжёлом положении. Во-первых, эмир здесь создал три новых бекства – Кабаклинское, Бурдалыкское и Наразымское, чтобы построить крепости для отражения нападений туркмен-текинцев из Хивинского ханства. В результате регион, в котором было не более 6 000 дворов, должен был содержать трёх беков с многочисленным штатом чиновников и солдат. Во-вторых, среди чиновников не было ни одного туркмена: беками были узбеки и персы, амлякдарами, мирзами (секретарями), зякетчи и пр. также были узбеки, таджики и персы, так что и защитить интересы населения было некому. Неудивительно, что амударьинские туркмены были настроены против эмира и, в частно-

сти, с готовностью поддержали восстание его старшего сына Катта-туры в 1868 г.[41]

Одним из интересных аспектов в рассматриваемый период является усиление «российского фактора» политико-правового развития Бухарского эмирата. Примечательно, что на данном этапе власти и население эмирата связывали российское влияние преимущественно с контролем распределения водных ресурсов: ведь после вхождения в состав России Самарканда под имперским контролем оказались верховья р. Зеравшан, и именно от воли администрации Зеравшанского района (затем – Самаркандской области) зависело водоснабжение Бухары и её округи водой. Этот факт нашёл отражение и в отношении бухарцев к представителям российских властей, и в позиции эмира Музаффара в процессе переговоров с ними.

Так, С.А. Носович в своих записках приводит слова эмира, что тот был «рад приезду своих друзей-русских, и что вода пришла в Бухару вместе с ними»[42]. В разговоре с князем Витгенштейном в 1883 г. эмир также подчёркивал, что понимает свою зависимость от России, и она в любой момент может навязать Бухаре свою волю, пригрозив оставить её без воды[43]. В свою очередь простые бухарцы, по воспоминаниям Н.Ф. Петровского, уже в 1872 г. выражали недовольство русскими, которые, по их мнению, задерживали подачу воды в эмират или подавали её в недостаточном количестве[44].

Однако «водным вопросом» влияние России на дела эмирата не исчерпывалось. В период относительной неопределённости судьбы эмирата – продолжит ли он существование в качестве самостоятельного государства или будет присоединён к России – в Бухаре ходили самые разные слухи в связи с приездами российских посольств или даже отдельных представителей имперской администрации. Н.Ф. Петровский выразительно охарактеризовал ситуацию в эмирате, когда базарные слухи нередко влияли на принятие решений бухарскими властями, тогда как их решения, в свою очередь, влияли на экономическую ситуацию в стране. Причиной тому, по словам дипломата, была неспособность бухарцев хранить даже самые важные государственные секреты: высшие сановники сообщали их своим родственникам и друзьям, через которых информация вскоре распространялась по всей стране[45].

Так, когда С.А. Носович и члены его миссии в 1870 г. прибыли в ханство с эскортом из 50 казаков, среди населения сразу же стали распространяться слухи, что этот отряд намерен захватить крепость, свергнуть эмира и присоединить Бухару к России. Эти слухи дошли до эмира, который тоже разделял подобные опасения[46]. Прибытие в Бухару в 1880 г. Г.А. Арендаренко, эмиссара туркестанского генерал-губернатора, также породило самые разнообразные слухи, и каждый из них широко распространялся в Бухаре. По одной версии, он прибыл в эмират для организации совместных военных действий против Афганистана, по другой – чтобы восстановить в Шахрисябзе бывшего правителя Джура-бека (не желавшего подчиняться Музаффару и потому захваченного в плен русскими в 1870 г.), по третьей – чтобы разместить для постоянного пребывания в Бухаре отряд из 600 казаков (хотя у Арендаренко их было всего 10!) и тем самым закрепить над ней российский контроль. Эмир, в свою очередь, опасался, что его заподозрили в нелояльности к России и переговорах с англичанами. И лишь убедившись, что российский представитель не предпринимает никаких силовых действий, он успокоился и вернулся к своим прежним занятиям[47].

От взаимоотношений эмира с русскими порой зависела карьера сановников эмирата. Так, ещё до установления протектората Российской империи над Бухарой видный сановник Музаффара, носивший чин шигаул, был снят с должности и попал в опалу, когда эмир узнал, что он плохо обходится с русским посольством. Напротив, другой чиновник, некий Баба-бек, возвысился из мелких секретарей именно благодаря тому, что хорошо проявил себя во взаимодействии с российскими миссиями. Вместе с тем «прорусская позиция» не всегда являлась гарантией карьеры. Так, вскоре после поражения

от русских в 1868 г. эмир приказал казнить начальника своей стражи за то, что тот советовал не воевать с русскими. Урак-мирза (Урак-Ишан-ходжа), в течение ряда лет эффективно взаимодействовавший с русскими, был нелюбим эмиром за его прямоту и, в конечном счёте, отстранён от дипломатической деятельности[48].

Как бы то ни было, и власти, и население Бухары уже в 1870-е – начале 1880-х гг. стали воспринимать рост российского влияния в эмирате как неотъемлемую часть его политической жизни. И отсутствие со стороны империи решительных действий (которых бухарцы одновременно и ожидали, и опасались[49]) создавало неопределённую и в какой-то мере даже рискованную для России ситуацию. Ведь, убедившись в пассивности имперских властей относительно укрепления своего влияния и обеспечения своих интересов в Бухаре, и власти, и население эмирата могли вновь вернуться к антироссийским настроениям, тем самым сыграв на руку британским властям в Индии и Афганистане.

Надо полагать, подобные соображения и заставили власти Российской империи принять более энергичные меры по обеспечению своих интересов в Бухарском эмирате во второй половине 1880-х гг. – путём создания Императорского Русского политического агентства и образования российских поселений на территории эмирата. С их появлением русско-бухарские отношения перешли на новый уровень: «переходный период», когда протекторат России над Бухарой являлся по сути символическим, закончился, и зависимость эмирата от империи стала более явной.

Примечания

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16-01-0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

[2] См.: *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 53–57; *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. С. 51–55; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. IV. 1881–1886. Ташкент: Фан, 1971. С. 42–43.

[3] См., напр.: Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. III. 1869–1880. Ташкент: ТашГУ, 1962. С. 84–90.

[4] *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. С. 43.

[5] *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. Т. LX. 1873. Т. II. С. 212.

[6] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. Т. CXVII. 1875. С. 640.

[7] См.: Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендаренко). М.: Наука, 1974. С. 44–45.

[8] Там же. С. 96.

[9] *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. С. 136. Стоит отметить, что последующие эмиры, чьё положение на троне упрочилось именно благодаря поддержке Российской империи, продолжили эту тенденцию, оказывая всё менее и менее почестей российским дипломатическим представителям, включая и высокопоставленных, о чём с негодованием писал в начале XX в. Д.Н. Логофет в своём фундаментальном труде «Бухарское ханство под русским протекторатом».

[10] Достаточно вспомнить, например, записки горного инженера А.С. Татаринова, участника посольства К.В. Струве в Бухару в 1865 г., которое около семи месяцев провело в эмирате фактически на положении пленников, см., напр.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 217. Впрочем, и руководитель миссии 1870 г. С.А. Носович также ещё испытывал некоторую обеспокоенность по поводу безопасности посольства после выезда из Бухары, см.: *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. Т. XCV. 1898. С. 276.

[11] См.: *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 646; *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. I. СПб., 1882. С. 56; *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 136.

[12] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 286–287; *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 50; *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства… Т. I. С. 56; *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 139–140.

[13] *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. II. СПб., 1883. С. 332.

[14] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 276, 278, 279–280, 282. См. также: *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 71–72. По-видимому, и сами русские власти к 1870 г. не вполне представляли себе формат протектората над Бухарой, что вытекает, в частности, из слов С.А. Носовича (отражающего официальную позицию генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана) о том, что Россия не окажет эмирату поддержки в случае войны с Афганистаном, поскольку интересам России в этом случае ничто угрожать не будет, см. *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 642.

[15] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 641, 642; Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. С. 100, 121–122.

[16] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 274–275. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 57.

[17] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 684–685. В Бухаре ходили слухи, что эмир Насрулла, отец Музаффара, очень не любивший своего единственного сына, хотел сделать своим наследником именно сына своей дочери Сейид-Ахад-хана, что, вероятно, и обусловило его преследование со стороны нового эмира, см.: Там же. С. 687. Впоследствии российские власти рассматривали беглого царевича в качестве возможной кандидатуры на трон марионеточного Самаркандского ханства, планы по созданию которого имели место в конце 1860-х гг.

[18] См.: *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 694; *Маев Н.* Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. 1879. Вып. V. С. 177, 183; Поездка Г. Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883. С. 35; *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства… Т. I. С. 64.

[19] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 685; *Маев Н.* Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. 1879. Вып. V. С. 118.

[20] *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства… Т. I. С. 64–67.

[21] *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 224–228. Впоследствии сам кушбеги и его сын (отец каршинского бека) извинялись за допущенную им оплошность.

[22] *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства… Т. I. С. 36.

[23] *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 157–158.

[24] *Маев Н.* Очерки Гиссарского края. С. 176, 216.

[25] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 653, 674; *Маев Н.* Очерки Гиссарского края. С. 184–185; Очерк долины Аму-Дарьи. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова. Ташкент, 1880 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. IX. СПб., 1884. С. 70–71.

[26] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 683.

[27] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 278.

[28] Там же. С. 281; *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 94–95.

[29] *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства… Т. I. С. 36.

[30] *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 54, 87; *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 663.

[31] Поездка Г. Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году. С. 26.

[32] *Маев Н.* Очерки горных бекств Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. 1879. Вып. V. С. 316.

[33] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 682–683; Поездка Г. Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году. С. 35.

[34] Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. С. 125.

[35] *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару. С. 241.

[36] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 281, 629; *Костенко Л.Ф.* Путеше-

ствие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 85–86.

[37] *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 678; Поездка Г. Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году. С. 33; Очерк долины Аму-Дарьи. С. 70.

[38] Например, вышеупомянутый кушбеги Мулла-Мухаммад-бий был персом и раньше как раз являлся рабом-пленником, см.: *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару. С. 240–241. См. также: *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 285–286; Поездка Г. Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году. С. 33–34.

[39] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 638; *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 93–94; *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 678–679; *Маев Н.* Очерки Бухарского ханства. С. 93.

[40] *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 94; *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 315.

[41] Очерк долины Аму-Дарьи. С. 45, 69–71.

[42] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 636.

[43] *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. С. 167.

[44] *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару. С. 217.

[45] Там же. С. 230–231.

[46] *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году. С. 276.

[47] Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. С. 99–101.

[48] *Татаринов А.* Семимесячный плен в Бухарии. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. С. 46; *Маев Н.* Очерки Бухарского ханства. С. 107; *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару. С. 654–655, 684; Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. С. 96.

[49] Н.Ф. Петровский отмечал, что власти Бухары и Хивы никак не могли понять причины миролюбивой политики России в Средней Азии: «Каким образом мы не берём того, что легко взять можно? Этого ни голова эмира, ни голова хана вместить никак не могут». См.: *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару. С. 210.

Р.И. Беккин

ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА И.И. ИСЛЯМОВА К РОДНЫМ ИЗ МАНЬЧЖУРИИ. 1904 ГОД

В 2014 г. практически незамеченным прошёл один юбилей. 16 (29) августа 1914 г. с паровой шхуны «Герта» под андреевским флагом на мыс Флора на острове Нортбрук[1] в составе архипелага Земля Франца-Иосифа высадились несколько человек. Среди них были командир судна – капитан 2-го ранга Исхак Ибрагимович Ислямов и его сын Илья. Илья установил российский флаг, изготовленный из листового железа[2]. За этим символическим действием последовало провозглашение Земли Франца-Иосифа российской территорией.

Эта акция не являлась целью Ислямова. На архипелаг «Герта» зашла в поисках пропавшей экспедиции полярника Г.Я. Седова и шхуны «Святой мученик Фока». Но пока готовилась спасательная операция, началась Первая мировая война, и капитан 2-го ранга Ислямов то ли по собственной инициативе, то ли по чьей-то подсказке совершил политический шаг, направленный на укрепление интересов империи в Арктике.

Кем был этот человек? Исхак Ибрагимович Ислямов был потомственным моряком. Он родился в Кронштадте в 1865 г. в семье унтер-офицера Первого флотского экипажа Ибрагима Ислямова. В 1885 г. подающий надежды молодой поручик Ислямов выпускается из Морского инженерного училища по «корпусу флотских штурманов».

За годы своей службы Ислямову довелось служить на Балтийском, Каспийском и Тихоокеанском флотах. Перед самой Октябрьской революцией Исхак Ибрагимович был произведён в генерал-майоры (по корпусу гидрографов) с увольнением от службы по болезни. Таким образом, Ислямов стал первым мусульманином в России, занявшим высшую офицерскую должность на флоте.

Но время было такое, что уйти на покой Ислямову не удалось. В декабре 1918 г. Ислямов был приглашен на должность начальника комиссии по отбору солдат из плена для десантной армии по захвату Петрограда. В конце 1919 г. Ислямов оказался в Константинополе. Здесь он некоторое время заведовал гидрографической частью русской морской базы. В отличие от многих других белоэмигрантов мусульманин Ислямов чувствовал себя в Турции комфортно. Несмотря на то, что его сыновья Илья и Яков обосновались в США, Ислямов предпочёл остаться на берегах Босфора. Вскоре ему предложили место профессора Морского училища в Стамбуле. Скончался генерал-майор Ислямов в 1929 г. и был похоронен на одном из мусульманских кладбищ бывшей турецкой столицы.

Как белоэмигрант Ислямов не упоминался в советской литературе в числе других полярников конца XIX – начала XX в. Интерес к нему возник во многом благодаря татарстанским учёным, интересовавшимся выдающимся земляком[3].

В публикациях, посвящённых Ислямову, практически не рассматривается эпизод его службы во время Русско-японской войны. Между тем именно в 1904 г. он приобрёл первый боевой опыт. Войну Ислямов встретил в должности вахтенного начальника на минном транспорте «Амур». В марте 1904 г. он назначается старшим штурманским офицером на эскадренный броненосец «Севастополь». В задачи Ислямова входило обеспечение навигационной безопасности плавания броненосца, прокладывание боевых курсов и помощь командиру при выполнении маневрирования в боях с японским флотом[4].

К указанному периоду службы Ислямова на «Севастополе» относится публикуемый ниже документ. Он представляет собой выдержки из писем Исхака Ислямова, адресованных его родным, возможно, одному из

сыновей. Выписки сделаны рукой заведующего архивом войны в структуре Архива Морского министерства. Однако в документе также содержится автограф и самого Ислямова. В конце двух писем от 28 марта и 24 июня 1904 г. рукой Ислямова написано: «Верно: Кап. 2 р. Ислямов». В конце дела идёт приписка, также принадлежащая Ислямову, – пояснение к одному из эпизодов боя, когда между русским и японским флотом появились неожиданно китайские джонки.

Из фрагментов писем мы узнаем не так много подробностей о самих боевых действиях при обороне Порт-Артура. Между тем в письмах проскальзывают некоторые бытовые детали, сопутствовавшие жизни русских военных и моряков в Маньчжурии. «Места в буфетах брали с боя; офицеры сами бегали в кухню за едой: прислуги не дозовёшься; чуть зазеваешься и смотришь – не успеешь поесть, – поезд уходит; цена на всё двойная; везде щи или борщ – надоели адски. Видишь, как грязный китаец-повар грязными пальцами кладёт со сковороды тебе на тарелку мясо и картофель, – и ничего – ешь, да похваливаешь»[5].

Письма Ислямова интересны прежде всего тем, что мы видим войну глазами маленького человека, младшего офицера, который далеко не всегда знает, как себя вести в нештатной ситуации: «Поручик моментально на коня, едва успев крикнуть мне – “пошлите телеграмму”! Расспросить посланного я так и не успел. И вот мне предстояло потревожить чуть не всю Россию; что было тут делать? Поверить или нет? Я решил послать телеграмму, но в осторожных выражениях: я написал: “по донесению с поста японцы высаживаются[6] у Вангантау”. Одновременно потребовал присылки подкреплений с ближайшего пункта, Нангалина, – всё это, заметь, не моё дело, но распорядиться было некому – на станции полное ошаление; мне же пришлось распорядиться, чтобы потушили все огни, будить солдат и сторожей и пр.».

В своих описаниях Ислямов сдержан, в том числе и когда говорит о противнике – японцах. Содержание его писем носит оптимистический характер, несмотря на то, что положение как самой крепости Порт-Артур, так и её защитников было непростым. Если не знать тех обстоятельств, в которых писались эти письма, то можно подумать, что речь идёт о плановых учениях, а не боевых действиях, в которых обе стороны несли большие потери.

Публикуемый ниже документ представляет интерес для всех, кто интересуется историей русско-японской войны, а также вопросами службы мусульман в российской армии.

Выписки из писем лейтенанта Ислямова к своим родным (19 февраля – 10 мая 1904 г.)[7]

I.

«9 февр. 1904 г.

Сегодня подъезжаем к Харбину, и дня через 2 доеду, Бог даст, до Артура.

Морозы в Манджурии[8] стояли большие, но в вагоне ехать тепло, хотя народу много и тесно.

На станциях за Иркутском места в буфетах брали с боя; офицеры сами бегали в кухню за едой: прислуги не дозовёшься; чуть зазеваешься и смотришь – не успеешь поесть, – поезд уходит; цена на всё двойная; везде щи или борщ – надоели адски. Видишь, как грязный китаец-повар грязными пальцами кладёт со сковороды тебе на тарелку мясо и картофель, – и ничего – ешь, да похваливаешь. Кофе плохой, молока в Южной Манджурии и вовсе нет.

Еду в воинском поезде; набит битком.

Местные газеты печатают только Петербургские телеграммы, и потом новости узнаём после Вас.

В Южной Манджурии тихо».

II.

«Инчензы[9].

28 марта 1904 г.

Живу здесь в обстановке самой походной и в общем, слава Богу, мирно. Потревожили нас только в ночь с 25 на 26 марта.

Ночь эта была невозможная: страшный ветер (от берега), временами дождь и темень такая, что хоть глаз выколи. Я с сожителем, поручиком, командиром 60 ч. конных, был на железнодорожной станции (в версте от нашей стоянки); только что мы сели поужинать яичницей – другого ничего нет, – как вдруг влетает посланный разъездом конный солдат и не своим голосом кричит: “Ваше благородие, японцы высадились у Вангантау”; (это деревня на берегу моря всего в 5 верстах от станции). Поручик моментально на коня, едва успев крикнуть мне – “пошлите телеграмму”! Расспросить посланного я так и не успел. И вот мне предстояло потревожить чуть не всю Россию; что было тут делать? Поверить или нет? Я решил послать телеграмму, но в осторожных выражениях: я написал: “по донесению с поста японцы высаживаются у Вангантау”. Одновременно потребовал присылки подкреплений с ближайшего пункта, Нангалина, – всё это, заметь, не моё дело, но распорядиться было некому – на станции полное ошаление; мне же пришлось распорядиться, чтобы потушили все огни, будить солдат и сторожей и пр. Всех защитников на станции; солдат и служащих, около 40; да кроме упомянутых 60 конных в нашей деревне стоит ещё 10 конных и 120 пеших под командой другого поручика. И все эти люди не имеют одного общего начальника. От этого происходит то, что 2-й поручик пошёл в противоположную сторону, т.е. ему неверно сообщили название местности. В общем, пришлось пережить несколько тревожных часов. Потом, когда пришли подкрепления, выяснилось, что сначала на море видели у берега 2 огня; наш пост начал стрельбу и послал вестового с докладом; а тот сбился с дороги, и нас не нашли. Потом, по словам солдат, показалось много огней, будто даже человек 15 высадилось; был послан 2-й вестовой, который видел всё своими глазами, но которого по дороге ефрейтор заменил другим солдатом, ничего не знавшим и не видевшим.

Когда рассвело, обошли всю местность и ничего подозрительного не нашли.

Тем не менее попытка к высадке, очевидно, была.

И я всё-таки опасаюсь, как бы мне не было нахлобучки от начальства.

Кап. 2 р. Ислямов».

III.

«8 мая 1904 г.

Хотя мы теперь и отрезаны, но наши дела совсем не так плохи, как может показаться. На днях получили от нашего консула в Чифу[10] сообщение, тайно привезённое на джонке одним китайцем. Оказывается, японцы собирались чуть ли именно не 2 мая напасть на нас с разных сторон одновременно: потом штурмовать Кинжоу[11], высаживать десант в бухте Керр и Дип[12], бомбардировать наши позиции на Кинжоу со стороны Инчензов[13], где я раньше был, и бомбардировать Артур с моря. По счастью, это им не удалось. Генерал Фок[14] задерживает их у Кинжоу. 2 мая они потеряли 2 больших броненосца; один попортился о мину, а другой – Хатсузе[15] взорвался и потонул; всё на моих глазах. Это отплата за “Петропавловск”[16].

Видишь ли, японцы одно время всё ходили перед Артуром в расстоянии 18 верст; на такое расстояние пушки вообще не берут; у нас явилось, естественно, желание поставить там, где они ходят, мины. Но сделать это незаметно было и трудно и рискованно. Трудно потому, что на смену одним судам приходили другие, а ночью нас караулили миноносцы.

Именно Золотая Гора и получила приказание передать “Амуру”[17] (на котором я плавал), когда “Амур” может выскочить и незаметно для неприятеля набросать мины. Мы караулили 3 дня.

Наконец на четвертый, т.е. 1 мая, улучили момент и сказали “Амуру” – “выходите скорее и делайте своё дело”. Тот выскочил, успел в течение 2-3 часов исполнить свою задачу, и едва вошёл в гавань, – показались японцы. Но в этот день они не взорвались, а это случилось 2 мая. Сначала наскочил один, двухтрубный броненосец; видно было, как он осел на нос и стал пускать пар; а потом в 1/2 12 утра другой, трёхтрубный

взорвался сразу; сначала мы услышали глухой, но сильный гул; взглянули по направлению звука и увидели 2 высоких белых столба, вероятно, пару и дыму, саженей 30-40 вышины; в бинокль можно было ясно различить, как поднимался нос у этого броненосца, а корма скрывалась в воде, и менее, чем в одну минуту времени, он исчез из глаз, потонула на нём вся команда, т.е. человек 800. Остальные – 3 японских судна, из них 2 меньших размеров, не думали и подавать помощи, а бросились врассыпную; а первый попорченный, двухтрубный, – и всё палил из пушек, всеми бортами, вероятно, опасаясь подводных лодок.

Подлейший способ ведения войны: выигрывает тот, кто лучше исподтишка укусит. Трудно даже понять, как так японцы [сплоховали?] А тут ещё сведения, что в бухте Керр взорвался большой неприятельский крейсер.

Но ты не думай, что одна мина способна потопить в минуту броненосец, т.е. 10 этажный дом с населением уездного города; нет, мина делает пробоину, большую, до 100 кв. фут. Но если у самого места пробоины хранятся судовые мины, или снаряды, начинённые меленитом и пироксилином, то эти мины и снаряды сами взрываются, от детонации, т.е. от сотрясения; вот почему почти мгновенно погибли “Петропавловск” и “Хатсузе”».

IV.

«10 мая.

Всё-таки японцы не опустили рук, а недавно явились опять ночью и хотели отвлечь наше внимание брандером и миноносцами, а в это время другое судно, средних размеров, бросало мины, его защищали 2 миноносца; но, говорят, это судно и эти 2 миноносца потоплены, хотя мины и набросаны. На следующие дни мы стали “тралить”, т.е. искать мины и уже нашли с десяток».

V.

«24 июня.

Я думаю, вы все очень беспокоились, узнав из донесений японцев, что они 10 июня будто потопили несколько наших судов; я удивляюсь; как Того[18] мог поступить так легкомысленно; на деле повреждён миной лишь наш “Севастополь”[19], на котором я плаваю; но никаких потерь в людях, если не считать 2 заболевших от вдыхания газов, но уже поправляющихся. Конечно, мы могли погибнуть, но Бог милостив, щадит нас. Теперь с месяц будем чиниться. За это дело я представлен к Владимиру с мечами.

Ты знаешь, 10 июня мы вышли в полной надежде встретить японцев в меньшем числе, чем мы; у нас было 7 бронированных больших судов, 4 крейсера и 10 миноносцев. А встретили мы 8 больших бронированных судов, 3 броненосца поменьше, несколько крейсеров и лодок, до 30 миноносцев – всего до 50 японских судов; довольно неожиданно; вот и верь телеграммам из Чифу; по этим телеграммам выходило, что у японцев цел только один броненосец и несколько крейсеров – остальные будто или взорвались о мины, или погибли от туманов и проч. Японцы от боя эскадренного уклонялись, совершенно справедливо предполагая атаковать нас ночью миноносцами и утром добить; но мы благоразумно, увидав такую их силу, повернули к Артуру; и всё-таки, как стемнело, японцы кинулись на нас, поведя минную атаку; мы счастливо отбивались и уже подходили к Артуру, как вдруг страшный металлический треск; ну, думаю, на мину, и верно; однако двери переборки выдержали; вода залила только 2 носов. отделения; пошли, отстреливаясь, к мелкому месту, где и простояли до утра, а утром вошли в Артур. Эскадра наша отделалась в высшей степени счастливо, минуя так благополучно в темноте и наши и японские мины. Наш командир Эссен держал себя молодцом.

Верно: Кап. 2 р. Ислямов».

VI.

«28 июля 1904 г. во второй период боя между нашей и японской линиями баталии очутились две китайские джонки, шедшие контркурсом (?). Бомбы перелетали через джонки, не причинив им никакого вреда.

Впрочем, скоро эти джонки вышли из сферы огня.

К. 2 р. Ислямов».

Примечания

[1] В настоящее время мыс Флора находится на острове Юрия Кучиева в составе архипелага Земля Франца-Иосифа.

[2] *Шишкин М.* Ледовый поход // http://rusplt.ru/world/ledovyiy-pohod-12507.html

[3] *Ахметшин Ш., Гришин Я., Насеров Ш.* Генерал-майор И. Ислямов // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 3/4. С. 94–97; Ислам в Петербурге. Энциклопедический словарь. М. – Н.Новгород, 2009. С. 92–93 и др.

[4] *Ахметшин Ш., Гришин Я., Насеров Ш.* Генерал-майор И. Ислямов; http://echoofcenturies.ru/menuitem.4940a1fd855954fb2237fd9264278a0c/

[5] РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–7.

[6] Так в тексте.

[7] РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–7.

[8] Так в тексте.

[9] Инчензы – деревня в Китае на Ляодунском полуострове, расположенная на берегу одноимённой бухты.

[10] Чифу (Яньтай) – порт в Китае на Шаньдунском полуострове. В Чифу с 1860-х гг. находились консульства зарубежных государств, в т.ч. России.

[11] Кинчжоу (Цзиньчжоу) – город в Китае в провинции Ляонин. 12–13 (25–26) мая 1904 г. у Цзиньчжоу состоялся бой между русскими и японскими войсками. После нескольких неудачных атак японцам ценой больших потерь удалось взять город.

[12] Бухты на Ляодунском полуострове.

[13] Имеется в виду деревня Инчензы.

[14] Фок Александр Викторович (1843–1926) – русский генерал. При обороне Порт-Артура являлся начальником 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. В декабре 1904 г. был назначен начальником сухопутной обороны Порт-Артура.

[15] «Хатсузе» («Хацусэ») – эскадренный броненосец японского императорского флота. 2 (15) мая 1904 г. вместе с броненосцем «Ясима» подорвался на минах, расставленных в районе Порт-Артура минным заградителем «Амур».

[16] «Петропавловск» – эскадренный броненосец российского флота. Во время Русско-японской войны – флагман 1-й Тихоокеанской эскадры. 31 марта 1904 г. «Петропавловск» подорвался на японской мине вблизи Порт-Артура и затонул. Среди погибших на корабле был вице-адмирал С.О. Макаров.

[17] «Амур» – минный транспорт российского флота. В результате деятельности «Амура» во время обороны Порт-Артура были выведены из строя японские броненосцы «Хацусэ» и «Ясима». Уничтожен японской артиллерией 26 ноября 1904 г.

[18] Того Хэйхатиро (1848–1934) – японский адмирал, командующий Объединённым флотом Японии в Русско-японской войне.

[19] «Севастополь» – эскадренный броненосец российского флота, участвовавший в обороне Порт-Артура. После гибели броненосца «Петропавловск» и вице-адмирала Макарова адмирал Е.И. Алексеев поднял флагманский флаг на «Севастополе». После приказа о сдаче крепости Порт-Артур был затоплен 20 декабря 1904 г.

Вальдемар Шмидт

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПАЛЕСТИНЫ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

До начала XIX в. Палестина не являлась сферой интересов европейских держав, кроме присутствия Франции и России по защите святых мест. Однако ситуация стала меняться после военного похода Наполеона в Египет (1798–1801 гг.). Особый интерес к Палестине проявляла Англия, а позднее Австрия, Пруссия. Практически все европейские государства с 1838 г. имели консульские представительства в Палестине и добивались особенных прав для своих подданных, проживавших на территории Османской империи. Европейские державы привлекали в Палестине не природные богатства, так как эта территория была бедна природными ресурсами, и не расширение рынков сбыта. Прежде всего Палестина оказалась в центре внимания великих держав из-за своего исключительно выгодного геополитического положения. С другой стороны, важнейшее значение Палестина имела для европейских держав в их борьбе за раздел «наследства» Османской империи.

С середины XIX в. Палестина начинает постепенно выходить из экономического застоя. Её развитие начинается благодаря политическим интересам к этому региону великих держав, и в первую очередь Англии, во внешнеполитических планах которой имелись намерения расширить своё влияние на Аравийском полуострове и в Месопотамии. Одним из важных факторов, побудивших европейские державы обратить внимание на положение Палестины, явилась оккупация этой территории Египтом, а позднее проведение египетскими властями мероприятий по улучшению положения еврейского населения в этой провинции Османской империи. Это нашло отклик и симпатии со стороны европейских консулов, которые сообщали в своих донесениях о проведении этих мероприятий. Поэтому неслучайно в протестантских кругах Европы в это время распространилась идея «о возвращении евреев в Палестину»[1].

Возникновение проблемы с переселением евреев на территорию Палестины было связано с обострением «восточного вопроса» 1830-х – 1840-х годов. В XIX в. в Европе, и особенно в Англии, стали появляться работы и статьи в периодической печати, в которых публиковались призывы к воссозданию еврейского государства в Палестине. Появление некоторых публикаций, касающихся этого вопроса, диктовалось чисто политическими интересами Англии к данному региону, другие же были связаны с появлением в Великобритании в XIX в. духовного течения в протестантизме, приверженцы которого верили, что с возвращением евреев в Палестину исполнится библейское пророчество о втором пришествии Христа. Под влиянием этих публикаций в Англии было сформировано общественное мнение об исторической миссии Великобритании по вопросу возвращения евреев на их историческую родину. Подчёркивая идеологическую значимость создания еврейского государства в Палестине, следует отметить, что во многих периодических материалах формировался образ идеального еврейского государства, основанный на возвращении к земледельческому или иному физическому труду. В 1838 г. министр иностранных дел Англии лорд Палмерстон одобрил идею превращения Палестины в территорию, на которой под английским протекторатом можно было бы организовать еврейское государство. Причём своё мнение по данному вопросу Палмерстон обосновывал тем, что это не только способствовало бы возрождению еврейской нации, но и придало бы силу внешней политике Англии на Ближнем Востоке.

В марте 1838 г. вновь обострился турецко-египетский кризис. Для поддержки султана лорд Палмерстон заключил с Осман-

ской империей торговый договор, в одном из пунктов которого говорилось об учреждении английского консульства в Иерусалиме. Министр иностранных дел Англии давал инструкцию консулу в Иерусалиме, что «частью ваших обязанностей, как английского вице-консула в Иерусалиме, является оказание общей защиты евреям и по возможности сбор материала о положении еврейского населения в Палестине»[2]. В письме послу в Константинополе Палмерстон вновь упоминает об евреях: «Среди евреев, которые разбросаны по всей Европе, сильно распространились представления о ближайшей возможности возвращения этого народа в Палестину... Для султана это имеет важное значение, так как их богатство в областях, подвластных султану, будет способствовать его увеличению; и в случае получения от султана разрешения о переселении под его протекторатом и приглашении об их возвращении это будет способствовать прекращению борьбы Мухаммеда Али... Я прошу Ваше Превосходительство передать турецкому правительству, что среди евреев Европы имеется убеждение об их возвращении в Палестину»[3]. По мнению Палмерстона, евреи должны были получить незамедлительно возможность поселения на старой Родине. Это письмо министра иностранных дел Англии датировано 11 августа 1840 г. 17 августа 1840 г. в газете «Таймс» была опубликована статья о плане переселения еврейского народа в Палестину. Накануне Лондонской конференции 1840 г. по проблеме решения «восточного вопроса» в Англии было организовано широкое движение в пользу возрождении евреев.

Во времена египетского завоевания Палестины для евреев, живших на этой территории, было особенно важно, чтобы Палестина попала под влияние европейских держав, и в конечном итоге это способствовало бы переселению на её территорию европейских евреев. В связи с этим следовало бы упомянуть Моисея Монтефиоре, который совершил семь поездок в Палестину. Он заботился об улучшении жизненных условий местных евреев с помощью правовых методов. К тому же его секретарь Елезар Ха-Леви, которого он оставил в Палестине, искал возможность собрать статистику о еврейском населении Палестины[4].

Монтефиоре также был одним из инициаторов воссоздания еврейского государства. В 1838 г. он совершил поездку в Палестину, после чего едет в Египет, где просит о встречи с владетелем Египта Мухаммедом Али. При встрече с Мухаммедом Али он просит дать разрешение на покупку земли на территории Сирии и Палестины для создания еврейских поселений. В плане, предложенном Мухаммеду Али, Монтефиоре оговаривает пункт о создании в Галилее 200 переселенческих еврейских поселений. Для финансирования этого проекта им был создан банк с наличным капиталом один миллион фунтов. Мухаммед Али обещал найти свободные земли в Сирии и Палестине для организации этих поселений. Однако проект о возвращении евреев в Палестину в то время остался неосуществимым, так как не было значительного числа евреев, которые могли бы переселиться в Палестину. В 1840-е гг. Англии не удалось привлечь ни одного колониста. Идеологическое обоснование создания еврейского национального государства к этому времени начало лишь складываться.

В 1839 г. идеи о возвращении евреев на историческую родину впервые высказал раввин сефардской общины под Белградом Алкалай (1798–1878), который в своих выступлениях говорил о необходимости создания еврейской колонии в Святой земле как основы для подготовки национального освобождения еврейского народа. Алкалай выступал против ортодоксальных религиозных кругов, которые верили в приход Мессии и затем избрание еврейского народа и возвращение его в Сион. Алкалай, напротив, считал, что евреи не должны дожидаться прихода Мессии, а сами приложить максимум усилий, чтобы вернуться на историческую родину. Ортодоксальные круги осудили воззрения Алкалая, но, несмотря на это, он продолжал печатать свои труды, в которых пропагандировал мысль, что единственно пра-

вильным решением проблем европейского еврейства может стать лишь массовая эмиграции и заселение Палестины. Он разработал подробный план о возвращении евреев в Палестину, который включал в себя введение налогов для финансирования поселенческой деятельности, международное признание прав еврейского народа на создание независимого государства, возрождение иврита как государственного языка, создание системы сельского хозяйства и вооружённых сил. В 1852 г. Алкалай посетил Англию и другие европейские страны, надеясь получить поддержку правительств для выполнения своего плана. Особенно он надеялся на помощь Великобритании.

В 1850-е гг. положение еврейского населения Палестины было сложным, об этом сообщала «Augsburger Allgemeine Zeitung». Она писала, что «среди еврейского населения Палестины, частично вследствие последнего неурожая, частично вследствие кризиса транспорта, который был вызван войной, господствует голод. После обращения о помощи всё-таки в Зафеде, Хеброне и Тиберии нужда огромная. Палестинские евреи обратились к верующим евреям в России с просьбой о помощи, но этот источник не является главным, так как русские евреи находятся также в тяжёлом положении». Далее газета писала, «что Моисей Монтефиоре, после посещения Святой земли и ознакомления с положением еврейского населения, издал листовку “Братья в Израиле” с призывом о помощи»[5].

В 1860-е гг. в связи с объединением германских земель национальные вопросы, такие как польский и еврейский, резко актуализировались. В этот период по всей Европе возникают группы, которые пытаются реализовать идеи Алкалая по вопросам заселения Палестины. Эти группы называли себя «Ховевей Сион». «Ховевей Сион» видел свою задачу в решении еврейского вопроса в возвращении еврейского народа в Палестину и создании там сельскохозяйственных поселений. Лидер этого общества Мозес Лилиенблюм считал, что для осуществления этой задачи нужно заручиться поддержкой европейских держав. Последователем программы о возвращении евреев в Палестину также был Моше Гесс (1812–1875). Свои идеи он изложил в книге «Рим и Иерусалим», вышедшей в 1862 г. Он одним из первых выступил за крупномасштабную сельскохозяйственную колонизацию Палестины.

К числу последователей идеи о возвращении евреев в Палестину также принадлежал барон фон Моритц Хирш (1831–1896). План, который он предложил российскому правительству, включал в себя предоставление 50 млн. франков для развития профессиональной ориентации среди евреев. Однако российское правительство отклонило это предложение. После отказа русской стороны в решении еврейского вопроса барон Хирш пришёл к мнению, что еврейский вопрос можно решить только с помощью эмиграции евреев из России, а также из тех стран, где существуют антисемитские настроения[6]. Однако в план барона Хирша не входило переселение евреев в Палестину. Это объяснялось прежде всего тем, что при дворе турецкого султана нельзя было найти поддержку и взаимопонимание по вопросу об организации еврейских поселений в Палестине, а с другой стороны, он был убеждён, что рано или поздно Палестина станет предметом внешнеполитических интересов России. Поэтому целью для переселения и колонизации он выбирает Аргентину[7].

Одним из последователей создания еврейских колоний в Палестине был Лоуренце Олифант. Он был служащим внешнеполитического ведомства, журналистом и религиозным фанатиком. Из религиозных мотивов Олифант становится сторонником создания государства Израиль и поэтому ищет политические возможности для реализации своих планов. В 1865 г. Олифант становится депутатом английского парламента, хотя это место занимает недолго. После Берлинского конгресса 1878 г. во многих европейских государствах прошли антисемитские погромы, в частности, в Румынии, куда Олифант едет для участия в собрании «Ховевей Сион» в Яссах. После этого у него возникает убеждение в необходимости поездки в Констан-

тинополь для того, чтобы убедить турецкого султана дать разрешение на переселение евреев на территорию Османской империи, а точнее, в подвластную ей область Палестину[8]. С письмами от Дизраэли и других государственных деятелей Олифант в 1878 г. покидает Европу. Ещё перед началом массовых погромов 1881 г. в России Олифант издал книгу о Палестине, которая вызвала интерес в кругах восточноевропейских евреев. В ней он изложил план о возвращении евреев в Палестину. В плане Олифанта имелись также мысли об Азиатской Турции. По его мнению, Англия могла бы с помощью переселения евреев поднять её экономический уровень. В частности, его идеи касались и России, которую, по его мнению, нельзя было допускать в Азиатскую Турцию, и от которой, как считал Олифант, исходила реальная угроза внешнеполитическим амбициям Англии в этом регионе.

Однако план Олифанта, касающийся Азиатской Турции и помощи Англии её экономическому восстановлению за счёт переселения евреев, имел мало сторонников в Константинополе. Абдул Хамид II (1876–1909) рассматривал этот план как ещё одну попытку Англии отторгнуть от Османской империи её территорию. В начале 1880-х гг. Олифант вновь ищет возможность заинтересовать турецкое правительство в своих предложениях, но тщетно[9]. Однако Олифант не остановился в поисках разрешения «еврейской проблемы» в Российской империи и других восточноевропейских государствах, и через некоторое время после отказа османского правительства он становится организатором акций помощи русским евреям[10].

Для исследования вопросов переселения и организации еврейских колоний на территории Палестины из числа евреев Российской империи важное значение имеют публикации европейских журналов. К числу таких журналов в первую очередь следовало бы отнести материалы журнала «Palästina. Zeitschrift für Aufbau Palästina», на страницах которого публиковались аналитические статьи по вопросам переселения евреев из России, о трудностях этого процесса, статистические данные о росте численности еврейских колоний в Палестине перед началом Первой мировой войны, а также описание экономического развития отдельных переселенческих поселений. Многие авторы, публиковавшие статьи по данной проблеме, отмечали ряд трудностей в организации массового переселения большого числа евреев из России в Палестину. Одной из таких трудностей в этом процессе была позиция Османской империи.

В этом смысле интересна работа Давида Кушнера, в которой автор рассматривает взгляд административных служащих в отношении еврейской эмиграции в Палестину. Автор пишет, что среди турецких чиновников существовало негативное отношение прежде всего к усилению влияния европейских держав в Османской империи, что, по их мнению, вело к разделу Османской империи на так называемые «зоны влияния» европейских государств с населением, находившимся под их защитой. Это, естественно, нарушало территориальную целостность Османской империи и способствовало усилению вмешательства европейских государств во внутренние дела Турции. В рамках дипломатических договорённостей, которые Османская империя заключила с великими державами, некоторые иностранцы, проживавшие на территории Турции, получали особый статус. Рассматривая вопрос об отношениях ведомственных служащих Османской империи к увеличению притока иностранцев, следовало бы упомянуть о губернаторах провинции Палестины, время деятельности которых совпало с правлением султана Абдул Хамида II. Судя по сообщениям губернаторов, основная проблема касалась еврейского переселения и создания переселенческих поселений в Палестине.

Усилившееся переселение евреев после 1880 г. не осталось без внимания в Константинополе. Ещё перед тем, как первые еврейские переселенцы 6 июля 1882 г. должны были прибыть в Яффу, там прошли протесты арабского населения. Поэтому через консула в Одессе османское правительство сообщило, что переселение и покупка земли

иностранцами, а позже и подданными евреями Османской империи была запрещена в Палестине[11].

Погромы в царской России 1881–1882 гг. вызвали массовое переселение евреев в Османскую империю, большое число из которых осело в Константинополе. Многие из них искали возможность получения турецкого подданства. Однако официальная позиция турецкого правительства по этому вопросу состояла в запрещении продажи земли евреям – подданным иностранных государств. А евреи Османской империи должны были дать обязательство, что не продадут земли переселенцам и не отдадут их для развития еврейских колоний. С 1882 г. турецкое правительство начинает активно принимать ряд декретов, которые были направлены на ограничение переселения евреев в Палестину. По поводу введения ограничения на переселение в Палестину говорилось в донесении из Иерусалима от 9 июля 1882 г. следующее: «Со стороны служащих в Константинополе губернатору Палестины было сообщено, что правительство Османской империи решило не разрешать создание поселений евреев в Палестине»[12]. По этому поводу газета «Orientpost» от 8 августа 1882 г. писала: «...однако переселение не претерпело изменений, несмотря на введение запрета»[13]. Такое слабое влияние введённых запретов на переселение евреев в Палестину имеет различные основания. Прежде всего, турецкие таможенные служащие в Хайфе и Яффе соблюдали законы только частично. Выселенные из Палестины евреи ехали дальше в Бейрут или Порт-Саид, а затем вновь возвращались в Палестину. К тому же турецкие административные служащие получали за это деньги. В некоторых случаях, не имея денег, евреи въезжали в Палестину как паломники, что разрешало им короткое пребывание в Святой земле. После истечения срока пребывания они обращались либо в консульства, либо платили деньги, чтобы получить разрешение остаться в Палестине.

В основном образование еврейских колоний на основе эмиграции евреев из Восточной Европы и России можно разделить на 3 основных этапа:

1. 1882–1884 гг., когда были образованы первые колонии на основе переселенцев-евреев из России, Румынии и других стран Восточной Европы.

2. После изгнания евреев из Москвы в 1890 г. в Палестину прибыло ещё больше российских евреев, что послужило организации пяти новых колоний.

3. Третья фаза переселения, начавшаяся в 1886 г., способствовала организации ещё двух сельскохозяйственных колоний.

Отношение османской стороны к переселению евреев в Палестину основывалось на донесениях губернаторов. В этом смысле показательно мнение губернатора Сирии Джемаля-паши, который писал следующее: «Еврейская колонизация работает только на себя. В случае, если эти колонии получат дальнейшее развитие, то неизбежно будет расти переселение евреев. По моему мнению, это переселение является негативным для Османской империи»[14].

Важным источником по вопросу переселения евреев в Палестину являются сообщения еженедельной газеты немецких переселенцев в Палестине «Die Warte des Tempels», которая до 1911 г. издавалась в Штутгарте, а с 1912 г. – в Иерусалиме под названием «Jerusalemer Warte». С 1883 г. в газете публикуются сообщения не только о развитии немецких колоний в Палестине, но и о еврейском переселении. В этой газете публиковались также сообщения об отношении Турции к переселенческому движению евреев в Палестину. Так, 23 марта 1883 г. «Die Warte des Tempels» сообщала: «Важное, что можно писать о Палестине – это переселении евреев. Усилившееся еврейское переселение вызовет большие перемены, если турецкое правительство не будет этому препятствовать. В случае того, если евреи станут турецкими подданными, то у них будет возможность переселения в Палестину»[15].

Декреты предусматривали ограничение въезда эмигрантам и срока их пребывания на территории Палестины. По мнению турецких служащих, еврейское переселение

могло вызвать следующие трудности для стабильности Османской империи:

1. увеличение числа иностранных граждан и впоследствии рост интереса иностранных государств к Палестине;

2. рост национального самосознания евреев и развитие их эмиграции в Палестину;

3. сопротивление еврейскому переселению со стороны мусульманского населения страны[16].

Мероприятия, направленные на ограничение въезда иностранных подданных на территорию Османской империи, предпринятые турецкими властями, уже изначально саботировались европейскими государствами. Турецкие служащие считали, что это вызывало нарушение статей заключённых договоров, так как великие державы преследовали одну цель – увеличение числа своих подданных и распространение своего влияния в Османской империи. Консулы великих держав, если это было возможно, активно помогали переселенцам получить въездные документы. В своих донесениях губернаторы провинции Палестина подчёркивали, что слабый интерес великих держав к тесному контакту с турецкими служащими по вопросу введения запретов на переселение и создание поселений являлось причиной быстрого расселения евреев в Святой земле. В одном из меморандумов, который отправил губернатор Палестины великому визирю, он напоминал, что политика великих держав в неоказании помощи турецким властям есть прямой саботаж их деятельности, так как под давлением великих держав вносятся изменения и послабления в переселенческие законы. Иностранные консулы всё делают для того, чтобы помочь еврейским переселенцам остаться в Палестине[17].

В донесениях губернаторов неоднократно указывалось также на огромную опасность деятельности Великобритании для территориальной целостности Палестины. Англия никогда не являлась верным союзником Османской империи, и в середине XIX в. она всё больше и больше была заинтересована принять участие в разделе Турции и получить определённую долю из её наследства. В основном интересы Англии распространялись на Египет, где она с 1882 г. господствовала, а также на Аравийский полуостров. Эти области были важными стратегическими пунктами для внешнеполитических интересов Великобритании. Переселение евреев из Российской империи в Палестину после еврейских погромов 1881 г. не вызвало должного внимания со стороны западноевропейских государств, кроме Англии, которая имела свои цели и интересы в данном регионе. Именно английские газеты сообщали о возможностях переселения евреев из России в Палестину[18]. Англия, заинтересованная в присутствии в этом регионе, искала возможность вести дипломатические игры с Османской империей по вопросу создания еврейских колоний на территории Палестины из переселенцев Российской империи. Подобные обсуждения между Англией и Османской империей состоялись, однако они показали, что в турецком обществе нет интереса к переселению евреев в Палестину.

В конце XIX в. лидеры еврейского национального движения стали усиленно добиваться поддержки Великобритании, которая, в свою очередь, после захвата Египта в 1882 г. стала рассматривать Палестину как важнейшее звено в системе своих будущих владений на Ближнем Востоке. Естественно, Англия нуждалась в надёжном союзнике для укрепления своего влияния в Палестине. Этими союзниками стали представители еврейского национального движения, которые старались убедить Великобританию в том, что ей выгоднее иметь отношения с ними, чем с арабской феодальной верхушкой.

Кроме Англии, на Ближнем Востоке также действовала немецкая дипломатия, особенно в Турции, имея цель поставить эту страну под своё экономическое и политическое влияние. Однако внешнеполитическая деятельность Германии в Палестине была менее активной, чем в самой Османской империи, как владетельницы этой территории. Любое проявление интереса Германии к Палестине трактовалось европейскими державами как «разбойничья политика» в отношении Османской империи[19].

В 1880-е гг. происходит изменение курса германской внешней политики в отношении Османской империи. Тесные контакты между Берлином и Константинополем способствовали усилению влияния немецкого капитала в Турции. Сближение Германии с Турцией перед началом Первой мировой войны было возможно потому, что германская дипломатия активно поддерживала панисламистскую доктрину, господствующую в султанской Турции, целью которой было создание всемусульманского государства во главе с Абдул Хамидом II. Конечно, поддерживая эту реакционно-утопическую идею, Германия преследовала свои внешнеполитические цели, прежде всего направленные на ослабление влияния Англии, Франции и России в мусульманских странах, тем самым подготавливая почву для экономического и политического контроля Германии над этими странами[20]. Поддерживая идею панисламизма, германская дипломатия приобрела огромное влияние на султана Абдул Хамида II. В связи с этим следовало бы упомянуть о посещении Вильгельмом II Турции в 1898 г.

После того, как Вильгельм II стал императором Германии, первым его внешнеполитическим шагом было посещение Османской империи. Император Германии был сторонником теории посла в Константинополе графа Хатцендорфа, высказавшего идею, что со времени Наполеона у Франции, а позднее и Англии взгляд на Османскую империю изменился. Англичане, как утверждал Хатцендорф, после завоевания Кипра в 1878 г. и Египта в 1882 г. потеряли интерес к Турции. Внешнеполитический вакуум, возникший в Константинополе, явился призывом для Германии к проведению «мировой политики». Единственной областью, где Германия имела приоритет по отношению к Англии и Франции, было получение концессии на строительство Багдадской железной дороги.

Весной 1898 г. стало известно, что Вильгельм II планирует поездку в Палестину, для того, чтобы присутствовать при открытии евангелической церкви в Иерусалиме. По этому поводу газета «Восточное обозрение», выходившая в Иркутске, писала, что «предполагаемая поездка Вильгельма II в Палестину вызовет много толков в политической печати... Обращение протестантского церковного совета к евангелическим консисториям других стран даёт католической печати основания усматривать в этой поездке религиозно-политические мотивы… Болезненная страсть к путешествиям, мистическо-романтический характер Вильгельма II, с одной стороны, демонстративно проявляемое покровительство Турции – с другой, достаточно мотивируют поездку в Палестину»[21].

Этой поездкой решили воспользоваться лидеры национального движения европейских евреев во главе с Теодором Герцлем. Встреча состоялась 2 ноября 1898 г. в Иерусалиме. Издание книги Герцля «Еврейское государство» и проведение конгресса в Базеле вызвало интерес у определённых политических кругов в Европе. Однако для Герцля и его сторонников было ясно, что создание еврейского государства в Палестине может произойти только с согласия Турции и, конечно же, под защитой одной из европейских держав. Ещё летом 1898 г. Вильгельм II был не согласен с планом Герцля, который был ему предложен на рассмотрение герцогом Бадена, симпатизировавшим новому движению среди европейских евреев. Однако позиция Вильгельма II меняется после прочтения книги Герцля «Еврейское государство». Предложения Герцля, высказанные в книге, звучали оптимистически в отношении решения еврейского вопроса в Европе, поэтому Вильгельм II согласился на встречу с депутацией в Иерусалиме. В плане Герцля Вильгельма II привлекало прежде всего то, что молодое поколение европейских евреев, имеющее интерес к социалистическим и либеральным идеям, вследствие создания еврейского государства в Палестине будет туда переселено, тем самым это будет способствовать ограничению буржуазной оппозиции к консервативным правительствам в Европе. Самым значительным моментом в программе Герцля для Вильгельма II являлось и то, что Германия долж-

на была принять роль нового Моисея, который введёт избранный народ в землю обетованную. К тому же Вильгельм II прекрасно понимал, что это поднимет престиж Германии в глазах международного еврейского капитала. Если Германия встанет во главе протектората по защите созданного еврейского государства, то международный еврейский капитал погасит долги Германии, что скажется положительно на экономическом состоянии империи.

Была и ещё одна причина, которая способствовала согласию Вильгельма II на встречу с Герцлем. Император Германии считал, что создание еврейских колоний в Палестине должно было стабилизировать экономическую жизнь Османской империи, что в конечном итоге отвечало интересам Германии. Поэтому перед началом поездки в Палестину Вильгельм II был готов принять протекторат над евреями Палестины и обсудить с турецким султаном ряд вопросов, касающихся данной проблемы.

На собрании 6 октября 1898 г. в Лондоне Герцль сказал: «Я не хочу вам рисовать картину возвращения. Оно само должно в скором времени начаться. Я могу вас в этом только заверить. Я знаю, о чём я говорю, я никогда так уверенно не говорил. Сегодня я разъясняю вам, что я не думаю о будущем времени, когда еврейский народ будет подвержен переселению»[22].

Перед встречей в Иерусалиме состоялась первая встреча Герцля с императором Германии в Константинополе 18 октября 1898 г. На этой встрече Вильгельм II высказал согласие с идеями Герцля. Однако после отъезда из Константинополя Герцль не предполагал, что энтузиазм Вильгельма II по данной проблеме очень быстро кончится. О предстоящей встрече в воспоминаниях Боденхаймера сообщалось следующее: «Во вторую неделю октября Вольфзон[23] предложил зайти мне к нему. Он выглядел таинственно и спросил меня, готов ли я с Герцлем совершить важную поездку. После этого он мне рассказал, что герцог Бадена убедил императора в идее создания еврейского государства. Император готов взять главенство над протекторатом нового государства»[24]. Во время встречи 2 ноября 1898 г. в Иерусалиме император Германии обещал делегации, что все требования будут выполнены, так как они отвечают его интересам. Однако Вильгельм II не хотел эту встречу придавать огласке, не в интересах Германии было нарушать доброжелательные отношения с Турцией. Другой причиной, по которой Германия не стала во главе протектората в процессе создания еврейского государства, было и то, что это способствовало бы ухудшению отношений с другими европейскими государствами[25].

Важную роль в пересмотре взглядов Вильгельма II на план Герцля о протекторате Германии сыграл министр иностранных дел Бернхард Бюлов, которому было ясно, что султан, который в это время имел ещё и высший духовный сан халифа всех мусульман, не отдаст мусульманские области для создания еврейского государства. Бюлову также было известно, что в это время приходило много жалоб со стороны арабов в Константинополь о создании еврейских поселений в Палестине. Исходя из этого, османское правительство не желало создавать новых конфликтов, к которым его принуждали европейские государства. Неслучайно в сообщении на имя консула в Иерусалиме Тишендорфа от 10 августа 1891 г. подчёркивалось, что «... общественное мнение в целом против переселения евреев, особенно среди магометан»[26]. Поэтому для имперского правительства было бы лучше, если бы Герцль в Иерусалиме не настаивал на аудиенции с Вильгельмом II. При встрече с Бюловом и другими немецкими дипломатами Герцль ещё раз изложил свои идеи по вопросу создания еврейского государства, но был разочарован, так как Вильгельм II, поддерживая идею создания еврейских колоний в Палестине, ничего конкретного не высказал относительно протектората со стороны Германии.

Примечания

[1] *Krämer, Gudrun.* Geschichte Palästinas. Munchen 2006. S. 84.

[2] *Tuchman, Barbara.* Bibel und Schwert. Palästina und Westen. Von Frühen Mittelalter bis zur Balfour-Declaration 1917. Frankfurt am Main, 2001. S. 190.

[3] Ibid. S. 177.

[4] *Kempp, Michael.* Die Geschichte der Juden im Land Israel vom Ende des Zweiten Tempels bis zum Zionismus. Gütersloh 1993. S. 154–155.

[5] „Augsburger Allgemeine Zeitung" vom 29.06.1854, взято из книги: Palästina Chronik (1853–1882): Deutsche Zeitungsberichte von Krimkrieg bis zu ersten jüdischen Einwanderungswelle (Hg.) Carmel, Alex. Ulm 1978. Bd. 1. S. 25. В этой книге содержатся разнообразные выдержки из газетных публикаций, касающиеся Палестины.

[6] *Nussenblatt, Tulo.* Ein Volk unterwegs zum Frieden. Wien 1933. S. 36.

[7] *Nussenblatt, Tulo*. Zeitgenossen über Herzl. Brünn 1929. S. 11.

[8] *Tuchman, Barbara.* Op. cit. S. 265–267

[9] *Carmel, Alex.* Geschichte Haifas in der türkischen Zeit 1516–1918. Wiesbaden 1975. S. 94.

[10] *Linden A*. Beiträge zur Geschichte der Besiedlung Palästina durch Juden, in: „Palästina. Zeitschrift für den Aufbau Palästina". VII. Jg. (1910), Heft 4-5. S. 81.

[11] *Krämer, Gudrun*. Op. cit. S. 144.

[12] *Eliav, Mordechai.* Die Juden Palästinas in der deutschen Politik. Dokumente aus dem Archiv des deutschen Konsulats in Jerusalem 1842–1914. Tel-Aviv 1973. S. 173.

[13] „Orientpost" vom 8.08.1882 или Palästina Chronik (1853–1882). S. 363.

[14] См.: *Lamec, Saad.* Die deutsche und jüdische Kolonien in Palästina, in: „Koloniale Rundschau". Heft 5/6. 1918. S. 176.

[15] „Die Warte" vom 28.03.1883, или Palästina Chronik (1853–1882). S. 11.

[16] *Kushner, David.* Osmanische Reaktionen auf die fremde Infiltration in Eretz Israel, in: „Das Erwachen Palästinas im 19. Jahrhundert." (Hg.) von Yaron Berry / Erik Petry. Stuttgart 2001. S. 22.

[17] Ibid. S. 26.

[18] См.: *Linden A.* Op. cit. S. 79.

[19] *Carmel, Alex.* Die deutsche Palästinapolitik 1871–1914, in: „Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte". (Hg.) von Grab, Walter. Band 4 (1975). S. 206.

[20] *Луцкий В.* Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943. С. 27.

[21] Восточное обозрение, 25.09.1898, № 115. С. 3–4.

[22] *Bodenheimer M.J.* So wurde Israel. Aus der Geschichte der zionistischen Bewegung. Frankfurt am Main 1958. S. 97.

[23] Вольфзон Давид (1856–1914) – крупный торговец в Кёльне, позже преемник Герцля как руководитель Всемирной сионистской организации.

[24] *Bodenheimer M.J.* Op. cit. S. 94.

[25] *Carmel, Alex / Eisler, Jakob*. Der Kaiser reist ins Heilige Land. Die Palästina Reise Wilhelm II 1898. Stuttgart 1999. S. 169, а также: *Sauer, Paul*. Uns rief das Heilige Land .Die Tempelgesellschaft im Wandel der Zeit. Stuttgart 1985. S. 86–87.

[26] *Eliav, Mordechai*. Op. cit. S. 212.

Ю.Н. Тихонов

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. ДЖЕМАЛЬ-ПАШИ[1] НАРКОМУ Г.В. ЧИЧЕРИНУ[2]

В хитроумных комбинациях большевиков в «Большой игре» на подступах к Британской Индии «революционной миссии» Джемаль-паши в Афганистан в 1920 г. отводилась одна из ключевых ролей. После рассекречивания некоторых советских дипломатических документов 1920–1922 гг. становится очевидным, что задача этого младотурецкого лидера не ограничивалась лишь разведывательной деятельностью в Кабуле в пользу Советской России, а должна была подготовить почву для «революционных потрясений» в Центральной Азии с целью ослабления позиций Великобритании в этом регионе.

Сотрудничество младотурецких и панисламистских деятелей с советским правительством все ещё недостаточно изучено в отечественном востоковедении. Отдельные эпизоды деятельности Джемаль-паши в Афганистане не раз освещались российскими исследователями, которые, прежде всего, из-за объективных трудностей, связанных с изучением обширного пласта малодоступных архивных материалов, смогли лишь «пунктиром» обозначить основные этапы реализации планов младотурок в Советской России и Центральной Азии[3].

Автором данной публикации также ранее был введён в научный оборот ряд документов, касающихся сотрудничества Джемаля с большевиками, и издано несколько работ, освещающих его деятельность в Афганистане[4]. В ходе исследования стало очевидно, что антибританские интриги младотурок в странах мусульманского Востока после окончания Первой мировой войны 1914–1918 гг., включая активность «революционной миссии» Джемаль-паши, в Туркестане и сопредельных ему восточных странах настолько масштабны, что поле деятельности для современных исследователей указанной темы является на ближайшие десятилетия, фактически, безграничным. О чём ещё раз свидетельствует эта публикация очередного неизвестного письма турецкого политика главе советского внешнеполитического ведомства Г.В. Чичерину.

Для более точного понимания важности данного документа в переписке между Джемаль-пашой и руководством НКИД необходимо остановиться на ряде принципиальных моментов, связанных с деятельностью этого турецкого лидера в Афганистане в 1920–1922 гг. Прежде всего, надо чётко понимать, что появление Энвер-паши[5] и Джемаля-паши в Москве было результатом сложной внешнеполитической комбинации главы германского рейхсвера генерала фон Секта[6], который до середины 1920-х гг. не мог отказаться от прежних немецких планов использовать Афганистан в качестве плацдарма для антибританских операций в Индии. Германская поддержка, возможно, не только моральная, несомненно, укрепила позиции лидеров младотурок, когда они весной 1920 г. тайно прибыли в Москву для переговоров с большевиками.

Определённая независимость Джемаля перед советским и афганским правительствами определялась, по нашему мнению, и тем, что у него было больше шансов выжить в борьбе против «английского империализма», чем у Энвера, который был обречён на скорую гибель. Так, у Джемаль-паши сохранились хорошие деловые отношения с Кемаль-пашой[7], который не запрещал вернуться ему в Турцию. Кроме этого, он сохранил достаточно прочные связи с французскими политическими кругами, о чём свидетельствовал его визит в 1922 г. в Париж по приглашению французского правительства.

Таким образом, масштаб личности младотурецкого лидера и его огромная попу-

лярность в мусульманских странах сразу же предопределили установление между ним и большевиками **партнёрских отношений**, особый статус которых Джемаль-паша старался поддерживать вплоть до своей гибели. Оценка его деятельности в Кабуле как «шпионской» является явно упрощённой и по своей сути ложной, так как многое из его начинаний в Средней Азии и Афганистане не было санкционировано в Москве перед его поездкой к Аманулле.

На данный момент из-за ограниченного доступа исследователей к документам, освещающим пребывание Джемаля весной-летом 1920 г. в Москве, трудно судить о круге лиц, с которыми вёл переговоры турецкий лидер, и, тем более, невозможно определить полный перечень условий «джентльменского соглашения», достигнутого между ним и большевиками. Степень секретности вокруг его миссии в Афганистан была столь высока, что даже советский полпред в этой стране Я.З. Суриц[8] не смог добиться от НКИД точной информации о «полномочиях» Джемаль-паши в Кабуле[9]. Полпред в одной из его телеграмм в Москву писал: «Сожалею, что до сих пор не получил обещанных указаний Москвы о наших взаимоотношениях [с] Джемалем»[10]. На базе ныне рассекреченных архивных документов можно с уверенностью утверждать лишь то, что главной целью турецкого политика в Афганистане было оказание помощи Сурицу с целью открытия «афганского коридора» к Индии.

27 октября 1920 г. Джемаль-паша прибыл в Кабул и вскоре был принят эмиром Аманулой. Явно желая показать «самостоятельность» своей миссии, турок не спешил устанавливать контакт с советским полпредом. Лишь только после того, как он был представлен 29 октября Сурицу афганской стороной, он 3 ноября нанёс визит в советское посольство[11]. С этого момента турецкий лидер работал в тесном контакте с дипмиссией Советской России в Кабуле.

Аманулла-хан (чаще всего в присутствии министра иностранных дел Махмуда Тарзи[12] и военного министра Мохаммада Надир-хана[13]) в ноябре 1920 г. несколько раз встречался с младотурецким деятелем для обсуждения советско-афганских отношений и его планов против Британской Индии[14].

16 ноября первые результаты этих секретных переговоров были сообщены турком Сурицу, который оперативно отправил в Москву несколько телеграмм под грифом «Абсолютно секретно. Вне всякой очереди. Расшифровать под личным наблюдением адресатов». В шифровке № 249 посол кратко перечислил достигнутые при содействии Джемаля договорённости с афганской стороной. Так, Аманулла-хан согласился:

1. Привлечь младотурецкого лидера к реорганизации афганской армии и к организации обороны индо-афганской границы.

2. Предоставить ему право напрямую связываться с пуштунскими племенами Британской Индии.

3. Создать под руководством Джемаля в Кабуле антибританский Центральный комитет из представителей Индийского национального конгресса, Мусульманской лиги и халифатистов.

4. Установить дипломатические отношения с Бухарской народной республикой.

5. Предложить свергнутому бухарскому эмиру Алим-хану[15] прекратить борьбу с Красной Армией и выехать в Афганистан[16].

Достигнутые результаты были значимы для Советской России и получены благодаря дипломатическим способностям турецкого политика в кратчайшее время. Однако их надо было закрепить, ратифицировав в Москве недавно подписанный Сурицем договор с Афганистаном и предоставив этой стране значительную военную помощь[17]. В связи с этим Джемаль-паша написал лично Чичерину обширный доклад[18] о своих переговорах в Кабуле и письмо, которое впервые публикуется ниже.

В тексте этого документа сохранена авторская орфография. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения. Курсивом выделены слова и фразы, добавленные в машинописный текст от руки.

Письмо Джемаль-паши Г.В. Чичерину

Чрезвычайно секретно ЛИЧНО

Кабул, 1 декабря 1920 года

Многоуважаемый товарищ,

Я посылаю Вам доклад, который поставит Вас в курс того, что я уже сделал и что предполагаю сделать, а также и того, что предстоит сделать Вам и другим. Из моего доклада Вы поймёте, что афганцы находятся в полной готовности именно в тот момент, когда их *считали совершенно потерянными* <....>[19] Бедри-бей[20], которого [я] просил проехать до Москвы в течение этого времени года, Вам устно изложит о том, в каком положении мы нашли Афганистан. Мы видим, что теперь все опасности миновали.

Афганский эмир питает ко мне в данный момент безграничное доверие. Он меня выслушивает, принимает все мои советы и исполняет всё, что я ему говорю.

Если Вы хотите, чтобы нам удалось выполнить проведение нашего общего плана Индийской Революции, Вы должны будете согласиться на всё то, что эмир попросит у Вас, и на то, что я Вам предложу.

К тому же просьба эта вовсе не так велика. Я нахожу, что афганский эмир сделал всё, что в его силах – теперь наступает Ваш черёд.

В докладе Вы найдёте перечень того, что Вы должны будете отпустить немедленно, а также того, что Вы будете отпускать по мере того, как это будет мною затребовано. Является крайне необходимым, чтобы первая партия разного оружия, скорострельных пушек, пулемётов, проволоки и т.д. прибыла в Кушку не позднее конца января месяца 1921 года. Бедри-бей объяснит Вам причину. Я посылаю Вам также через него общий *план*, набросок моих идей касательно будущей реорганизации афганской армии. Следуя этому наброску (плану), Вы должны будете отпустить Афганистану приблизительно следующее: скорострельных пушек [калибра] 7,5 сант[иметров] и все необходимые материалы, достаточные для формирования 28 полевых батарей, или 112 пушек. Пулемётов со всеми необходимыми материалами для формирования 38 пулемётных отрядов или 152 пулемёта. Горных орудий [калибра] 15 сант[иметров], с материалами, достаточными для формирования 10-ти тяжёлых батарей, или 40 скорострельных горных орудий, а также все необходимые материалы, нужные для формирования 5-ти отрядов службы связи (телеграфистов и телефонистов). Кроме этих вещей, я попрошу ещё кое-что из оружия для укреплений. Подсчёт ему будет сделан совместно с офицером-специалистом Красной Армии. <...> для того, чтобы поощрить эмира в его новых начинаниях, и чтобы забрать его совершенно в свои руки, надо немедленно дать ему, по крайней мере, 24 скорострельные пушки и 24 пулемёта со всем необходимым для формирования 6 батарей и 6 отрядов и всё то, о чём я условился в моём докладе.

Действуйте как можно скорее, прошу Вас, дабы будущая весна могла быть приветствуема с гор и долин Индии первыми вспышками пламени революции. Я придаю большую важность пропагандированию Индийской Революции в европейских газетах, главным образом, в швейцарских.

Я написал длинное письмо моему товарищу Таалат-паше[21], чтобы ввести его в курс того, что я здесь сделал. Я просил его постараться завоевать мнение одной из самых интересных газет в Швейцарии в пользу вопроса революции в Индии[22]. Дабы иметь возможность передать письмо лично ему, я просил Бедри-бея продолжить своё путешествие до Германии – естественно после того только, как ему удалось бы убедить Вас согласиться с текстом моего доклада. В таком случае, я Вас прошу дать Бедри-бею сумму в пятьдесят тысяч рублей золотом для передачи её в распоряжение Таалат-паши, который истратит её, следуя моим указаниям, на дело, касающееся Индийской Революции. Сумма эта должна быть взята из капитала, предназначенного для дела революции в Индии.

Итак, дорогой товарищ, я Вам написал всё. Теперь я буду ждать Вашего решения и хочу видеть Вас приступившим к делу.

Бедри-бей уполномочен обсудить с Вами все пункты моего доклада. Всё то, что он найдёт приемлемым по окончании этого обсуждения, будет одобрено (утверждено) мною.

Будьте добры напомнить обо мне товарищу Карахану[23] *и Радеку*[24], а также передайте мой почтительный привет т.т. Ленину, Троцкому и Бухарину.

Прошу принять уверения в полном почтении,

Преданный Вам А. Джемаль.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 59. Л. 9–9об. Машинописная копия.

Примечания

[1] Ахмед Джемаль-паша (1861/1872 – 1922) – один из лидеров младотурок. В годы Первой мировой войны военно-морской министр и командующий 4-й турецкой армией в Сирии. Руководитель подавления арабского освободительного движения в Палестине, Ливане, Сирии. В 1918 г. бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции заочно приговорён к смертной казни. В 1920–1922 гг. тесно сотрудничал с Советской Россией в Афганистане, будучи главным инспектором вооружённых сил этой страны и доверенным лицом эмира Аманулла-хана. В 1922 г. убит дашнаками в Тифлисе.

[2] Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. 1922 г. – возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

[3] Наиболее ценный вклад в изучение деятельности Джемаль-паши в 1920–1922 гг. внесли: *Казанджян Р.* Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922). М., 1996; *Гиленсен В.М.* Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Восток, 1996, № 3. С. 45–63; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.- Иркутск, 1998.

[4] См. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* «Ключ к мировой революции находится в Индии». Меморандум А. Джемаль-паши советскому правительству. 1921 // Исторический архив. 2002, № 5. С. 73–92; *он же.* Афганская война Сталина. М., 2008; *он же* «Революционная миссия» Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922) // Vitaleus. Сб. статей, посвящённый 70-летию В.И. Шеремета. М., 2010. С. 288–302; *он же.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. // Восточный архив, 2010, № 2. С. 50–62.

[5] Энвер-паша (1881–1922) – видный турецкий политический и военный деятель. Один из руководителей партии «Единение и прогресс». В годы Первой мировой войны военный министр Османской империи. В 1918 г. бежал в Германию. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. Большевистское руководство хотело использовать Энвера для «антиимпериалистической» пропаганды среди народов Востока. В 1921 г. возглавил басмаческое движение в Восточной Бухаре. Убит в бою с частями Красной Армии.

[6] Сект, Ганс фон (1866–1936) – германский военный деятель. С 1885 г. – на военной службе в прусской армии. Окончил Академию генерального штаба. В период Первой мировой войны воевал на Восточном фронте, Балканах и в Турции. В начале 1919 г. командовал немецкими частями в Прибалтике. 1920–1926 гг. – начальник военного управления рейхсвера. Много сделал для возрождения вооружённых сил Германии в обход Версальского договора. Активный сторонник тайного военного сотрудничества с СССР. В 1930–1932 гг. – депутат рейхстага. В 1934–1935 гг. – военный советник при Чан Кайши.

[7] Мустафа Кемаль-паша Ататюрк (1881–1938) – видный турецкий государственный и военный деятель. Активно участвовал в деятельности партии младотурок «Единение и прогресс». В 1919–1922 гг. возглавил национально-освободительное движение в Турции. В 1923–1938 гг. был первым президентом турецкой республики.

[8] Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКИД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг.

– посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с аманулистами. С 1937 г. советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКИД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

[9] Вместо того, чтобы дать чёткие директивы Сурицу о сотрудничестве с турецким лидером, руководство НКИД в начале 1921 г. отправило в Кабул телеграммы о том, что Джемаль превысил свои полномочия.

[10] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 071. 1920. Оп. 2. П. 102. Л. 9.

[11] Там же.

[12] Махмуд Тарзи (1866–1935) – афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. – посол во Франции. Идеолог младоафганского движения. Тесть Аманулы-хана. 1929 г. – эмигрировал из Афганистана вместе с Аманулой.

[13] Надир-хан, Мухаммад (после коронации – Надир-шах) (1883–1933) – афганский военный и политический деятель. Внёс решающий вклад в победу Афганистана в войне с Англией в 1919 г. 1919–1924 гг. – военный министр, реформатор афганской армии. В 1924 г. отказался руководить подавлением мятежа пуштунских племён в Хосте. В 1924–1926 гг. – посол во Франции (фактически был в почётной ссылке). С 1926 г. был в отставке и проживал в Ницце. После бегства Аманулы из Кабула в 1929 г. вернулся в Афганистан, с помощью пуштунских племён захватил Кабул и в октябре того же года провозгласил себя королём. В 1933 г. был убит аманулистом.

[14] См. подробнее: Afghanistan Strategic Intelligence: British Record 1919–1970. Vol. 1. Ed. by Annita L.P. Burdett. Slough: Archive Editions, 2002.

[15] Сеид Алим-хан (1880–1944) с сентября 1920 г. скрывался в Восточной Бухаре, пытаясь возглавить сопротивление частям Красной Армии. В 1921 г. эмигрировал в Афганистан, уведя с собой сотни тысяч каракулевых овец и увезя свою знаменитую коллекцию драгоценных камней. Афганское правительство предоставило ему статус гостя и выделило денежное содержание.

[16] АВПРФ. Ф. 071. 1920. Оп. 2. П. 102. Л. 221.

[17] См. подробнее: *Панин С.Б.* Указ. соч., с. 32–51.

[18] Данный документ не публикуется.

[19] Выделенные курсивом слова дописаны от руки карандашом поверх строки машинописного текста. Часть приписки выцвела и не поддаётся прочтению.

[20] Осман Бедри-бей (? – 1927) – бывший начальник полиции г. Стамбула, доверенное лицо Джемаля, при котором он был начальником штаба и личным представителем в Москве, Ташкенте и Кабуле. До 1923 г. находился в Афганистане, где активно участвовал в разработке реформ Аманулы. Был удалён из этой страны по требованию советского полпреда Ф.Ф. Раскольникова.

[21] Таалат-паша (1874–1921) – председатель ЦК турецкой националистической партии «Единение и прогресс». Министр внутренних дел Турции в годы Первой мировой войны. Убит дашнаками в Германии.

[22] О какой швейцарской газете пишет Джемаль-паша, автору данной публикации установить не удалось.

[23] Карахан Лев Михайлович (настоящая фамилия Караханян) (1889–1937) – видный советский дипломат. В 1918–1921; 1922–1923; 1925–1934 гг. являлся заместителем наркома иностранных дел РСФСР и СССР. В 1920-х – 1930-х гг. курировал «восточное направление» в работе НКИД.

[24] Радек (настоящая фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – советский партийный деятель, дипломат. Член ВКП(б) с 1917 г., 1918 г. – зав. отделом Центральной Европы в НКИД. 1918–1920 гг. – на работе в Германии. С 1919 г. – член ЦК РКП(б), одновременно Исполкома Коминтерна. С 1921 г. – член Малого бюро ИККИ. 1923–1924 гг. – зав. Восточным отделом ИККИ. 1925–1927 гг. – ректор КУТК. До 1930 г. – сотрудник редакции газет «Правда» и «Известия». 1928–1929 гг. был в ссылке в Сибири. 1930–1932 гг. – зам. редактора журнала «За рубежом». 1932–1936 гг. – зав. Бюро международной информации ЦК ВКП(б). 1936 г. – репрессирован.

А.Д. Васильев

«ВОКРУГ ВОПРОСА О ПЕРЕХОДЕ НА НОВЫЙ АЛФАВИТ»

Отчёт о ходе латинизации в Крыму в 1924–1928 гг.

С 26 февраля по 6 марта 1926 г. в Баку состоялся 1-й Всесоюзный Тюркологический съезд. Решения съезда и высказанные на нём идеи на многие годы вперёд определили ход развития тюркологии и культурного строительства в тюркоязычных регионах России. Съезду придавалось, кроме научного, важное политическое и общественное значение. Особенно в связи с обсуждением острых проблем латинизации алфавитов для национальных языков и программ культурного развития регионов[1].

В этой связи интересны документы созданного в 1924 г. Крымского Комитета Нового Тюркского Алфавита, хранящиеся в Архиве РАН в фонде 676 «Всероссийский Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита». Важным типом источников о латинизации алфавитов тюркских народов Крыма являются ежегодные отчёты Крымского Комитета НТА, отправлявшиеся в Центральный Комитет в Баку. В ходе работы в Архиве РАН автором доклада был обнаружен один из первых отчётов[2] Крымского Комитета о деятельности по введению нового алфавита в Крыму, составленный М. Недимом[3] и А. Лятыфзаде[4]. Хотя отчёт датирован 7 марта 1928 г., во введении его авторы считают необходимым осветить начальный период латинизации в Крыму.

QR. MER. İÇRA QOM. JANЬNDA
MERKEZIJ JANЬ TATAR ELIFBE
QOMİTESİ
КРЫМ. ЦЕНТР. КОМИТЕТ НОВОГО
ТАТАРСКОГО АЛФАВИТА
При КР. ЦИК'е
7 марта 1928 г. № 46.
Симферополь, Здание Совнаркома, комн. 9.
Телефон № 48.

Отчёт Крымского Центрального комитета Нового тюркского алфавита за период с августа 1927 г. по март 1928 г.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ

Прежде чем приступить к изложению отчётного материала, следует упомянуть несколько моментов, связанных с историей возникновения идеи перехода на новый алфавит к Крыму.

Моментом возникновения самой мысли о переходе на латинизированный алфавит в Крыму следует считать лето 1924 г., когда был впервые создан в Крыму Комитет Нового Алфавита (по инициативе тов. Агамалы-Оглы при посещении им Крыма).

Вопрос о негодности арабского алфавита, а, следовательно, и о необходимости его реформы не выходил из круга злободневных проблем просвещения в Крыму, как и во всех тюрко-татарских странах.

Помимо обсуждения, попутно с другими вопросами просвещения, проблема реформы арабского алфавита была впервые поставлена официально и организованно на специальной конференции, созванной Академсоветом Крымнаркомпроса 20 октября 1924 г.

В связи лишь с постановкой вопроса о реформе арабского алфавита на этой конференции впервые послышался смелый голос первого в Крыму сторонника перехода алфавита на латинские основы (К. Джемалединов), поддержанного одним из членов Президиума конференции (М. Недим).

Само собой разумеется, что эта конференция, созванная с целью укрепления позиции арабского алфавита, в пользу перехода на латинские основы ничего не дала. Заглушение голосов сторонников латинизации объясняется главным образом абсолютной неосведомлённостью большинства конферентов с вопросом латинизации.

Комитет, организованный тогда во главе с бывшим председателем КрымЦИКа[5], впоследствии оказавшимся противником этого мероприятия, существовал номинально и

никаких признаков жизни не оказал, так как большинство состава комитета оказалось не слишком горячими поборниками нового алфавита.

Фактическая же работа началась чисто общественным порядком, путём организации в Симферополе первых ячеек общества «Друзья Нового Татарского Алфавита» по инициативе части крымской делегации на Всесоюзный Тюркологический Курултай, спустя короткий промежуток времени после него.

С этого момента усиливается пропаганда идеи нового алфавита в периодической печати, а также устная агитация проникает во все углы общественной жизни, путём использования всевозможных съездов, конференций и собраний.

Со времён Всесоюзного Тюркологического Курултая вплоть до возникновения Всесоюзного комитета и реорганизации вслед за этим Крымского ЦК Нового Тюркского алфавита, работа по латинизации в Крыму велась исключительно «Обществом Друзей Нового Алфавита», работавшего без всякой помощи с чьей бы то ни было стороны.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА

Сильное течение против нового алфавита, поднятое в Крыму со стороны идеологически чуждых элементов – кулачества, духовенства и консервативной части интеллигенции, ставило Комитет перед необходимостью открытия усиленной агитационно-пропагандистской кампании за новый алфавит.

Противники Нового Алфавита выступали то в одиночном, то в организованном порядке, пользуясь фанатизмом, технической и политической неграмотностью масс и играя на национальных чувствах населения. Нельзя не отметить настроение одной конференции, ярко характеризующее тот консерватизм, преобладавший тогда среди этой части работников просвещения, который явно поддерживался руководителями конференции.

Эта конференция, состоявшая из 60 делегатов – учителей школ 2-й ступени[6], созванная Наркомпросом 10 ноября 1926 г., с повесткой дня исключительно педагогического характера, едва согласилась дать слово в текущих делах участнику Всесоюзного Тюркологического Курултая[7] для информации о работе последнего.

Доклад, продолжавшийся с усмешками, выкриками и ироническими репликами, вызвал сильное организованное нападение со стороны конференции, выраженное ¼-тью участников конференции во главе с её руководителями.

Один из участников конференции, выступивший последним, закончил свою речь буквально так: «В настоящую эпоху, в сегодняшнем положении принятие этого алфавита – в нашей культурной жизни означает целые года считать “на месте” и, не понимая психологию народа, грубо идти против него, что не дело пролетарских революционеров»[8]. И эта конференция отказалась принять какую бы то ни было резолюцию по этой информации.

Характерно, что в тот же вечер открытое собрание комсомольской ячейки при Центральном Татарском клубе в составе 75 комсомольцев и беспартийной молодёжи приветствовало решения Всесоюзного Тюркологического Курултая и организовало тут же ячейку общества «Друзья Нового Алфавита».

Отсюда и определялись характер, содержание и темп нашей агитации, весьма плодотворно проведенной Кр. ЦК и обществом «Друзей Нового Алфавита», ведшей от победы к победе в борьбе за новый алфавит с регрессивными элементами города и деревни.

Наряду с систематической печатной агитацией и изданием специальной литературы, направленной к популяризации идей нового алфавита (перевод брошюры тов. Агамалы-Оглы «В защиту Нового Алфавита» и т. Айвазова «Ени-Ел»), Кр. ЦК была развёрнута и продолжается устная пропаганда через специально созываемые конференции и путём выступления на собраниях и совещаниях, созываемых другими организациями, на которых ставятся специальные доклады, осве-

щающие задачи перехода как с научно-технической, так и политической точек зрения.

Результатом этой работы являются: растущая симпатия огромной части трудящихся и горячий порыв большинства молодёжи к переходу на новый алфавит, осознание своих ошибок со стороны части интеллигенции и общественных советских работников, недооценивавших значения этого значительного элемента культурной революции на Востоке.

Так, Крымский Центральный Комитет НТА совместно с Академсоветом Наркомпроса прошлой осенью созвал Крымскую Орфографическую конференцию в составе 85 делегатов, из коих учителей школ 1 ступени было 37 человек, а преподавателей школ 2 ступени – 11 человек. Как видно, 56,5% всех делегатов составляли учителя начальных и средних учебных заведений. Остальную часть конференции составляли научно-методические работники, литераторы и работники органов народного просвещения.

Кроме делегатов конференция привлекла внимание до 250 гостей, просиживавших иногда весь день на конференции.

Конференция ставила себе задачей разрешение следующих вопросов:

1. Принципы орфографии на основе нового алфавита;
2. Основы орфографии тюркского языка на арабском алфавите;
3. Связь между языком и орфографией;
4. Какое наречие должно быть взято в Крыму как основа для правописания;
5. Пути применения орфографии на новом алфавите;
6. Организационные вопросы.

По всем вопросам после оживлённых и продолжительных обсуждений приняты соответственные решения (изложенные в стенографическом отчёте), укрепляющие позиции нового алфавита.

Одной из заслуг конференции была та, что она выявила и друзей, и врагов нового алфавита и наметила твёрдые пути дальнейшей работы.

Наряду с этим проведены две учительские конференции (в Симферопольском и Джанкойском районах) для обсуждения методов и техники применения нового алфавита в школах.

Каждая из этих конференций охватывала почти весь состав учительства в этих районах. Эти конференции давали организованный отпор остаткам арабистов.

Проведена серия докладов на основную тему «Новый алфавит, его роль и причины перехода» на районно-городских собраниях всех 8 городов (из 10) по поводу организации райотделений общества «Друзей Нового Алфавита», на собраниях учащихся всех школ 2-й ступени и вообще средних учебных заведений, в целом ряде деревень, где принимались решения, одобряющие переход на новый алфавит, с дельными указаниями организационного свойства, и призывающие трудящиеся массы к содействию скорейшему осуществлению этого перехода.

Такой же характер носят решения, принятые на 12 Всекрымском съезде Профсоюзов по вопросу о переходе на латинизированный алфавит.

Следует особо отметить решения Всекрымской Конференции работниц и крестьянок-активисток, которые сводятся вкратце к следующему:

Одобряя решение НКПроса о введении нового алфавита в школах, конференция просит КрымЦИК об ускорении мероприятий по переходу, об издании женской литературы на новом алфавите, о введении женщины в состав Комитета.

Считая вполне целесообразным и жизненным существование «Общества Друзей Нового Алфавита», Конференция обещала ему полную поддержку в работе и призывала женские делегатские собрания к активному участию в работе по внедрению Нового алфавита в массы.

В связи со 2 Пленумом ВЦК проведён ещё ряд докладов отчётного и перспективного характера в руководящих партийных, комсомольских и профсоюзных органах, а также КрымЦИКе, решения которых откры-

вают новые, более широкие перспективы по пути перехода на новый алфавит.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

Через несколько времени после 1 Пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита[9] принят по докладу о ходе работ по латинизации ряд важных решений со стороны директивных органов, давших руководящие указания соответственным советским органам и общественным организациям.

К этому времени мы уже имели десятки ячеек, 3-4 Райотделений и до 2 тысяч членов «Общества Друзей Нового Алфавита». Одновременно с углублением и расширением агитационно-пропагандистской работы ЦК совместно с Обществом усилил и организационные мероприятия, путём использования членов Совета Общества и ЦК, командируемых в районы, которым поручались доклады от ЦК и Общества и организации там районных отделений общества.

К 1 марта с.г. имеется 6000 с лишним членов, 160 ячеек и три райотделения общества (из 10 районов Крыма).

Ныне райотделения Общества заняты налаживанием связей с деревенскими ячейками и упорядочиванием руководства работы последней.

Ячейки общества созданы, за редким исключением, во всех учебных заведениях городов и приобретают большую популярность и распространение в деревнях, где в члены Общества вступают не только учащиеся и общественные работники, но и наиболее сознательная часть крестьянства

Одновременно с этим следует отметить, что организационное укрепление и руководство работой райотделений и ячеек общества значительно отстаёт от темпа роста количества членов и ячеек последнего.

Это обстоятельство объясняется абсолютной бедностью самого Общества и отсутствием специальных средств Кр. ЦК для оказания финансовой поддержки обществу, в силу чего Центральный Совет общества, работавший без платного аппарата, лишён возможности командировать специальных работников для руководства работой районных организаций.

В настоящее время идёт подготовительная работа по созыву районных и всекрымского Съезда Общества друзей Нового алфавита, которые состоятся в апреле – мае месяцах т.г.

Наряду с этим приступлено к оформлению районных отделений в двух районах (Севастополь, Судак), где их до сих пор не было и где существуют разрозненные ячейки общества.

В течение последних 3 месяцев идёт снабжение всех членов членскими билетами.

СТРУКТУРА, ШТАТ И БЮДЖЕТ

Крымский Центральный комитет Нового Алфавита учреждён особым постановлением Президиума Крымского Центрального Исполнительного комитета от 27 июля 1927 г. при Кр.ЦИКе в составе 13 человек из представителей партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, Женотдела и «Общества Друзей Нового Алфавита», областного и районного органов просвещения караимского населения и т.п. во главе с председателем Кр.ЦИКа.

До половины ноября 1927 г. ЦК и до настоящего времени Общество не имели платных (штатных) работников.

С 15-го лишь ноября прошлого года приглашён платный работник из состава ЦК – секретарём ЦК.

Ныне же в связи с усложнением и расширением работы ЦК и Общества, а также с отпуском средств на содержание штата решено пригласить ещё 2-х работников – одного инструктора и одного технического работника.

Весь бюджет ЦК состоит из средств, отпускаемых Всесоюзным Центральным комитетом Нового алфавита на издательство и зарплату в общей сумме 8834+1784=10618 рублей и средств, отпущенных из областного Крымского бюджета (1927/1928 г.) в сумме 3228 руб.

Структура общества такова: во всех районах (кроме 2-х), в том числе и в Симферополе, имеются отделения Общества, созданные на городских конференциях ячеек, а симферопольское отделение, как инициативная часть, взяло на себя (временно до Всекрымского Съезда) функции Центрального органа общества.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Вслед за упомянутыми выше решениями директивных органов принято решение НКПроса Кр. АССР о введении нового алфавита во всех татарских учебных заведениях (тат. техникумы, тат. секторы Совпартшколы, Рабфака, Педагогического института), в том числе и в школах 1 ступени, начиная с 3 года обучения, а в Караимских и Крымчакских школах 1 ступени с 1 года обучения.

Согласно этого же решения, преподавание татарского языка в русских школах 2 ступени ведётся на новом алфавите.

Это решение осуществляется во всех вышеупомянутых учебных заведениях, начиная с начала 1927/1928 учебного года и даёт самые благоприятные результаты.

Новый алфавит введён в 360 (100%) татарских школах 1-й ступени, в 17 школах 2 ступени и в 3-х техникумах, в татарских секторах Совпартшколы, Рабфака и Педагогического института с общим числом учащихся до 10700 чел., в 44 русских школах 2 ступени и школах крестьянской молодёжи с общим числом учащихся разной национальности 8204 человека и в 2-х Караимских школах с общим числом учащихся – 45, в двух крымчакских школах с числом учащихся – 319 человек и в 2-х школах нацмен 2-1 ступени всего в 3-х группах с общим числом учащихся 52 чел. (евреев и армян).

На летних областных учительских курсах переподготовки проведены специальный курс с теоретическими, методическими и практическими занятиями по изучению и преподаванию нового алфавита, через которые прошли 154 человека.

Кроме того, прошли курсы нового алфавита: избачей – 28 человек, ликвидаторок неграмотности 25 женщин и почти все татарские наборщики 1 Гостипографии в г. Симферополь (40–50 человек).

Прошедшие эти курсы, воочию убедившись на личной практике в превосходстве нового алфавита, становятся ревностными его пропагандистами. Постановлением ЦК, согласованного с Наркомпросом, решено пропустить всех татарских, караимских и крымчакских учителей через летние курсы по переподготовке на новом алфавите, общее число коих до 600 человек. Курсы предположено организовать как в Центре, так и в районных городах.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Агитационно-пропагандистскую и организационную работу ЦК и Общества (друзей. – *А.В.*) Нового алфавита сопровождали практические мероприятия по изданию на новом алфавите.

Одновременно с этим, имея в виду неграмотную по новому алфавиту читательскую массу, ЦК счёл необходимым издать часть агитационной литературы на старом алфавите.

Так, на старом алфавите изданы: перевод на татарский язык брошюры т. Агамалы-Оглы «В защиту нового алфавита», 2 печатных листа 5000 экз., брошюры т. Айвазова «Ени Ел», 2 печ. листа – 3000 экз., стенографический отчёт «Крымской орфографической Конференции» и Устав «Общества Друзей Нового алфавита».

Для издания на Новом алфавите прежде всего нужно было создать технические условия (типография), что и сделано при ближайшем участии ЦК: 1-я гостипография уже приспособлена к печатанию книг, газет и журналов.

Вместе с тем, согласно с НКПросом и Крым-Издатом, ЦК составлен издательский план на издание учебной, политическо-просветительской, художественной и т.п. литературы в общей сложности на 1927/1928 учебный год в объёме 190 п.л. и общим тиражом в 150.000 с лишним экземпляров, к реализации которого приступлено.

Согласно издательского плана уже изданы и распространяются следующие издания:

1) Разрезная азбука 1 п.л. – 2000 экз.

2) Букварь (Джемалединова-Ахметова) 2,5 печ. листа – 3000 экз.

3) Книга для чтения (Айвазова) – 2 п.л. – 3000 экз.

4) Сборник стихов (Лятыф-Задэ) – 1,3/4 п.л. – 3000 экз.

5) Руководство по изучению татарского языка (КАЯ) – 8 п.л. – 3000 экз,

6) Иллюстрированный сборник детских стихов (Чергеева) – 2 п.л. – 5000 экз.

7) Членский билет «Общества Друзей Нового алфавита» – 10000 экз.

Находятся в печати:

1. Рабочая книга по обществоведению для школ 2 ступени часть 1 – 22 п.л. 1000 экз.

2. Рабочая книга по обществоведению для школ 2 ступени, часть 2 – 22 п.л. 1000 экз.

3. Букварь для крымчакских школ (КАЯ) – 6 п.л. – 1000 экз.

4. Детские сказки в стихах (по три книжечки А. Чергеева) – ½ п.л. – по 5000 экз.

5. Учебник арифметики (А. Куркчи) – 6 п.л. – 5000 экз.

6. «Асан насыл пионер олды» (док. Гафарова) – 1,1/2 п.л. – 3000 экз.

7. «Почему 18 марта – день МОПРа» – 1,1/2 п.л. – 5000 экз.

8. «Книга чтения для взрослых» (Аметова и Шамаша) – 10 п.л. – 5000 экз.

9. «Плакат Нового алфавита» – 1 п.л. – 1000 экз.

Кроме этого, заключён ряд договоров с авторами и переводчиками на составление и переводы следующих книг:

1. С проф. Чобан-Заде на составление грамматики татарского языка, – 10 п.л. – 2000 экз.

2. С А. Хильми на составление и перевод художественной литературы – 6 п.л. – 2000 экз.

Одновременно приступлено к составлению орфографического словаря Крымско-татарского языка.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Согласно решений Крымского Центрального Комитета Нового алфавита, согласованных с соответствующими органами и организациями, вся татарская периодическая печать в Крыму (газеты «Йени Дюнья», «Яш Куввет» и журналы «Илери» и «Оку Ишлери») открыли страницы нового алфавита.

Крымским Центральным комитетом учреждены общественно-литературный популярный журнал «Коз-Айдын» и газета для ликбезов и школ малограмотных «Иль-Адым» на исключительно новом алфавите.

«Коз-Айдын» выходит в течение 3-х с лишним месяцев тиражом в 3500 экземпляров, из общего тиража которого за исключением до 200 экз. все номера расходятся по подписчикам.

Как «Коз-Айдын», так и страницы нового алфавита остальной периодической печати пользуются большой популярностью среди широких масс. Число подписчиков журнала «Коз-Айдын» с каждым днём все больше и больше растёт. Растёт и количество грамотных на новом алфавите.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря упорной работе, главным образом, агитационно-пропагандистской, на сегодняшний день можно считать организованное наступление арабистов окончательно ликвидированным. Наблюдаются то здесь, то там одиночные партизанские нападения, которые кое-где ещё имеют своё влияние на известную часть массы, и которые постепенно обезвреживаются.

В Крыму уже создано и крепнет здоровое общественное мнение «вокруг вопроса о переходе на новый алфавит» среди трудящихся слоёв населения и наблюдается рост интереса к изучению нового алфавита.

Учитывая всё вместе взятое, как огромный шаг по пути идейного и практического применения нового алфавита в жизни, следует констатировать, что важнейшие позиции в этой области нашего культурного

строительства и реорганизации культуры языка заняты и укреплены.

Постановлением Президиума Крымского Центрального Исполнительного комитета приступлено к выработке пятилетнего плана перехода на новый алфавит в Крымском масштабе и решено издать особый декрет, узаконяющий этот переход.

Предупреждая этот законодательный акт, целый ряд организаций и учреждений уже переводят татарскую часть своих штампов, печатей и вывесок на новый алфавит.

Есть основания надеяться, что Крымская республика при благоприятных финансовых условиях сможет совершить переход на новый алфавит в течение 3 лет.

Председатель Крымского Центрального комитета Нового алфавита (подпись)

М. Недим

Секретарь – Член ЦК (подпись)

М. Лятыфзаде

АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 34. Л. 152–158 с об.

Примечания

[1] См., например: Первый всесоюзный тюркологический съезд (25 февраля – 5 марта 1926 г.). Стенографический отчёт. Баку, 1926; *Васильев А.Д., Коркмасов А. Дж.-Э.* Первый всесоюзный тюркологический съезд в Баку (1926). Неизвестные архивные материалы // Альманах «Тюркский мир». Тюркская Академия. Астана, 2013. С. 140–153; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., «Восточная литература», 2002.

[2] АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 34. Л. 152–158 с об.

[3] Недим Мамут Муратович (1893 – 17.04.1938) – крымско-татарский театральный критик, общественный деятель. После окончания школы на средства благотворительного общества отправлен в Турцию для продолжения обучения (1909–1911 гг.). Окончил учительскую семинарию в Бурсе (1914 г.), затем в ходе Первой мировой войны учился в Германии. Летом 1920 г. вместе с Бекиром Чобан-Заде через Стамбул вернулся в Крым. В ноябре 1920 г. принят в ряды Коммунистической партии, назначен редактором газеты «Ени Дюнья» (до февраля 1928 г.), редактировал также журналы «Енъи Чолпан» и «Илери», нарком просвещения Крымской АССР с марта 1928 г. по октябрь 1929 г. Активный участник национального и культурного строительства в Крыму. В октябре 1929 г. в связи с обвинениями в симпатиях к националистам направлен на низовую работу. Расстрелян в 1938 г., впоследствии реабилитирован. (по материалам https://anaurt.com/qrt/content/mamut-nedim-1893-1937)

[4] Лятыфзаде Абдулла Абильевич (1890–1938) – крымско-татарский поэт, лингвист, литературовед, педагог. Учился в медресе в Симферополе, затем в новометодной школе «Рушдие», откуда исключён в 1908 «за бунтарство». Учился в Стамбуле, прервал учёбу в связи со смертью отца. С 1915 по 1917 г. в армии. В годы революции – член татарской объединённой соцпартии, член парламента-курултая. При Директории в течение 3 месяцев – секретарь дирекции наробразования. С 1921 начал сотрудничать с сов. властью, работал в профсоюзах. В 1927–1930 активный участник кампании по переводу крымско-татарского языка с арабской на латинскую графику. Участвовал в диалектологических экспедициях, разработке словаря и норм литературного языка. Выступал как литературовед. В 1931 г. в аспирантуре Гос. академии искусствознания, доцент (1934). В марте 1937 г. уволен как «ярый националист». Репрессирован (по материалам http://memory.pvost.org/pages/liatif.html).

[5] Вероятно, имеется в виду Вели Ибраимов, занявший этот пост в 1924 г.

[6] Школы 1 и 2 ступеней в РСФСР – соответственно 4-летняя и 5-летняя школы, преобразованные впоследствии в средние общеобразовательные школы.

[7] Имеется в виду 1-й Всесоюзный Тюркологический съезд в Баку 1926 г.

[8] Авторы ссылаются на буквальный перевод с татарского – журн. «Оку-ишлерим» № 1–2 (20–19), с. 170.

[9] Проходил с 3 по 6 июня 1927 г. в Баку. Стенографический отчёт Пленума см.: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 15.

Т.А. Карасова

КОМАНДИРОВКА В ЕГИПЕТ

Из мемуаров отца

Мой отец, Анисим Васильевич Карасов (15.2.1912 – 19.7.1990), родился в Сибири, в Чите. В интеллигентной сибирской семье читали вслух книги по вечерам, а детей обучали иностранным языкам. Хорошим было и школьное образование – там работали учителями бывшие политссыльные. Отец хорошо знал английский язык, что имело решающее значение для всей его последующей жизни.

Судьба моего отца с позиций сегодняшнего дня удивительна: его бросало в разные края страны и мира, он участвовал во всех войнах и конфликтах, которые вёл Советский Союз вплоть до окончания Второй мировой войны. И всё это началось сразу после школы, когда в 1928 г. его, шестнадцатилетнего комсомольца, командировали на Чукотку в составе экспедиции по ликвидации вспыхнувшей там чумы. А после Чукотки комсомол отправил отца на работу в Бодайбинский золотопромышленный район, где незадолго до этого была ликвидирована деятельность английской концессии «Ленаголдфилдс» и где строили новый комбинат Дальней Тайги треста «Союзлензолото». Перед отцом стояла задача организации геологической разведки. В 1931 г., когда на Дальнем Востоке была проведена дополнительная комсомольская мобилизация в армию, отца как хорошего наездника направили на службу в школу кавалерии. Через 7 месяцев – новый поворот: курсантов досрочно выпустили и отправили в Среднюю Азию, в Каракумы, на борьбу с басмачеством, потом служба на Кубани и первое ранение.

В 1930-е годы, когда всё яснее проступала угроза фашизма и новой войны, в рамках реорганизации армии многие кавалерийские части расформировывали и отправляли в другие роды войск. Отца направили в Отдельный бронетанковый батальон. Он должен был переквалифицироваться в танкиста. Там, в подробной анкете, и было написано, что отец свободно владеет английским языком. В апреле 1937 г. его неожиданно вызвали в политотдел спецвойск СКВО и дали направление в Москву для выполнения спецзадания. Так для моего отца началась новая война – в Испании. А затем – Китай, Индия, Африка… Предлагаю отрывки из воспоминаний отца о пребывании в Египте в годы Второй мировой войны.

Дорога в Африку

После возвращения домой (из Китая. – *Т.К.*) я поступил и с отличием закончил Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинграде, но началась Великая Отечественная война, и мне так и не пришлось поработать врачом. Начало войны застало меня в Крыму, на Керченском полуострове. После оставления нашими войсками Керченского полуострова я с группой генерала Алексеева прибыл в штаб фронта в Краснодаре, и здесь мне объявили, что я должен немедленно вылететь в Москву и явиться в отдел кадров Генштаба.

В отделе кадров Наркомата, куда я прибыл 12 июня 1942 г., мне дали предписание явиться в Отдел внешних сношений, где пять дней я заполнял и на меня заполняли многочисленные документы. О цели вызова не было сказано ни слова. На пятый день меня вызвали к исполнявшему обязанности начальника Генерального штаба Красной Армии генералу А.М. Василевскому. Александр Михайлович Василевский принял меня вместе с представлявшим меня генералом Ф. Евстигнеевым в два часа ночи. Я представился в уставной форме. Василевский обратился ко мне:

– Не забыли ли вы английский язык и где в настоящее время ваша семья?

– Жена на фронте, она военврач, а дочь в эвакуации.

А далее ген. Василевский сказал, что фашистские итальянские и немецкие войска в Северной Африке под командованием генерала Роммеля 26 мая перешли в наступление в Ливии и теснят войска наших английских союзников. Британцы оставили Бенгази и отступают к Тобруку. Гитлер и Муссолини стремятся захватить английские колонии и, в первую очередь, Египет с Суэцким каналом, они далее мечтают завладеть нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока, выйти в Индию и там соединиться с японскими союзниками, наступающими из Бирмы. «Нам важно знать действительную обстановку на этом театре военных действий, – подчеркнул Василевский, – а у нас нет дипломатических представительств ни в одной ближневосточной стране, за исключением Турции. Принято решение срочно командировать вас в Египет с тем, чтобы вы разобрались в местной обстановке и объективно информировали нас о положении дел на этом участке войны. Для выполнения этого особого задания вы подходящая кандидатура – у вас есть опыт зарубежной работы и хорошее знание английского языка. Как вы отнесётесь к этому предложению?»

Всё сразу прояснилось. Ответил, как полагалось:

– Благодарю за доверие, товарищ генерал, сделаю всё, что в моих силах.

– Иного ответа мы от вас и не ждали. Мы понимаем, что ставим перед вами нелёгкую задачу, надеемся, что вы с ней справитесь. В Отделе внешних сношений вас ознакомят с необходимыми материалами и подготовят к поездке, в частности, отработают двусторонние условия связи. Вылететь туда нужно как можно скорее. О своей семье не беспокойтесь, мы о ней позаботимся.

Он пожал мне руку и пожелал успеха.

Через несколько дней в три часа ночи с комендантского аэродрома поднялся самолёт. На борту я был один. Передо мной длинный путь и необычный маршрут: я лечу в Иран, оттуда в Индию, а из Индии мне нужно будет кораблём или самолётом добраться до Египта.

В Иране самолёт приземлился на аэродроме «Мехабад», недалеко от Тегерана. Меня встретил шофёр военного атташе и доставил в Советское посольство. Состоялась беседа с нашим военным атташе полковником Борисом Григорьевичем Разиным. Он сообщил мне, что по указанию Центра уже договорился с англичанами об отправке меня на следующий день в Индию. Начались мои странствия.

И вот я в Индии, в военной гостинице в центре Дели. Привёл себя в порядок и явился в штаб англо-индийских вооружённых сил, к начальнику 5-го отдела бригадиру Робертсону. Он принял меня любезно и согласился доставить меня в Каир, в Штаб британских сил на Среднем Востоке как можно быстрее, любым видом транспорта и любым возможным маршрутом. С этими словами Робертсон вышел из кабинета и отсутствовал довольно долго. А вернувшись, сказал, что в настоящее время доставить меня в Египет не представляется возможным и ему приказано отправить меня в Южно-Африканский Союз. Через 10–12 дней из Бомбея в Кейптаун выходит английский крейсер, и мне предлагалось отправиться с ним. Из Кейптауна меня обещали доставить в Штаб британских войск на Ближнем и Среднем Востоке в Каире.

До отхода корабля командующий, генерал А. Уэйвелл, приказал ознакомить меня с проводившимися англичанами мероприятиями в Индии по борьбе с вражескими войсками «оси» и, прежде всего, против японцев, оккупировавших в мае 1942 г. Бирму и теперь угрожавших вторжением в индийскую провинцию Ассам. Более того, мне было предложено ознакомиться с новыми индийскими формированиями, подготовляемыми для отправки в распоряжение командования британскими войсками в Северной Африке. Я сказал, что, находясь в Индии проездом, не уполномочен знакомиться с

военными мероприятиями союзников в этой стране. Робертсон ответил, что генералу Уэйвеллу это известно, но он хочет, чтобы находящийся в Индии офицер связи союзной армии был ознакомлен с тем, что предпринимается английскими военными властями в Индии в борьбе с врагами.

На следующее утро в сопровождении офицера штаба лейтенанта О'Коннора мы на маленьком спортивном самолёте вылетели в Калькутту в Штаб зоны обороны Бенгалии, а оттуда в Шиллонг – в Штаб зоны обороны провинции Ассам. Лейтенант О'Коннор оказался хорошим парнем. Ирландец по происхождению, он родился и вырос в Индии. Любил и хорошо знал страну, её историю и обычаи. Понимал её проблемы. Таких трезвомыслящих офицеров позже я повидал немало в английской армии в период Второй мировой войны. Он познакомил меня с достопримечательностями Калькутты.

В Штабе зоны обороны Бенгалии командующий зоной английский генерал Н. Ирвин рассказал мне о положении дел на индийско-бирманском фронте. В июне 1942 г. японские войска на всём протяжении вышли к восточным границам Индии. Генерал Ирвин сообщил, что на границе создаются две линии обороны. В Бенгази уже сформировали 6 пехотных бригад, готовят лётный состав, строят аэродромы. В Баракпоре, около Калькутты, формируется группа американских ВВС – две истребительных и семь бомбардировочных эскадрилий. Англичане рассчитывали к сезону дождей создать значительный перевес сил над японцами. С О'Коннором мы затем посетили зоны обороны Шиллонга, Бенареса, Агры и в Пенджабском Лахоре. Кстати, в Лахоре я впервые встретился с сикскими и гурскими частями, которые затем прославили себя как наиболее боеспособные части индийской армии в боях в Северной Африке и в Италии.

Африка

В Дели я вернулся за 3 дня до отъезда из Индии. Из Бомбея вышел английский крейсер, и мы двинулись в Кейптаун. Начался мой «африканский период» службы.

В Советском Союзе до Второй мировой войны можно редко было встретить человека, который бы побывал в Южной и Центральной Африке. Когда я готовился к поездке в Африку, то перечитал всё, что мне удалось достать об этом континенте. Но, к сожалению, всё, что было написано об этом континенте, не давало реального представления ни о его природе, ни о народах, его населяющих, условиях их жизни, национальной культуре. Моё первое африканское впечатление было ограничено Кейптауном. Меня прямо на пирсе встретил офицер штаба английских войск в Южноафриканском Союзе капитан Гвент и повёз в английскую офицерскую гостиницу, бывший «Гранд Отель», самую лучшую и самую дорогую гостиницу в городе. По дороге он сообщил мне, что я должен буду присоединиться к группе генерала Ваддингтона и с нею на автомашинах проехать в районы формирования африканского «Пионерского корпуса» в Восточной и Западной Африке. Мне нужно было без задержки вылететь в Каир, но английское командование решило по-другому. Это был приказ генерала, и об его отмене мне нужно было обратиться лично к нему. Я надеялся сделать это при первой же встрече.

А пока меня отвезли в гостиницу. Там я встретил не только офицеров английской армии, но и французских, американских, бельгийских, датских и греческих офицеров. Слух о том, что прибыл офицер связи из Советского Союза, распространился молниеносно. В столовой во время обеда меня окружила толпа офицеров. Никаких церемоний не было, люди подходили, знакомились и засыпали меня вопросами о положении на советско-германском фронте, сумеет ли Красная Армия отразить наступление немецкой армии. Равнодушных не было. Всех волновала судьба Грозного и Баку, куда за нефтью рвались гитлеровцы, многие считали, что если немцы решат проблему с горючим, Красную Армию разобьют в ближайшее время. Я, естественно, пытался убедить их, что ничего подобного не случится.

После обеда меня вызвали к генералу Ваддингтону, который размещался в этой же гостинице. Генерал тоже подробно расспрашивал меня о положении дел на фронте. Он был неплохо осведомлён о событиях на советско-германском фронте, но явно по германским сводкам. Он показал мне карту, на которой были нанесены все наступательные операции отдельных группировок немцев и отмечены датами отхода Красной Армии из всех крупных населённых пунктов. Беседа продолжалась два часа, и в заключение Ваддингтон повторил, что я должен присоединиться к его группе. Он объяснил это решение тем, что Роммель наступает в Северной Африке и английские войска уже оставили Ливию. Бои идут в Египте, под угрозой захвата находятся Александрия и Каир. Штаб английских войск на Среднем Востоке, по-видимому, в ближайшие дни будет из Каира переведён, но куда, ещё не решено, возможно, в Палестину, в Иерусалим, или в Кению, в Найроби. Поскольку неизвестно, куда можно меня направить, было решено присоединить меня к его группе, которая была занята формированием новых частей для Восьмой армии и срочной переброской их в Египет, чтобы остановить наступление итало-немецких войск. «Сегодня, – сказал Ваддингтон, – мы отсюда отправили южноафриканскую дивизию и отдельную бронебригаду. Из жителей Восточной и Западной Африки мы формируем корпус и тоже отправим его в Египет. Завтра утром мы выедем в Преторию, а оттуда в Родезию, в г. Солсбери. Завтра перед отъездом я представлю вас офицерам моей группы».

Так началось моё первое путешествие по Африке. Назавтра утром меня разбудил Гвент и сообщил, что через час мы уже выезжаем. Большинство моих спутников, в том числе и генерал Ваддингтон, тоже впервые совершали путешествие по Африке, всем хотелось получше узнать этот континент. Путешествие действительно было необычным. Мы проехали большую часть Восточной и Центральной Африки, посетили многие заповедные места – кратер Нгоронгоро, пастбища Серенгети и степи Амбосели около Килиманджаро, заповедники в Кении и Уганде.

Из Уганды мы выехали в Конго. Там мы пересекли так называемые голубые (лунные) горы Рувензори, хорошо описанные Спексом, и в долине реки Итури познакомились с настоящими тропическими лесами – африканскими джунглями. Здесь проводники показали нам «железное дерево», в больших количествах вывозимое из Африки в Европу и Америку. Кстати, во время этой войны англичане фюзеляжи истребителей «Спитфайер» делали не из алюминия, а из «железного дерева», которое прочнее и легче алюминия. В Бельгийском Конго мы на автомашинах доехали до города Стэнливиля и дальше ехать по долине р. Конго не рискнули. Генерал Ваддингтон в сопровождении офицера бельгийской армии подполковника П. Фредерика на самолёте слетал на 3 дня в столицу Конго Леопольдвиль, где провёл переговоры о формировании из жителей Конго частей для участия в сражениях союзников против держав оси в Северной Африке. После его возвращения группа выехала обратно в г. Кампала, Уганду, а затем в Найроби. Отсюда Ваддингтон связался со штабом английских войск в Каире. Ему сообщили, что наступление итало-немецких войск в Египте остановлено, и группе было приказано срочно самолётом прибыть в Каир.

Египет

Подлетая к Египту, мы ожидали, что в Каире нас встретит прифронтовая обстановка и город будет сильно разрушен. Но в столице Египта не было никаких внешних признаков войны: шла оживлённая деловая жизнь, все учреждения нормально работали. Вечером центральные улицы были ярко освещены. Единственным признаком войны было то, что город был наводнён огромным количеством военнослужащих армий союзников, а штаб английских войск в Каире находился в районе Каср Эль-Дубава на берегу Нила. Английское посольство было похоже на хорошо укреплённую крепость. Оно было обнесено высокой стеной и проволоч-

ными заграждениями. Все здания штаба были обложены мешками с песком. Они охранялись солдатами английской части «Королевских стрелков».

За время поездки по Африке у меня сложились хорошие отношения с Ваддингтоном. По прибытии в Каир он помог мне в определении моего статуса в штабе английских войск. С его помощью я получил доступ ко всей официальной штабной информации и право посещать все воинские учреждения и части союзников. В моё распоряжение была выделена штабная машина с шофёром, а в поездках меня продолжал сопровождать капитан Гвент. Около двух месяцев, с момента вылета из Москвы и до прибытия в Каир, я не имел возможности регулярно слушать по радио сообщения из Москвы и пользовался информацией о положении у нас на фронте из иностранных газет и радио. По указанию Ваддингтона мне в номер гостиницы установили коротковолновый радиоприёмник, и я получил возможность регулярно слушать Москву. Наладилась у меня и нормальная связь с Москвой. Я приступил к своим обязанностям – информирование командования Красной Армии о положении на фронте союзников и обстановке в странах этого театра военных действий.

После моего определения в штабе и оформления необходимых документов и допусков я стал появляться в обществе офицеров союзных армий не только в отеле и штабе, но и в других общественных местах, в том числе в спортклубе Гезира. У меня появилось много хороших знакомых, с которыми можно было свободно обмениваться мнениями о новостях на фронтах Второй мировой войны. Эти беседы с коллегами-офицерами и регулярно показываемая кинохроника помогли мне за короткое время разобраться в обстановке, что дало мне возможность обстоятельно информировать командование Красной Армии о положении на этом театре военных действий. После того, как войска Роммеля нанесли серьёзное поражение английским бронетанковым соединениям у Найтбриджа и захватили Тобрук, пополнив свои запасы горючего, захваченного у англичан, немцы почти беспрепятственно двигались на Восток. Английские войска беспорядочно отступали, почти не оказывая сопротивления. 28 июня итало-немецкие войска без боя заняли бывшую ранее английскую позицию у посёлка Мерса-Матрух. В штабе для офицеров показывали немецкую кинохронику, которая демонстрировала лавину немецких танков, окрашенных в цвета пустыни, с изображением пальмы на бортах, двигавшихся на Восток. Камера показывала смятые английские артиллерийские орудия, обгоревшие машины и обломки сбитых самолётов. В английском штабе была паника. Многие считали, что для англичан уже всё потеряно, и готовились к эвакуации: жгли документы и только самые важные из них укладывали в железные ящики, чтобы взять с собой. Ждали передислокацию в Палестину или в Англо-Египетский Судан.

В это время, однако, из поступающих в штаб сведений становилось ясно, что Роммель, сосредоточив все свои силы на захват Тобрука, совершил серьёзную стратегическую ошибку: он дал возможность остаткам 8-й британской армии отойти и занять выгодную для обороны позицию у Эль-Аламейна. Три раза 96-я немецкая дивизия при поддержке итальянской пехотной дивизии «Тренто» бросалась в атаку, но все атаки фашистов были отбиты. Бои шли ожесточённые, и положение 8-й армии было чрезвычайно тяжёлым. Но 4 июля 1942 г. неожиданно для англичан Роммель прекратил своё наступление и перешёл к обороне. Его войска были до предела истощены и испытывали острую нехватку вооружения, боеприпасов и особенно горючего. С конца мая 1942 г., т.е. с начала наступления, он не получил ни одного солдата, ни одного танка, ни одного орудия. Это объяснялось, в первую очередь, ситуацией на советско-германском фронте, куда были стянуты все основные силы и военные ресурсы гитлеровской Германии.

Полученная передышка дала англичанам возможность укрепить свои позиции и

подтянуть резервы. Английское правительство в связи с военными неудачами в Северной Африке приняло решение о смене командующего 8-й армией. Вместо генерала Окинлека был назначен генерал Александер, а вместо командующего 8-й армией генерала Ричи был назначен генерал-лейтенант Монтгомери. 9 августа Окинлек, бывший главнокомандующий английскими войсками, собирался отбыть из Египта, и в его честь был приём, устроенный начальником штаба генерал-лейтенантом Артуром Смитом. Я был в числе приглашённых и там впервые услышал, что американцы и англичане приняли решение о совместных военных действиях в Африке и вместо открытия второго фронта планируют высадку совместных войск в Марокко и Алжире. 8-я армия после её соединения с высадившимися союзными войсками войдёт в 18-ю группу армий. 28 августа я встретился с генералом Ваддингтоном, который подтвердил эти сведения. В начале сентября в Египет уже прибыла американская военная миссия во главе с генералом Максвеллом, а в конце этого же месяца американцы начали в спешном порядке в 20 км на юго-восток от Каира строить большой современный аэродром. Как только аэродром был построен, начала прибывать американская авиация. Одновременно прибыло много английских и американских офицеров, в их числе сын английского премьера Уинстона Черчилля, военный журналист в чине капитана. Это был человек среднего роста, упитанный, несколько угловатый, примерно 35 лет. Конечно, он был на особом положении у английского командования. Он не скрывал своей близости к «Интеллидженс сервис» и дружил с известным английским разведчиком на Ближнем Востоке капитаном Холдеем. Его рабочий кабинет находился непосредственно в разведотделе в штабе английских войск в Каире. Его командировка в Египет была временной, так как сферой его профессиональных интересов были Балканы, и как только стало возможно, он уехал в Югославию и больше в Каире не появлялся.

По предложению Монтгомери в составе 8-й британской армии был сформирован бронетанковый корпус, для чего в Египет прибыла бронетанковая дивизия. Ваддингтон однажды пригласил меня поехать с ним на осмотр этой дивизии. Там я неожиданно познакомился с Монтгомери. Когда мы приехали, в дивизии шли полевые занятия и один из танковых батальонов занимался форсированием каньона, примерно трёхметровой ширины и такой же глубины. Мы у себя дома на нашем старом танке Т-26, не говоря уже о танке Т-34, такой каньон на большой скорости перескакивали без затруднений. А англичане на своём «Центурионе» сначала его срывали, условно под огнём противника, а затем осторожно спускались в него и на форсированном моторе пытались выскочить из него по крутому скату в 45 градусов, но чаще всего это не удавалось, и приходилось снова срывать спуски в каньон. В среднем на эти операции затрачивалось около двух с половиной часов.

Я знал тактико-технические данные танка «Центурион» и предложил попробовать форсировать каньон на большой скорости прыжком, но ни один танковый экипаж не согласился испробовать этот способ. Я предложил Ваддингтону продемонстрировать этот способ, но он заколебался и начал отговаривать меня рисковать. Вдруг за спиной раздался голос: «Вадди, надо попробовать!» Сразу все расступились, и в круг вошёл генерал-лейтенант в военно-полевой форме, на вид около 50 лет. Поздоровавшись с Ваддингтоном, он протянул мне руку и сказал: «Я командующий 8-й армией Монтгомери. Мне уже говорили о вас, и я знаю, что вы танкист, что вы сами хорошо водите танк и хорошо стреляете из танка. Ваше предложение мне понравилось. Давайте попробуем. Садитесь в танк командира батальон, поводите его по ровной местности на разных скоростях, а когда освоитесь, я сам сяду с вами в танк». Обращаясь к командиру батальона, приказал: «Ведите нас к вашему танку!»

Я сделал несколько кругов по полю танкодрома, на большой скорости перескочил

через учебный окоп и, подъехав к генералу Монтгомери, доложил, что готов форсировать каньон. Монтгомери попытался влезть в танк, но его отговорили, убедив, что эффективней понаблюдать за формированием со стороны. В танке занял свои места английский экипаж во главе с командиром батальона, а вместо водителя сел я.

Выведя танк на исходный рубеж, я проинструктировал экипаж, как фиксировать свое положение в танке при прыжке и особенно при ударе в момент приземления, затем на предельной скорости вывел танк на высокий край каньона, на поднятом месте я приподнял передок машины примерно на 10 градусов, нас подбросило вверх и танк перелетел каньон. Форсирование заняло около 15 минут, никто из экипажа не пострадал. На исходном рубеже нас встретили аплодисментами. Монтгомери крепко пожал мне руку, сказал: «Теперь я убедился, что вы настоящий танкист и храбрый офицер». Он попросил меня объяснить водителям танков технику форсирования, что я и сделал на нескольких занятиях. После этого случая я стал пользоваться среди английских танкистов авторитетом, а Монтгомери приглашал меня вместе с представителями всех союзных армий на занятия и учения при подготовке к наступательной операции.

Эль-Аламейн. Операция «Лайтфут»

Наступление 8-й британской армии началось 23 октября 1942 г. Перед этой армией была поставлена задача ещё до начала прибытия англо-американских военных сил начать наступление, чтобы сковать действия противника. Кодовое название этой военной операции было «Лайтфут». Перед началом выступления, выполняя инструкции моего командования, мне с группой оперативных офицеров штаба английских войск удалось выехать на фронт боевых действий. Тяжёлые бои с армией Роммеля длились до 5 ноября, британцы, наконец, сломили сопротивление итало-немецких войск под Эль-Аламейном и начали преследование отступающего противника. А 8 ноября 1942 г. в Марокко и Алжире началась высадка англо-американских войск. Кроме того, из французской Африки, из форта Лами, французский генерал Леклерк вёл через Сахару на соединение с британцами в Ливии французский африканский корпус. Отступая, Роммель пытался сохранить за собой Тунис как ключ к Средиземному морю. Основная часть 8-й армии осталась в районе Триполи, куда 3 февраля прибыли премьер-министр У. Черчилль и фельдмаршал Брук. В их честь был устроен парад войск 8-й армии, а вечером 4 февраля во дворце бывшего итальянского генерал-губернатора в Ливии, оставленном итальянцами не разграбленным, был устроен приём, на который был приглашён и я.

На этот приём я шёл в особо приподнятом настроении: мне только что сообщили из Москвы, что 18 января 1943 г. соединившиеся Ленинградский и Волховский фронты деблокировали Ленинград, что 2 февраля Донской фронт разгромил 6-ю армию Паулюса под Сталинградом, о разгроме немцев на Северном Кавказе и наступлении Красной Армии на запад. На приёме англичане говорили только о своей победе под Эль-Аламейном. О победах Красной Армии вообще не упоминалось. Черчилль оценил английскую победу под Эль-Аламейном как поворот судьбы в войне, благодарил офицеров за ратный подвиг, который войдёт в историю. Затем выступил Монтгомери, который тоже говорил о вкладе этой победы. В заключение он заявил: «Если бы не было Эль-Аламейна, то русские не имели бы такого успеха под Сталинградом и на Северном Кавказе».

Конечно, трудные условия пустыни на этом театре военных действий нельзя сбрасывать со счетов. Мне второй раз в жизни пришлось воевать в пустыне – в первый раз довелось воевать с басмачеством в Каракумах. Здесь, после захвата Мерса-Матруха, я находился в 10-м бронетанковом корпусе, в авангарде британских войск, преследовавших противника. Офицеры, имевшие автомашины, были вынуждены бросить их и пересесть на танки или бронемашины. Дви-

гаться вперёд было неимоверно трудно: все мосты были взорваны, а дороги заминированы. Питьевой воды не хватало, стояла жуткая жара. А потом внезапно два дня был ливень, и танки застряли в песках, не могли двинуться с места. Понятно, что победа англичан под Эль-Аламейом и последующее наступление в Ливии значительно изменило обстановку для союзников в Северной Африке и на Средиземном море. Флот и авиация союзников могли теперь базироваться на порты и аэродромы в Ливии, что обеспечивало их способность эффективно поддерживать боевые действия по окончательному разгрому итало-немецких войск в Тунисе. Однако эта победа в Северной Африке не шла ни в какое сравнение с военными действиями на советско-германском фронте.

Мы на приёме стояли вместе с французским полковником Жуэном, и на слова Монтгомери о русских я засмеялся. Заметив это, к нам подошёл генерал де-Гинган и спросил, над чем мы смеёмся. Я привёл ему сведения, полученные мною из Москвы, о потерях фашистских войск на советско-германском фронте. Только под Сталинградом потери фашистских войск превысили 800 тысяч человек. И полковник Жуэн заявил, что каждому здравомыслящему человеку ясно, что судьба войны решается не в Северной Африке, и тем более не разгромом тех сил, которыми здесь располагал Роммель. «Мы ведь знаем, – сказал Жуэн, – что у него под Эль-Аламейном было всего около 80 тысяч солдат и офицеров». А генерал де-Гинган сказал: «Не обращайте внимания на Монти, его последнее время часто заносит».

Союзные войска в Северо-Западной Африке. Операция «Торч»

5 февраля 1943 г. я получил распоряжение вылететь в штаб союзных войск на Средиземном театре военных действий генерала Эйзенхауэра. Я простился с 8-й армией и на американском самолёте С-47 вылетел в Алжир. На аэродроме меня встретил офицер штаба Гарри Вейль и доставил в отель «Сент-Джордж», где размещался штаб союзных войск. Вскоре меня принял начальник штаба генерал-майор Уолтер Беделл Смит. Он сказал, что ему обо мне написал генерал де-Гинган и дал мне хорошую характеристику. Затем он начал расспрашивать меня, имею ли я военное образование, на каких должностях и в каком роде войск служил и где бы я хотел продолжить службу. Я попросил направить меня на фронт во 2-й американский корпус. На это генерал мне ответил: «На фронт вы всегда успеете, я хочу, чтобы вы поработали в оперативном отделе штаба, а дальше посмотрим, как вас лучше использовать». Я поблагодарил генерала и сказал, что я в полном его распоряжении.

Штаб Эйзенхауэра на Средиземноморском театре военных действий возглавлял генерал-майор армии США Беделл Смит. Его заместителем и командующим сухопутными войсками был Гарольд Александер. Англо-американские войска высадились в Северо-Западной Африке на территории французских протекторатов – Марокко и Туниса и французской колонии Алжир в ноябре 1942 г. и с этого времени вели там военные действия. Как стало теперь известно, операция по высадке там англо-американских войск была осуществлена при незначительном противодействии некоторых поддерживавших правительство Петэна французских гарнизонов, кораблей и авиации. Но уже через три дня после высадки в Алжире произошла встреча между американскими представителями – генералом Кларком и главнокомандующим вооруженными силами правительства Виши адмиралом Ж. Дарланом. На встрече была достигнута договорённость о том, что французские вооружённые силы не будут оказывать сопротивления и будут соблюдать строжайший нейтралитет.

Когда я прибыл в Алжир, англо-американские войска занимали фронт протяжённостью свыше 400 км от берегов р. Седженан вблизи Средиземного моря на севере и до пустыни Сахара на юге. Придя в соприкосновение с войсками противника в Тунисе, союзники никаких активных военных

действий не вели, хотя, по данным разведки, у противников в Тунисе было всего 5 тысяч человек. Командование уверяло, что всё это время они накапливали силы для решительного наступления. Итало-немецкое командование использовало это, успев перебросить из Европы танковые дивизии «Герман Геринг» и «Адольф Гитлер», находившиеся там на отдыхе после тяжёлых боёв на советско-германском фронте. Теперь к началу февраля их насчитывалось уже свыше 300 тысяч человек. Поэтому Роммель бросил свежие силы на прорыв позиций союзников у прохода Фаид, без особого труда прорвав там фронт, и вышел в тылы 1-й и 34-й американских пехотных дивизий, занимавших позиции южнее французских частей на хребте Восточный Дарсаль. Разгромив в бою американские танки, немцы беспрепятственно подошли к американским позициям в Западном Дарсале. Неопытность американских командиров сказывалась здесь на каждом шагу.

Мне с группой офицеров штаба и с английским офицером связи было разрешено выехать на фронт в штаб 1-й пехотной дивизии. Прибыв в её расположение, мы с трудом разыскали остатки частей и штаб, которые, беспорядочно отступая, укрывались от немецких танков на труднодоступных горных выступах. Я лично наблюдал, как американские солдаты, плохо обученные, вели себя совсем беспомощно. Расхваленное американское противотанковое ружьё «Базука» в их руках было совершенно неэффективно против немецких танков. Преодолев американскую оборону на всю глубину, немецкие танки начали быстро продвигаться в тылах американских войск и нанесли им тяжёлое поражение. По сути дела, три дивизии (1-я, 34-я пехотные и 1-я бронедивизия) были разгромлены.

Поражение американского корпуса вызвало резкую реакцию не только в штабе Эйзенхауэра, но и у высшего военного руководства США и Англии. Для расследования положения дел начальник генштаба армии США генерал Маршалл направил в Алжир генерала Омара Брэдли. Резко обострились отношения между командирами американских и английских подразделений. Американские командиры пытались свалить вину на англичан и утверждали, что им ни разу не оказала поддержку союзная авиация, которой командовал англичанин.

Взаимоотношения между американцами и англичанами в Северной Африке с самого начала были не совсем дружелюбными. Английские генералы и офицеры обладали гораздо бóльшим опытом войны и смотрели свысока на ничего не понимающих в сложном искусстве ведения войны, тем более в данных климатических условиях. Американскими порядками было недовольно и высшее английское руководство армии. Особенно резко обострились взаимоотношения между англичанами и американцами после выступлений генерала Андерсона на совещании в штабе 2-го американского корпуса. Я лично слышал, как Андерсон, разбирая причины поражения американцев, обвинил их в слабой компетентности командиров американских частей и соединений, в плохой подготовке войск к боевым действиям и несоответствии американского вооружения современным требованиям войны. Особое возмущение американцев вызвало его заявление, что он не сможет в дальнейшем доверить 2-му американскому корпусу ни одной серьёзной самостоятельной операции. Генерал Брэдли немедленно доложил об этом Эйзенхауэру, который вывел 2-й корпус из подчинения командующего 1-й британской полевой армии и заменил командующего Фредендолла на генерала Джорджа Паттона, вызвав его из Рабата. Заместителем стал Брэдли.

Между тем Роммель окончательно убедился, что преимущество в военной силе на стороне англо-американских войск и положение его в Тунисе безнадёжно. Во избежание окончательного краха он стал настаивать на срочной эвакуации в Европу. Однако предложения Роммеля были отвергнуты. Гитлер и Муссолини не хотели отказываться от Туниса, последнего плацдарма в Африке. Роммеля они отправили в отпуск «по состоянию здоровья», заменив его генера-

лом Арнимом. Бои шли до начала мая 1943 г. Только тогда стало ясно, что всё управление итало-немецкими войсками было парализовано. Не располагая транспортными средствами для эвакуации и не имея возможности сопротивляться, 240-тысячная итало-немецкая армия превратилась в беспорядочную толпу и с 10 по 11 мая была полностью окружена и попала в плен.

После разгрома Роммеля было решено перебросить войска в Италию через остров Сицилию и очистить его от итало-немецких войск. Эта операция была названа «Хаски». Вместе с союзными войсками на Сицилию отправился и я. На борту флагмана «Монровия» находился командующий 7-й американской армией генерал Джордж Паттон со своим штабом. Мне Паттон не разрешил высаживаться со 2-м корпусом, а приказал находиться при его штабе на этом корабле.

Операция «Хаски» по захвату Сицилии была завершена в середине августа, она заняла у союзников 38 дней. Было подсчитано, что в плен было взято около 135 тысяч солдат противника, около 20 тысяч было убито и ранено. Союзники потеряли 15 тысяч убитыми и ранеными. Затем боевые действия переместились в Италию, куда был направлен и я. Боевые действия союзников в Северной Африке и на Сицилии не оказали влияния на снижение боевой мощи гитлеровской Германии на советско-германском фронте.

В конце войны. Снова Африка

В конце Второй мировой войны в Италии оказались тысячи советских военнопленных, вывезенных сюда во время оккупации Крыма и Кавказа. Немцы содержали их в Италии, как и в других странах Европы, в лагерях, за колючей проволокой. Англо-американское командование при захвате немецких лагерей с советскими военнопленными на освобождаемой ими итальянской территории оставляло их в тех же лагерях и содержало под своей охраной. Бывших советских военнопленных, ранее бежавших из этих лагерей и принимавших участие в партизанских отрядах в борьбе с фашистскими войсками, союзное командование сразу же изолировало от местных партизан и также снова направляло в лагеря военнопленных, за колючую проволоку. Спецслужбы союзников сразу же начали проводить среди наших военнопленных агитацию и склонять наших людей к невозвращению на Родину.

Советское командование потребовало от союзников репатриировать всех советских людей, вывезенных немцами, на Родину. Чтобы организовать их защиту и репатриацию, в Италию прибыла специальная военная миссия во главе с генерал-майором Судаковым.

В это время, так как основные военные действия теперь переносились в восточную часть Средиземного моря, на о. Крит, Кипр и Грецию, советское командование приняло решение о моём возвращении в штаб союзных войск на Средний Восток, в Каир.

Во время войны арабские страны начали искать поддержку Советского Союза против колониальных государств – Англии и Франции. В июле-августе 1943 г. Египет, Сирия и Ливан установили с Советским Союзом дипломатические отношения, а в сентябре и между СССР и Ираком[1]. Английское влияние в Египте начало быстро ослабевать, и американцы всеми силами стремились расширить и укрепить своё влияние в Египте и на всём Ближнем Востоке. Помимо огромного посольства в Каире, в рамках которого действовал многочисленный аппарат военного атташе во главе с полковником Джоном Т. Дриггом, в Египте работала большая военная миссия. Её деятельность охватывала все страны Ближнего и Среднего Востока, в том числе и те страны, где ранее хозяйничали англичане. Ещё в 1943 г. в военном ведомстве США был разработан план создания американских военных баз в этом регионе. Построенный ими в начале 1943 г. военный аэродром вблизи Каира был превращён в авиабазу, на которой базировалась американская бомбардировочная дивизия. С этой же целью они приступили в 1944 г. к расширению бывшего итальянского аэродрома в Ливии, недалеко от Триполи, пре-

вратив его в мощную авиабазу, на которой после войны базировались американские бомбардировщики, носители атомных бомб. В том же году американцы начали осваивать и бывшую итальянскую авиабазу в Асмаре (Эритрея).

Когда в 1944 г. я прибыл в Египет, там уже активно работала советская дипломатическая миссия во главе с посланником Николаем Васильевичем Новиковым[2]. В Каире также функционировало наше агентство ТАСС, возглавлявшееся известным учёным-египтологом, старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, впоследствии академиком АН СССР М.А. Коростовцевым[3].

В Каире я уже действовал в составе нашей дипломатической миссии и был аккредитован при штабе британских войск на Среднем Востоке как офицер связи Советской армии. Помимо представительских функций, основное, чем мне пришлось заниматься в Египте, – это репатриацией наших бывших военнопленных и гражданских лиц, угнанных немцами с оккупированных ими территорий СССР во время войны. В Египте репатриацией наших людей занимались британские военные власти, которые не желали решать эти вопросы с нашими дипломатами, и поэтому вся эта работа была поручена мне как советскому военному представителю.

В штабе британских войск на Ближнем и Среднем Востоке всеми вопросами по репатриации советских граждан занимался 5-й отдел, возглавляемый полковником Бейли и его заместителем подполковником Торрелем. Работать с ними было нелегко.

Начиная с июля 1944 г. по апрель 1945 г. через Египет было репатриировано в Советский Союз более 15 тысяч советских бывших военнопленных и гражданских лиц. Они прибывали в Египет на кораблях партиями и иногда застревали на длительное время в лагерях из-за отсутствия транспорта. Было несколько крупных лагерей, где содержались наши военнопленные и гражданские лица: лагерь №307 в Дженейфе, где одна группа около 2000 человек находилась в течение 4-х месяцев, и вторая из 5000 человек – около пяти месяцев. В Суэце был лагерь № 157, в Александрии лагерь № 190 и лагерь в Порт-Саиде № 147. Несколько групп по 2–3 тысячи человек прошли транзитом через египетские порты в Иран. Мне приходилось много ездить по стране, находиться непосредственно в лагерях, подолгу общаться с нашими людьми, которые по два-три года были совершенно оторваны от происходящих в мире событий. Они ничего не знали о положении на советско-германском фронте, о ситуации в нашей стране. Необходимо было снова вернуть их к нашей действительности, к нашему образу жизни. Так как в основном это были наши военные лица, я начал возвращать их к военным порядкам, формировать из них взводы, роты, батальоны, подбирал и назначал командный состав из числа бывших командиров, вводил уставные порядки. Начала проводиться культурно-массовая работа. К этим людям возвращалось чувство востребованности, самоуважения. Но главное, такая организация дала возможность защищать интересы наших людей перед администрацией английских лагерей, где находились наши люди, и оградить их от серьёзных попыток союзников склонить наших людей к невозвращению на Родину. В лагерях работали английские офицеры, занимавшиеся вербовкой наших бывших военнопленных в разведшколы. Этим занимались капитаны Дрей, Фетслан и Стивенс и старший лейтенант Скаротт. Для вербовки они использовали белых эмигрантов, покинувших Родину во время революции. Так, например, в лагере № 190 работали супруги Карбоненко. Он – бывший министр в правительстве Керенского, работал в то время в британской фирме «Бритиш коттон бей», а его жена – в бюро по прокату английских кинофильмов в фирме «АНО». Им помогал бывший военнопленный Гуревич Владимир Владимирович, носивший в лагере форму английского лейтенанта и выступавший под именем Депермана. Но надо сразу отметить, что эти попытки успеха не имели. Наши люди, прошедшие ужасы фашистских лагерей, перенёсшие мучения и

издевательства, как можно скорее стремились возвратиться домой и не верили басням о том, что в Советском Союзе всех военнопленных расстреливают[4].

Английское командования особо тщательно подбирало офицерский состав для работы в лагерях. Примером может служить офицерский состав в лагере № 307 в Дженейфе, через который в Египте прошла большая часть наших бывших военнопленных. Начальником лагеря был английский подполковник Шанд Кидд, немец по происхождению из Саара. Контрразведовательной работой там занимался лейтенант Гросс, тоже немец из Южной Америки, явный расист. Непосредственно с нашими людьми вели работу лейтенант Нобель, сын известного до революции владельца нефтяных промыслов в Баку, а также лейтенанты Свэнсон и Дзуппен. Они руководили группой специально подобранных переводчиков, в основном палестинских евреев, выехавших в своё время из России и специально подготовленных для работы с нашими бывшими военнопленными. Англичанами проводилась практика арестов наших людей, например, бывшего старшину – пограничника Даиляна и бывшего старшего лейтенанта Султанова за якобы нарушения правил внутреннего распорядка. Но они были изолированы специально для проведения с ними вербовки. Во время так называемого ареста их тайно возили в Каир, где они встречались с представителями американской и английской разведки, которые пытались их завербовать. Только после моего вмешательства их освободили из-под ареста, и они вместе с другими нашими людьми были репатриированы в Советский Союз. В январе 1964 г. я получил письмо от Султанова. По возвращении в Советский Союз он закончил университет и успешно работал в Баку. Такие письма (а оно было не единственным) были настоящей наградой и радостью за спасённую человеческую судьбу.

Среди возвращавшихся на Родину было много бесстрашных, мужественных людей, которые вырвались из фашистских лагерей и сражались против фашистов в партизанских отрядах имени Гарибальди в Италии, в войсках ЭЛАС в Греции, партизанских лагерях в Югославии, в рядах французского сопротивления, на островах Кипр, Крит, Родос и других. В частности, как мне рассказывали, немцами были вывезены захваченные ими участники обороны Севастополя. Помню, в ноябре 1944 г. с Крита в порт Александрию в Египте прибыл отряд из 248 человек наших военнопленных севастопольцев, в том числе 42 офицера, с полным вооружением, включая станковые пулемёты, под командование комиссара Габрилёва. Этот отряд проявил себя при освобождении острова так, что английские власти после захвата Крита, а затем и англичане в Египте не посмели предложить этому отряду разоружиться, и с полным вооружением отправили их на Родину.

Через лагеря в Египте среди бывших военнопленных возвратилось на Родину много замечательных людей, с которыми я дружу по сей день. В частности, из Италии через Египет в составе большой группы возвратился в Советский Союз азербайджанский писатель Сулейман Велиев[5]. Через лагерь № 190 в Александрии был возвращён на родину из Греции грузинский кинорежиссер Гуния. Из Франции возвратился лётчик Виктор Малыгин, герой Советского Союза, попавший в плен во время налёта на Рурскую область, где был сбит. Из Франции же в январе 1945 г. прилетел в Каир под именем Игнатия Кулишера известный разведчик Радо, венгр по национальности, всю войну успешно работавший резидентном советской разведки в Швейцарии под псевдонимом «Дора». В Каире после посадки самолёта он скрылся с аэродрома и явился к англичанам, раскрыл своё настоящее имя и заявил, что не хочет возвращаться в Советский Союз. По заданию командования и при содействии советского посольства он был возвращён в Советскую военную миссию в Египте англичанами и в сопровождении офицера миссии был мною отправлен самолётом в Советский Союз. Трудно сказать, что побудило его совершить в Египте такой поступок. Но после войны он жил в Венгрии и стал из-

вестным учёным-географом, действительным членом Венгерской академии наук, директором Института географии. В Советском Союзе он опубликовал интересные воспоминания о советской разведке во время Второй мировой войны. С этими людьми я дружил, встречался и переписывался всю жизнь.

В начале 1945 г. в Египет прибыла специальная военная миссия по репатриации во главе с полковником Ставровым Михаилом Михайловичем, в составе 14 человек. Офицеры этой миссии были распределены по лагерям и непосредственно вели работу с нашими людьми, возвращавшимися на Родину. По договорённости с английским командованием все наши бывшие военнопленные и гражданские лица, подлежащие репатриации, были собраны в один лагерь «Аббасия» около Каира.

Очень торжественно была отпразднована в Египте 23 февраля годовщина Советской Армии. Наше посольство устроило приём, на котором присутствовал весь дипломатический корпус, английское и американское командование, члены египетского правительства и многие гости. Днём празднование было организовано в лагере «Аббасия», на нём присутствовали работники нашего посольства с семьями, иностранные журналисты, почётные гости, в том числе греческий принц Пётр с принцессой Ириной[6]. Был проведён парад, а затем состоялся футбольный матч между нашими и англичанами. Во всех газетах Египта были напечатаны статьи об этом празднике. Но главное – люди почувствовали себя частью великой страны, победившей в войне.

В начале марта 1945 г. из Египта была отправлена последняя партия наших людей. С ней убыла основная часть миссии по репатриации. В Советский Союз был отозван начальник миссии полковник Ставров. Руководство миссией было возложено на меня. Нужно было полностью завершить репатриацию оставшихся наших людей из Египта – больных из госпиталей, а также прибывших одиночек из Италии, Греции и других стран Средиземноморья.

Ещё в апреле 1945 г. нам стало известно, что с Украины через Румынию с помощью Международного Красного Креста были вывезены из детских домов большие группы советских детей в Палестину. По договорённости с английским командованием мы с майором Сёминым выехали туда. По прибытии в Иерусалим нас принял в своей резиденции генерал-губернатор Палестины фельдмаршал Горт. Мы доложили, что, по имеющимся у нас данным, из СССР была вывезена в Палестину большая группа советских детей, и обратились с просьбой оказать нам содействие в возвращении их на Родину. Горт не отрицал, что в Палестину были вывезены наши дети, и обещал оказать нам своё содействие. Он также сказал, что дети в основном были распределены по кибуцам. Однако английские и особенно палестинские власти всё сделали, чтобы не дать возможности выявить и репатриировать советских детей в СССР. Нас возили по кибуцам, но всюду уверяли, что о советских детях и не слышали. Пока в одном из кибуцев ко мне не подбежала девочка лет 14 и не спросила «Дядя, вы русский офицер?». Она рассказала, что родилась в Одессе, её отец был командиром Красной Армии и жив ли он, она не знает. Мать погибла при бомбёжке в Одессе, её поместили в детский сад, затем, когда город заняли румыны, её с другими детьми привезли в Палестину. С ней в кибуце находились ещё четыре девочки и два мальчика. Всего было выявлено 178 детей. Кроме этого к нам обратились 87 человек взрослых евреев из Польши, которые отстали от польского корпуса Андерса и изъявили желание возвратиться в Советский Союз. Список был нами представлен английским властям для разрешения на репатриацию. Однако английские власти всячески затягивали решение о репатриации детей и взрослых и, в конце концов, ни один ребёнок, не говоря уже о взрослых, из Палестины не был возвращён в Советский Союз.

Конец войны дал мне право обратиться к моему командованию с просьбой о возвращении домой. За три года я объездил почти целый континент, познакомился со многими

очень разными людьми, выполнил возложенные на меня обязанности, решил поставленные передо мной задачи. Я возвращался домой уже после Парада победы, увидев его в кинохронике в Советском посольстве в Каире. И только с большим опозданием узнал из газет, как был отпразднован 9 мая 1945 г. День Победы в Москве. Я ехал домой, уже зная, что моя семья жива и здорова. Жена, военврач, прошедшая всю войну, и дочка с бабушкой, вернувшиеся из эвакуации, ждут меня дома. Это счастье.

Примечания

[1] Неточность. Сирия и Ливан установили дипотношения с СССР в июле 1944 г., Ирак – в сентябре 1944 г.

[2] Н.В. Новиков возглавлял советскую дипломатическую миссию в Каире с ноября 1943 по сентябрь 1944 г. Он – автор книги «Пути и перепутья дипломата» (М., 1976), в которой рассказывает о пребывании в странах Ближнего Востока.

[3] Порученная Михаилу Александровичу Коростовцеву миссия не сводилась к корреспондентской работе. По его инициативе был открыт в Каире и действовал с 1944 по 1946 г. Центр египтологических исследований. В Египте он большое внимание уделял научной работе, заботился о контактах с зарубежными учёными, был организатором своего рода представительства советской академической науки в Ближневосточном регионе. В частности, благодаря его усилиям в феврале 1945 г. на повестку дня встала организация общества, поддерживающего связи между СССР и Египтом. М.А. Коростовцев и мой отец много общались в то время и помогали друг другу. Их дружба сохранилась затем на всю жизнь.

[4] О репатриации бывших советских военнопленных через Египет см.: *Беляков В.В.* Из Европы в Европу – через Африку. Египет – перевалочная база репатриации бывших советских военнопленных (1944–1945 гг.) // Восточный архив, № 11–12, 2004. С. 121–125; *он же.* Транзит через Африку // Родина, № 6, 2013. С. 112–116.

[5] Сулейман Велиев (1916–1996) – один из крупнейших азербайджанских прозаиков, писавших на военные темы. С 1939 года – член Союза писателей Азербайджана, заслуженный работник культуры Азербайджанской ССР (04.01.1977), ветеран труда (1981), заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР. В начале войны С. Велиев служил в 416-й азербайджанской дивизии. В августе 1941 г. его дивизия была отправлена в Иран, а затем была передислоцирована на Кавказ, на арену боевых действий. 8 мая 1942 г. в одном из боёв он получил контузию и попал в немецкий плен, был отправлен в город Триест, расположенный на границе Италии и Словении, на один из оборонных заводов. Весной 1944 г. С. Велиев убежал из плена и присоединился к партизанам. В его партизанском отряде рядом с ним сражались такие известные герои войны, как Мехди Гусейнзаде, Мирдамет Сеидов и многие другие. В том же 1944 г. Италия была освобождена от фашизма американскими войсками. На тот момент С. Велиев успел уже побывать в Австрии, Франции, Югославии. С приходом союзников им предлагалось вернуться на родину. Таким образом, в конце войны Сулейман Велиев оказался среди репатриантов, которых возвращали из Италии в Советский Союз через Египет. Он оставил много интересных воспоминаний о быте репатриантов. В настоящее время они являются чуть ли не единственным источником по быту и жизни репатриантов в Египте до их возвращения в Советский Союз. Не раз С. Велиев с симпатией упоминает и о моём отце. См.: *Велиев, Сулейман.* Путь на Родину. Воспоминания // *Велиев С.* Жемчужный дождь. М., 1963.

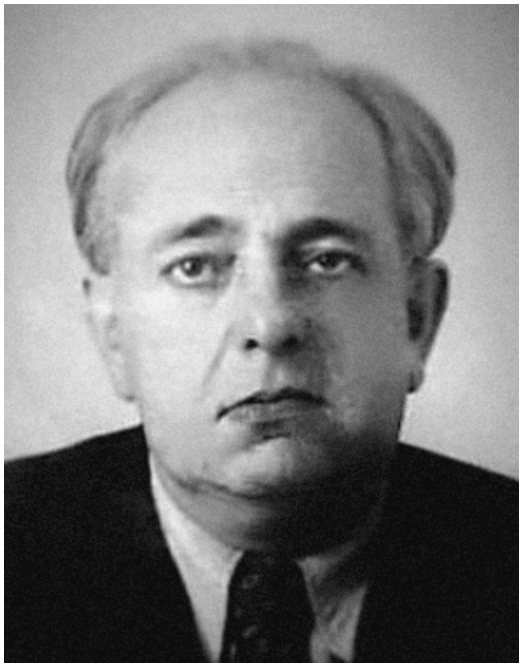
[6] О принцессе Ирине, дочери русских эмигрантов, и её муже см.: *Новиков Н.В.* Принцесса Ирина и принц Пётр // *Новиков Н.В.* Пути и перепутья дипломата. С. 89–105.

В.Г. Бухерт

«ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВСЕХ ЕГО ЗАМЫСЛОВ НЕ МОГЛО ХВАТИТЬ ОДНОЙ ЖИЗНИ»

В.Б. Луцкий об академике И.Ю. Крачковском

Желание и, самое главное, способность объективно и глубоко оценивать достижения своих предшественников, учителей, коллег – важнейшая черта, характеризующая масштаб личности учёного, степень его одарённости. Одним из ярких примеров подобного рода являются высказывания В.Б. Луцкого[1] о И.Ю. Крачковском[2].



В.Б. Луцкий

Для самого В.Б. Луцкого важной вехой на пути в науку стала защита им 25 октября 1939 г. в Институте истории Академии наук СССР кандидатской диссертации «Новая история арабских стран» (официальные оппоненты И.М. Рейснер[3], Х.И. Кильберг[4]).

Не входя в круг непосредственных учеников И.Ю. Крачковского, В.Б. Луцкий находился под сильным обаянием его личности и впечатлением от его научной деятельности. Ещё при жизни И.Ю. Крачковского он был популяризатором его творчества среди народов зарубежного Востока. Подтверждением этому является статья «Академик Крачковский», написанная Б.В. Луцким в июне 1944 г. по случаю награждения Игнатия Юлиановича орденом Ленина. Статья предназначалась для арабской печати, предполагалась также публикация её в одном из иранских журналов[5].

После смерти И.Ю. Крачковского В.Б. Луцкий сумел дать точную оценку пути, пройденному в науке выдающимся учёным, в своей «Речи над гробом И.Ю. Крачковского». В.Б. Луцким двигало желание не только воздать должное многогранности таланта И.Ю. Крачковского, но и сказать о его заслугах именно в той области науки, которая была родной для самого В.Б. Луцкого – новой и новейшей истории стран Арабского Востока.

К оценке личности И.Ю. Крачковского и его научных достижений В.Б. Луцкий возвращался не раз. Он откликнулся рецензией на издание первого тома «Избранных сочинений» И.Ю. Крачковского[6]. Теме горячей симпатии И.Ю. Крачковского к национально-освободительному движению и культурному возрождению арабских народов В.Б. Луцкий посвятил статью, опубликованную к 75-летнему юбилею выдающегося учёного[7].

Прошедшие многие десятилетия со дня смерти И.Ю. Крачковского только подтвердили справедливость талантливых и вдохновенных слов В.Б. Луцкого, сказанных о своём учителе и коллеге.

Тексты статьи и речи В.Б. Луцкого об И.Ю. Крачковском обнаружены в Архиве Российской академии наук (АРАН), в личном фонде В.Б. Луцкого (Ф. 1574).

№ 1

В. Луцкий

Академик Крачковский

Советское правительство удостоило высшей наградой – орденом Ленина выдающегося русского арабиста – академика И.Ю. Крачковского. Это заслуженная награда – большой праздник для советской востоковедной науки.

Вся жизнь Крачковского – подвиг во имя науки. Уже в ранней юности в нём пробуждается страсть к познанию. Дни и ночи он проводит за книгами, жадно поглощая их одну за другой. Перед его взором раскрывается история родной страны и всего человечества. Проницательный исследователь, одарённый литератор, талантливый филолог – молодой Крачковский стоит в преддверье большой гуманитарной науки, у её широких дорог. На любой из этих дорог его ждут успехи, в любую отрасль науки он может внести свой вклад. Но он избирает один из наиболее трудных путей – путь арабистики.

Пути к вершинам наук, вообще говоря, не бывают лёгкими. Люди, вступившие на эти пути, обрекают себя на самоотверженный, напряжённый и настойчивый труд. Но среди этих путей есть менее трудные и более трудные; есть широкие дороги, проложенные вверх работой многих поколений; есть горные кручи, по которым ещё не ступала нога исследователя. Путь Крачковского в науку лежит через горные кручи. Как пионер в самом высоком смысле этого слова, он прокладывает по кручам новые тропы, которые в будущем станут широкими магистралями. Это – линия наибольшего сопротивления. Она требует от учёного максимальных усилий, подлинного героизма и подвижничества, и в то же время является наименее благодарной, наименее заметной, наименее отмеченной внешними эффектами. Но страна, умеющая ценить науку, понимает высокую плодотворность такого труда. И труд Крачковского заслужил признание: в сравнительно молодом возрасте (38 лет) он был избран действительным членом Российской академии наук. Сейчас, в дни Великой Отечественной войны, его деятельность учёного и патриота отмечена почётной правительственной наградой.

Что же сделал Крачковский на этом пути? Продолжая традиции ранней русской арабистики, традиции Френа[8] и Розена[9], он неустанно изучал арабские рукописи, открывал их, собирал, описывал, кропотливо исследовал сложные восточные тексты. Эта сторона его деятельности ярко освещена в его увлекательных мемуарах «Над арабскими рукописями», которые вскоре должны выйти в свет[10]. Он написал ряд замечательных монографий и очерков о средневековых арабских поэтах и историках, сопроводив их академически совершенными переводами. Абу-ль-Фарадж аль-Вава Дамасский[11], Абуль-Ала аль-Маарри[12], Абу Ханифа ад-Динавери[13], Ибн Тагриберди[14], Мутанабби[15], Ибн аль-Мутазз[16] – таковы портреты классиков арабского средневековья, нарисованные кистью Крачковского и прочно вошедшие в золотой фонд мировой арабистики. Крачковский написал два прекрасных очерка об арабской культуре: «Арабская культура в Испании» и «Арабские географы и путешественники». Научно-популярные по своему назначению, они по существу являются капитальными исследованиями, также вносящими большой вклад в мировую арабистику. Совместно с профессором В.А. Крачковской[17] И[гнатий] Ю[лианович] расшифровал арабский документ, найденный в согдийском архиве VIII в. и проливающий новый свет на историю Средней Азии.

Особенно велики заслуги Крачковского в изучении новой арабской литературы. Можно смело сказать, что он первый открыл эту литературу для мировой науки, первый сделал её объектом научного исследования. Он показал, что арабы – не только древний народ с историческим прошлым, но также живая нация современной эпохи, вступившая на путь своего культурного и общественного возрождения. Крачковский много потрудился для популяризации современной арабской литературы. Он написал о ней ряд сводных обобщающих очерков («Возникновение и развитие новоарабской

литературы», «Арабская литература», «Арабская поэзия», «Новоарабская литература», предисловие к хрестоматии Оде-Васильевой[18]). Он дал ряд монографий и очерков о новейших арабских писателях и просветителях: шейхе Тантави[19], Сулеймане Бустани[20], Касиме Амине[21], Мустафе Камиле[22], Джурджи Зайдане[23], Амине Рейхани[24] и других. Собранные им огромные материалы были широко использованы Брокельманом[25] в его известных «Приложениях», охватывающих историю арабской литературы XIX и XX веков. Крачковский перевёл на русский книгу «Новая женщина» К. Амина[26], ряд статей Амина Рейхани и повесть Таха Хусейна[27] «Дни»[28]. Он дал замечательное исследование «Горький и арабская литература»[29], в котором проследил влияние русской литературы на арабских писателей и просветителей. В последние годы он дал ценные обзоры арабской антифашистской литературы.

Крачковский не только крупнейший исследователь. Он – замечательный педагог, воспитавший десятки учёных, проявивший себя в самых различных отраслях арабистики. Он – редактор многочисленных учёных трудов. Под его редакцией вышли в свет и различные учебники арабского языка, и капитальный арабско-русский словарь, и переводы лучших творений арабской литературы (в том числе свода «Тысячи и одной ночи»), и переводы различных исторических источников (в частности, путешествия Ибн-Фадлана на Волгу[30] и арабской хроники Шамиля[31]), и абиссинские хроники и многое, многое другое. Он – выдающийся организатор науки. В течение четверти века он плодотворно возглавляет Арабский кабинет Института востоковедения Академии наук. Он создал ленинградскую Ассоциацию арабистов, он провёл два съезда («сессии») советских арабистов в 1935 и 1937 гг. В трудные дни блокады Ленинграда тяжело больной Крачковский продолжал оставаться на своём посту во главе ленинградских учреждений Академии наук СССР, сохранив для человечества огромные культурные ценности. В настоящее время Крачковский возглавляет созданную им московскую группу Института востоковедения.

Обаятельна личность Крачковского. Это пламенный патриот, любящий свою родину, отдавший на службу ей свой большой научный дар. Это честный и принципиальный учёный. В поисках истины ему доводилось блуждать и ошибаться, но он был искренен в своих мыслях и поступках, и любовь к истине выводила его из блужданий на правильный путь. Он никогда не был холодным, бесстрастным наблюдателем, взирающим с олимпийской высоты на предмет своего исследования. Нет, он страстно любил и любит арабскую литературу, арабскую поэзию, арабскую науку, арабскую культуру, арабский язык, арабскую природу. Он поражает своей эрудицией во всех вопросах арабистики, даже не являющихся предметом его специального изучения, будь то арабская музыка, или шахматы, или медицина и т.п.

Велико значение Крачковского в деле советско-арабского культурного сближения. Он популяризирует культурные достижения арабов в Советском Союзе. Он оплодотворяет арабскую литературу и науку ценным творческим влиянием русской, советской культуры.

Имя Крачковского широко известно не только в Советской стране. Его знают в Европе, в Америке, на Ближнем Востоке.

Поздравляя академика Крачковского с высокой правительственной наградой, пожелаем ему, чтобы он ещё долго и плодотворно работал на славу советской и мировой науки; на благо народов Советского Союза и Ближнего Востока.

[Июнь 1944 г.].

АРАН. Ф.1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 1. Д. 99. Л. 2–4. Машинопись.

№ 2
Речь над гробом И.Ю. Крачковского[32]

Т[оварищи]. От имени МГУ, от имени его ректората, профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов ист[орического] фак[ультета] и Вост[очного] отд[еления],

а также от себя лично, позвольте выразить глубокую скорбь по поводу кончины выдающегося сов[етского] учёного, востоковеда и арабиста, друга и учителя всех поколений сов[етских] востоковедов – ак[адемика] И.Ю. Крачковского.

Творческая личность И[гнатия] Ю[лиановича] была настолько многогранна, его научные интересы были так многообразны, и в каждую отрасль науки, которую он разрабатывал, он внёс такой огромный вклад, что вряд ли можно здесь, в наших кратких траурных речах, охарактеризовать во всей полноте итоги большой плодотворной жизни И[гнатия] Ю[лиановича], того, что сделал И[гнатий] Ю[лианович] для советской науки. Об этом должны быть написаны книги.

Все мы, советские востоковеды, горячо любили и глубоко уважали И[гнатия] Ю[лиановича] за то, что он был для нас примером служения советской родине, народу и науке; за то, что он отдавал себя всего этому высокому служению; за то, что у него не было иных целей и помыслов, кроме стремления двигать вперёд нашу родную советскую науку, и этой великой цели он отдавал целиком и свой[33] яркий талант исследователя и педагога, и свою неугасимую творческую страсть, и свой неустанный труд.

И в своих замечательных исследованиях и открытиях, и в своей неутомимой работе по воспитанию и организации научных кадров И[гнатий] Ю[лианович] был подлинным учёным; учёным, отдающим науке безраздельно всю свою жизнь, всё горение своей большой души; учёным, ставящим интересы родины и науки выше всего. Замечательный моральный облик сов[етского] учёного И.Ю. Кр[ачковского] навсегда останется в памяти не только тех, кто имел счастье лично знать И[гнатия] Ю[лиановича], но и в памяти самых широких кругов сов[етской] интеллигенции, к[ото]рая знает И[гнатия] Ю[лиановича] как энтузиаста науки по его воспоминаниям о работе над арабскими рукописями.

В этой художественной книге, имеющей большое воспитательное значение не только для востоковедов, в этой книге, к[ото]рая подобна пламенному призыву ак[адемика] Павлова[34], зовёт нашу молодёжь горячо любить сов[етскую] науку и отдавать ей безраздельно все свои силы, всю свою жизнь, моральный облик И.Ю. Кр[ачковского] – советского патриота и учёного – запечатлён навеки.

Позвольте сказать несколько слов о том, какое значение имеет творчество И[гнатия] Ю[лиановича] д[ля] тех сов[етских] арабистов, которые разрабатывают проблемы соврем[енной] ар[абской] истории и культуры. Это лишь одна из многих отраслей науки, к[ото]рые разрабатывал И[гнатий] Ю[лианович], но я думаю, что не ошибусь, если скажу, что этой отрасли И[гнатий] Ю[лианович] отдавал большую часть своих сил и что в этой отрасли он совершил своё самое замечательное открытие – более замечательное, чем расшифровка согдийского памятника и йеменских бронзовых табличек.

Он открыл существование современной арабской литературы и, главное, современных ар[абских] народов – в то время, когда сами ар[абские] народы ещё не знали о своём нац[иональном] бытии. Воспитанник петерб[ургской] академич[еской] школы, И[гнатий] Ю[лианович], попав с университетской скамьи на Арабский Восток, имел все основания ограничиться здесь изучением арабских средневековых рукописей, представляющих такой благодатный объект для исследования. Но И[гнатий] Ю[лианович] не ограничился этим; большой темперамент подлинного учёного побудил его глубоко изучить современную жизнь арабских народов, их новую современную худ[ожественную] и политическую литературу, глубже узнать представителей молодой прогрессивной арабской интеллигенции. В то время, в 1908–1909 г[г.], сами арабы, за редкими исключениями, ещё не сознавали своего нац[ионального] бытия. В арабских странах тогда была в ходу теория паносманизма. В программах арабских обществ, в произведениях арабских публицистов арабы рассматривались как часть мифической османской нации. На основе глу-

бокого изучения жизни ар[абских] народов И[гнатий] Ю[лианович] показал, что современные ар[абские] народы имеют свою литературу и другие признаки своего нац[ионального] бытия. Великая Окт[ябрьская] соц[иалистическая] революция пробудила нац[иональное] самосознание ар[абских] народных масс, и сейчас эти пока ещё угнетённые народные массы явл[яются] н[ашими] союзниками в борьбе против империализма, участниками великого лагеря мира, демократии и социализма – высоко ценят научное наследие И[гнатия] Ю[лиановича], помогающее им в их освободительной борьбе.

В МГУ свято хранится память об И[гнатии] Ю[лиановиче]. Мы помним, как в трудные годы Великой Отечественной войны И[гнатий] Ю[лианович] читал в н[ашем] университете ряд своих ценных курсов, открывая слушателям сокровища литературы народов Востока. Мы гордимся тем, что впервые в «Учёных записках» МГУ были опубликованы «Очерки по истории р[усской] арабистики»[35] в их первой редакции, очерки, в к[ото]рых И[гнатий] Ю[лианович] обосновывал приоритет нашей русской востоковедной науки. Преподаватели и воспитанники Московского ун[иверсите]та до сих пор хранят память о докладе, прочитанном И[гнатием] Ю[лиановичем] в стенах ун[иверсите]та в июне 1944 г. о русских исследователях Бл[ижнего] Востока.

Я не могу не сказать несколько слов о том, какое большое значение имел И[гнатий] Ю[лианович] для меня, как и для каждого работника сов[етской] науки, который обращался к нему за советом и помощью.

Я не имел счастья быть непоср[едственным] учеником И[гнатия] Ю[лиановича], но начиная от первой встречи в янв[аре] 1930 г., когда я ещё студентом впервые приехал в Л[енин]гр[ад], и на протяжении 2 десятилетий – вплоть до последней встречи неск[олько] м[еся]цев тому назад, когда И[гнатий] Ю[лианович] был в последний раз в Москве, И[гнатий] Ю[лианович] всегда проявлял неизменный интерес и участие к моей скромной работе. И это была не формальная вежливость, а живой интерес и искреннее участие большого учёного, к[ото]рого глубоко волновали все проблемы нашей жизни. Какой бы вопрос, какая бы тема не затрагивались в беседе, И[гнатий] Ю[лианович] всегда откликался на неё множеством ценных советов. Это был неиссякаемый родник самых глубоких и обширных познаний. Каждая беседа с И[гнатием] Ю[лиановичем] окрыляла его собеседника и вдохновляла его на то, чтобы трудиться и трудиться для сов[етской] науки ещё с большей энергией.

А какое огромное значение для нас, советских арабистов, имела строгая, требовательная, но всегда благожелательная оценка Игн[ати]ем Юл[ианови]чем наших работ.

У И[гнатия] Ю[лиановича] было огромное множество творческих замыслов, очень многие из них он осуществил, и за это ему глубоко благодарны и работники сов[етской] науки, и весь сов[етский] народ, но для осуществления всех его замыслов не могло хватить одной жизни, даже такой большой и плодотв[орной] жизни, какой была жизнь И[гнатия] Ю[лиановича]. Для этого потребовались бы десятки и сотни жизней. Многие свои творч[еские] замыслы И[гнатий] Ю[лианович] завещал нам, сов[етским] востоковедам и арабистам. И наш долг – разрабатывать дальше эти замыслы, разрабатывать их на научной основе марксизма-ленинизма, двигать дальше и вперёд ту науку, которой отдал свою жизнь И[гнатий] Ю[лианович]. Это будет лучшим памятником нашему любимому, незабвенному учителю.

АРАН. Ф.1574. Оп. 1. Д. 294. Л. 1–4. Автограф карандашом.

Примечания

[1] Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист, преподаватель МГУ (1936–1958), старший научный сотрудник Института этнографии (1957–1959), Института Африки (с 1959 г.) АН СССР.

[2] Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – востоковед-арабист, академик Российской АН (с 1921 г.).

[3] Рейснер Игорь Михайлович (1899–1958) – востоковед, профессор МГУ (с 1935 г.).

[4] Кильберг Хися Израилевна (1902–1978) – историк, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (с 1950 г.).

[5] Архив Российской академии наук (АРАН). Ф.1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 1. Д. 99. Л. 4. К сожалению, установить, была ли опубликована эта статья и, если была, то где именно, по документам личного фонда Б.В. Луцкого, хранящегося в Архиве РАН, не удалось.

[6] *Луцкий В.Б.* Издание трудов И.Ю. Крачковского // Вестник АН СССР, 1956. № 6. С. 141–143.

[7] *Луцкий В.Б.* И.Ю. Крачковский и пробуждение арабских народов // Поборник арабского возрождения. (К 75-летию со дня рождения выдающегося арабиста академика И.Ю. Крачковского) // Современный Восток, 1958. № 3. С. 46–49.

[8] Френ Христиан Данилович (1782–1851) – востоковед, академик Петербургской АН (с 1817 г.)

[9] Розен Виктор Романович (1849–1908) – барон, востоковед-арабист, академик Петербургской АН (с 1901 г.).

[10] См.: *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. Изд. 2-е, дополн. М.-Л., 1946.

[11] Вава ад-Димашки Абу-ль-Фарадж Мухаммед ибн Ахмед (?–980) – арабский поэт.

[12] Абу-ль-Ала аль-Маарри (973–1057) – арабский поэт, философ и филолог.

[13] Абу Ханифа ад-Динавери (?–ок. 895) – арабоязычный филолог, натуралист, историк.

[14] Ибн Тагриберди Абу-ль-Махасин Джамаль-ад-дин Юсуф (1409 или 1410 – 1470) – арабский историк и писатель.

[15] Абу-т-Тайиб Ахмад ибн аль-Хуссейн аль-Мутанабби (915–965) – арабский поэт.

[16] Ибн аль-Мутазз Абдаллах Абу-ль-Аббас (861–908) – арабский поэт и филолог.

[17] Крачковская Вера Александровна (1884–1974) – востоковед, научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР (1941–1953), жена И.Ю. Крачковского.

[18] Оде-Васильева Клавдия Викторовна (1892–1965) – востоковед-арабист.

[19] Тантави Мухаммед Айяд, шейх (1810–1861) – филолог, профессор Петербургского университета (с 1846 г.).

[20] Бустани Сулейман (1856–1925) – арабский поэт.

[21] Амин Касим (1865–1908) – арабский писатель.

[22] Камиль Мустафа (1874–1908) – деятель национально-освободительного движения Египта, публицист и оратор.

[23] Джурджи Зайдан (1861–1914) – арабский писатель, публицист, учёный.

[24] Рейхани Амин ибн Фарис (1876–1940) – арабский писатель.

[25] Брокельман Карл (1868–1956) – немецкий востоковед.

[26] См.: *Амин Касим*. Новая женщина. СПб., 1912.

[27] Хусейн Таха (1889–1973) – арабский писатель, литературовед и историк, ректор Александрийского университета (1943–1946), министр просвещения Египта (1950–1952), президент Академии арабского языка в Каире (с 1965 г.).

[28] См.: *Хусейн Т.* Дни. Л., 1934.

[29] *Крачковский И.Ю.* Горький и арабская литература // *Он же.* Избранные сочинения. М.-Л., 1956. Т. 3. С. 270–311.

[30] См.: Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.

[31] Шамиль (1799–1871) – 3-й имам Дагестана и Чечни (1834–1859), руководитель освободительной борьбы кавказских горцев.

[32] На тексте «Речи» сохранилась помета В.Б. Луцкого: «ок[оло] 30.1.1951 [г.]», вероятно обозначающая день, когда она была произнесена (АРАН. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 294. Л. 1).

[33] Далее зачёркнуто: «огромный».

[34] Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, академик Петербургской АН (с 1907 г.).

[35] См.: *Крачковский И.Ю.* Очерки истории арабистики в России и СССР // Учёные записки МГУ, 1946, Вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3. Кн. 2. С. 99–121.

Н.З. Мосаки

О ПОЕЗДКЕ М.С. ЛАЗАРЕВА В ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

Михаил Семёнович Лазарев (1930–2010) по праву считается одним из наиболее крупных советских курдологов. Его кончина по сути завершила целую эпоху советского курдоведения историко-международно-политологического направления, которая олицетворялась тремя выдающимися курдоведами второй половины XX века – собственно М.С. Лазаревым, а также М.А. Гасратяном и Ш.Х. Мгои.

Вклад в курдологию, да и в целом в ориенталистику доктора исторических наук, профессора М.С. Лазарева, являвшегося по существу, как метко отметил А.М. Хазанов, «Геродотом курдского народа, который дал ему историю»[1], трудно переоценить. Понятно, что в этом сравнении имеется преувеличение, и подобная характеристика в значительной степени обусловлена особым уважением и благодарностью А.М. Хазанова к своему старшему коллеге. Однако стоит помнить, что в советской и постсоветской курдологии М.С. Лазарев являлся чуть ли не единственным специалистом, кто ставил вопрос по проблеме анализа цельной курдской истории «как в нарративном, так и в теоретическом аспектах»[2].

Не будучи в достаточной мере компетентным специалистом для обсуждения некоторых вопросов его интерпретации истории курдов, всё же могу отметить убедительность М.С. Лазарева, считавшего, что изучение курдов, не являющихся государствообразующей нацией и по этой причине историческая жизнь которых во многом ущербна и лишена важных атрибутов, составляющих признаки развитых народов, не должно ограничиваться лишь антропологическими или этнологическими аспектами[3]. Ведь государство, так и не сумев подменить собой языковые, конфессиональные, культурные и другие формы консолидации людей, не является единственной, а в «исторической перспективе» – главной формой «социальных связей»[4]. С участием и под руководством М.С. Лазарева (наряду с Ш.Х. Мгои) была предпринята одна из редких в мировом курдоведении попыток написания цельной «Истории Курдистана»[5]. Это упоминание было призвано лишь ещё раз напомнить о масштабе его научной деятельности, некоторые эпизоды которой кратко будут рассмотрены далее в контексте публикуемой ниже справки. Она была составлена М.С. Лазаревым по итогам его поездки в Южный Курдистан по приглашению Масуда Барзани (тогда – лидер национально-освободительного движения курдов в Ираке и глава Демократической партии Курдистана – ДПК, с 2005 г. – президент Региона Курдистан/Ирак) в 1993 г. на бумаге формата А4 машинописным текстом (6 листов)[6]. М.С. Лазарев любезно передал мне этот документ незадолго до своей кончины.

Данная поездка нашла своё отражение в его статье «В “Свободном Курдистане”», опубликованной на страницах журнала «Азия и Африка сегодня» в 1994 г. В ней М.С. Лазарев в присущей ему увлекательной манере подробно сообщает о своих впечатлениях об увиденном в Курдистане и знакомит читателя с особенностями южнокурдистанской действительности[7]. Вместе с тем некоторые весьма интересные наблюдения, содержащиеся в справке, не вошли в журнальный вариант статьи, что указывает на желательность её публикации.

Не будет преувеличением отметить, что понимание всей сложности состояния и остроты курдской проблемы невозможно без знания его научных трудов по курдской теме в сочетании с работами более широкого характера, касающимися национальных вопросов современного Востока[8].

М.С. Лазарев родился 8 мая 1930 г. в Москве. В 1952 г. окончил восточное отде-

ление исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где специализировался на истории Османской империи на стыке XIX–XX вв. и изучал османский язык. В 1955 г. в МГУ защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук. В 1956 г. М.С. Лазарев пришёл на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР, где трудился почти 54 года. Первой монографией М.С. Лазарева стала книга «Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914–1918)» (М., 1960), подготовленная на основе его диссертации. Она получила высокую оценку советских востоковедов как «серьёзное научное исследование», ставшее важным вкладом в востоковедческую науку[9]. В данной работе затронуты некоторые аспекты курдской темы, однако комплексно курдской проблематикой М.С. Лазарев стал заниматься после событий в Ираке в конце 50-х годов, когда резкой актуализировался курдский вопрос.

В 1964 г. вышел его фундаментальный труд «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.)»[10], подготовленный на основе обширных архивных материалов и получивший высокую оценку выдающегося русского востоковеда В.Ф. Минорского[11], который являлся свидетелем событий, описываемых М.С. Лазаревым, и автором документов, анализируемых в книге. Как писал М.С. Лазарев во введении к этой монографии, «изучение Курдистана является интереснейшей в научном отношении и крайне важной актуальной политической задачей, причём задачей благодарной для исследователя, поскольку разные аспекты этой проблемы изобилуют белыми пятнами»[12]. Эти слова М.С. Лазарева крайне актуальны и сегодня. Это была первая в мировом курдоведении фундаментальная монография, в которой комплексно исследовался курдский вопрос в международных отношениях на рубеже XIX–XX вв. – от начала борьбы великих держав на Ближнем и Среднем Востоке до Октябрьской революции.

В 1968 г. М.С. Лазарев защитил на основе этой монографии докторскую диссертацию. В 1972 г. книга в переработанном и дополненном виде вышла под названием «Курдский вопрос 1891–1917»[13]. Она положила начало знаменитой и уникальной трилогии М.С. Лазарева, которая была продолжена монографиями «Империализм и курдский вопрос (1917–1923)»[14] и «Курдистан и курдский вопрос (1923–1945)»[15]. В этой трилогии курдский вопрос был комплексно исследован с использованием огромного массива архивных данных в контексте историко-международной и геополитической ситуации с конца XIX в. до конца Второй мировой войны.

Как правило, представители разных направлений имели противоположные или даже взаимоисключающие взгляды в отношении истории национальных движений курдов. Характер оценок зависел не в последнюю очередь от складывавшихся отношений СССР со странами, имевшими в своём составе части этногеографического Курдистана. Так, например, дружественные отношения в начале 1920-х годов СССР и Турции, заключивших 17 декабря 1925 г. советско-турецкий договор о дружбе, что имело особую значимость для Турции с учётом «обострения её внутриполитической обстановки и одновременно конфликта с Англией за Мосул»[16], обуславливали благожелательность в оценках её внутренней политики со стороны советских историков. Соответственно, они с осуждением относились к национально-освободительным движениям курдов, «стремившихся добиться признания своих национальных прав»[17]. Не касаясь в дальнейшем объективности освещения конкретных фактов, отметим лишь общий фон политизации курдской темы[18], в которой в качестве важных доводов критики выступали соображения идеологического характера[19].

Очевидно, что «курдско-ориентированные» исследователи были лишены преимущества полноценных политических отношений Советского государства с курдами. В этой связи в условиях во многом прикладного характера курдской темы в своих многочисленных научных, а также публицистических работах М.С Лазарев, обладавший вну-

шительным авторитетом и научным опытом, старался актуализировать политический интерес Советского Союза, а в дальнейшем и России к этнографическому Курдистану как к полноценному актору международной политики.

М.С. Лазарев высоко оценивал создание в 1992 г. «Свободной зоны» в Южном Курдистане. В 1993 г., т.е. в сложнейшее для Южного Курдистана время, он вместе с профессорами Ш.Х. Мгои и М.А. Гасратяном по приглашению Масуда Барзани посетил Курдистан и присутствовал на съезде Демократической партии Курдистана (ДПК), выражая поддержку «курдистанскому демократическому эксперименту». Это была первая поездка профессора Лазарева в регион, которому он посвятил всю свою жизнь. В дальнейшем он ещё несколько раз посетит Курдистан, что будет отражено в его научно-публицистических работах.

Немалая часть его трудов так или иначе затрагивает крупнейшую курдскую проблему – курдскую проблему Турции, при рассмотрении которой он подчёркивал, что без её решения невозможно урегулирование курдского вопроса в целом. Однако именно Иракский (Южный) Курдистан М.С. Лазарев считал ядром околокурдистанского региона, политический вес которого существенно превышает его размеры и численность населения. Ситуация в нём, по его мнению, и будет определять состояние всего курдского вопроса[20] в регионе, которому суждено в будущем быть «во главе общекурдского освободительного движения»[21].

Для Лазарева курдский вопрос как объект являлся в первую очередь международной проблемой. В его исследованиях не так много место уделено внутрикурдским перипетиям. В этом смысле данная поездка, по его меткому выражению, в «Свободный Курдистан (на территории Ирака) через “несвободный Курдистан” (на территории Турции)» давала возможность познакомиться с Южным Курдистаном изнутри и была, по его признанию, весьма полезной, так как «книжное знакомство со страной и населяющим её народом ни в коей мере не может заменить непосредственное посещение страны и личные контакты с её обитателями»[22]. Несмотря на небольшой объём представленного текста и на то, что его содержание сводится, по словам самого автора, по сути, к «поверхностному описанию» социально-экономической и политической действительности Южного Курдистана, тем не менее весьма интересными представляются некоторые наблюдения автора, касающиеся отношений курдов к России, а также короткие сообщения по итогам встреч с курдскими лидерами – Масудом Барзани и Джалалом Талабани.

Тема российско-курдистанских отношений для профессора М.С. Лазарева была особой. Как уже отмечалось, он регулярно выступал за внимание России к этногеографическому Курдистану, занимающему ключевое с геополитической точки зрения положение на Ближнем и Среднем Востоке. Лазарев отмечал, что Россия не участвует в мировой политике в отношении курдов, и призывал не забывать «государственные интересы России на Востоке, особенно фундаментального, долговременного характера, в том числе, а может быть в первую очередь в бурлящем Курдистане». Он предлагал российским властям осуществить ряд недорогостоящих, но весьма перспективных действий, которые способствовали бы сохранению влияния России в Курдистане, где её место активно занимал Запад[23]. По его мнению, «отсутствие согласованности в действиях различных государственных структур», а также внятной внешней политики СССР и в дальнейшем и России, переживающей «переходный этап в своей истории», приводило к «недооценке самостоятельного значения курдского вопроса для российских государственных интересов»[24].

Затрагивая вопрос о национальных интересах постсоветской России, М.С. Лазарев писал о необходимости решения курдского вопроса «на основе предоставления всему курдскому народу его неотъемлемого, естественного, законного и общепризнанного современным и международным сообщест-

вом права на свободу и самоопределение вплоть до образования собственного государства». Это, по мнению М.С. Лазарева, позволило бы курдской проблеме «перестать быть одной из главных причин постоянной напряжённости на Ближнем Востоке» и более не служило бы «источником столь же постоянной угрозы для интересов России»[25]. Он считал, что «свобода для курдов если не стала ещё, то должна стать одной из приоритетных целей ближневосточной политики России» и представляет «её объективный геополитический интерес, который, к сожалению, ещё не всегда и не всеми осознаётся»[26]. Такого рода суждения были редкими среди советских востоковедов вне рамок курдологии, однако, как и полагал М.С. Лазарев, реализовав фактическую независимость на территории Иракского Курдистана (а с недавнего времени отчасти и на территории Сирии), курды, чья роль в этом макрорегионе заметно возросла, зачастую играют роль стабилизирующего фактора, не позволяя распространиться хаосу, возникшему без их участия.

Вместе с тем М.С. Лазарев несколько идеализировал внешнюю политику постсоветской России. В действительности курдское направление находилось на периферии интересов Москвы, однако отнюдь не по наивности и недопониманию собственных интересов. Очевидно, что Россия не могла не иметь никакой позиции в отношении курдов, так как в её внешней политике немалая роль придаётся отношениям с Ираком, Турцией, Сирией и Ираном, в которых остро стояла (стоит) курдская проблема, и в силу интересов России на Ближнем и Среднем Востоке в целом. «Безразличие» России к курдам не было отсутствием политики. Напротив, это – определённая политика, которая обуславливалась в первую очередь глобальными переменами в мироустройстве после окончания холодной войны, значительными геополитическими изменениями и объективно изменившимся балансом сил на Ближнем и Среднем Востоке не в пользу России. Не имея достаточных ресурсов участвовать в необходимом объёме в геополитике данного региона, она вынужденно сосредоточилась на сохранении интересов там, где это было возможно. С учётом международной обстановки выбор был сделан в пользу сотрудничества с иракским правительством, что позволило России в сложный период геополитических потерь получить реальную экономическую выгоду.

Однако курды, воспринимавшие Россию в качестве мировой державы, были весьма заинтересованы в активном участии её в курдской политике, стремясь несколько диверсифицировать свою опеку со стороны США, альтернативу которой они, тем не менее, не видели. Прямые отношения с Россией (да и не только с ней) рассматривались курдами и как форма признания своего полунезависимого статуса. Вместе с тем среди курдских политиков бытовало мнение, что прямые контакты с представителями российской власти помогут ввести Москву в курс геополитических дел и раскроют российским лидерам глаза на объективные интересы их страны в этом регионе. Такое мнение было весьма распространено в целом среди всей курдской политической элиты, однако в большей степени было присуще ПСК. Не случайно председатель ПСК Д. Талабани на встрече с М. Лазаревым интересовался политиками, занимающимися курдской темой в России, и особенно Е.М. Примаковым. Тем не менее со стороны курдов выглядели наивными представления о недопонимании Россией её собственных интересов и упования в этой связи на различных лиц в российской власти. Однако и после назначения в 1996 г. министром иностранных дел Е.М. Примакова, являвшегося одним из наиболее осведомлённых экспертов современности по Ближнему и Среднему Востоку, лично знакомого со многими лидерами курдского освободительного движения и достаточно популярного в Южном Курдистане, Россия демонстрировала нежелание устанавливать прямые связи с Курдистаном. Ведь это могло подвергнуть риску сложившиеся партнёрские отношения, особенно в экономической сфере, с режимом Саддама Хусейна. Изменение позиции Рос-

сии в отношении курдов, наблюдаемое в настоящее время, произошло лишь при кардинальных изменениях в самом Ираке, а точнее, в контексте институционализации фактически независимого от центральных властей Ирака положения Курдистана.

Очевидно, что вряд ли кто-либо из специалистов-курдоведов понимал политику СССР – России по отношению к курдам лучше М.С. Лазарева. Он исходил в первую очередь из военно-политической обстановки, складывающейся в Ираке, справедливо указывая на поступательный характер политико-экономического развития Южного Курдистана, обладающего важной ролью в международных отношениях региона. Однако российско-курдистанские отношения, хотя и рассматривались им с учётом геополитических интересов России, вместе с тем в большей степени освещались через призму курдских интересов, без учёта различных геополитических факторов и внешнеполитических возможностей России, что придавало его позиции отчасти односторонний характер. Тем не менее позиция М.С. Лазарева, глубоко уважаемого в Курдистане[27], в отношении политики России на Ближнем и Среднем Востоке, в которой, по его мнению, курдам не отводилось того места, которое они заслуживали, его многочисленные исследования, касающиеся политики России в этом регионе, в немалой степени были направлены на предотвращение отчуждения курдов от России, на сохранение в Курдистане пророссийских симпатий.

Не менее интересными являются сведения, касающиеся беседы Талабани с Г. Киссинджером, в некоторой степени раскрывающей природу политической идеологии другой крупнейшей курдской партии, ныне фактически находящейся у власти в сирийском Курдистане – Партии демократического союза. Практически эта партия – филиал Партии рабочих Курдистана в Сирии, который начал активно использовать категории либерально-демократического толка, несколько выходящие за рамки ригидной прокурдскости, что в определённой степени меняет его репутацию и, по-видимому, обусловлено в немалой степени соображениями дипломатического характера, рассчитанными, в том числе, на западное общественное мнение. Несмотря на то, что ПРК внесена в список террористических организаций, США никогда не ставили знак равенства между ней и другими одиозными организациями и нередко упоминали эту партию как силу, выступающую за создание курдского независимого государства, действия которой часто обозначались как «повстанческие» (а не террористические)[28].

За прошедшие 25 лет Южный Курдистан совершил значительный прогресс в политическом плане. Курды как никогда близки к решению исторической задачи – обретению независимости на части территории этнографического Курдистана. Вследствие высокой степени его самостоятельности сегодня Южный Курдистан уже можно отдельно выделять в качестве полноценного субъекта международных отношений. Курдистан имеет прямые связи с большинством стран мира, его президента принимают на высшем уровне как главу государства, в Курдистане действуют дипломатические миссии (генеральные консульства, а фактически посольства) около 30 стран. Экономическое положение региона довольно прочное, в особенности по сравнению с остальной частью Ирака, немалая часть территории которого захвачена т.н. ИГ. В Курдистане работают практически все крупнейшие транснациональные нефтегазовые компании (в том числе «Газпромнефть»), создана, по сути, с нуля независимая от остальной части Ирака экономическая инфраструктура. Однако в неизменном виде, так же, как и в начале 1990-х годов, сохранилась описываемая М.С. Лазаревым ситуация «двоевластия» – региона, разделённого на две части с центрами в Эрбиле и Сулеймании, соответственно, находящиеся под контролем ДПК (Барзани) и ПСК (Талабани), и частично откололовшееся от ПСК движение «Горран». Отношения ДПК и ПСК имеют сложную историю, вплоть до военного противостояния всего лишь через год после описываемой поездки М.С. Лазарева, в 1994 году. Поли-

тическое соглашение 1998 г. между ДПК и ПСК при посредничестве США привело к мирному сосуществованию и созданию совместных политических институтов, тем не менее в регионе так и не сложились институциональные правила внутриполитической жизни, что и предопределило наблюдаемый в настоящее время кризис власти.

Справка
(текст приводится в авторской редакции)

М.С. Лазарев – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором курдских исследований Института востоковедения РАН (сведения приведены по состоянию на период написания им ниже приводимого текста. – *Авт.*)

На XI съезде Демократической партии Курдистана (Ирак)

Группа российских курдоведов по личному приглашению председателя Демократической партии Курдистана (Ирак) Масуда Барзани, самой старой и авторитетной из ныне существующих курдских политических партий, во второй половине августа и начале сентября этого [1993-го] года присутствовала на XI съезде этой партии, который происходил в столице Иракского Курдистана Эрбиле. В группу входили: М.С. Лазарев (зав. сектором Института востоковедения Российской академии наук), М.А. Гасратян (зав. группой того же института), Башир Сабри Расул (старший научный сотрудник того же института), Ш.Х. Мгои (директор Центра курдских исследований в Москве, член-корреспондент Академии наук Армении), Мухаммед Абдул-Рахим Латиф (курдский писатель и публицист), Саид-Мулла Эльдин (курдский политический деятель и коммерсант, гражданин Швеции). Кроме Лазарева и Гасратяна, все остальные члены группы – курды, и все они, до недавнего времени проживавшие и работавшие в Ереване, эмигранты, получившие образование и учёные степени в СССР.

В Иракский Курдистан группа добиралась через Турцию. Маршрут: Москва – Сочи – далее самолётом до Трабзона (Турция), далее автобусом до Диярбакыра, далее на такси до иракской границы. Транзитная виза (сроком в 7 дней) была выдана в турецком консульстве в Москве моментально и бесплатно. Турецкие власти не чинили никаких препятствий и при пересечении иракской границы (в Хабуре). Однако при следовании по территории Турции туда и обратно, особенно от Диярбакыра вдоль сирийской границы и до иракской границы, были многочисленные проверки документов и досмотры багажа. Вообще, судя по дорожным впечатлениям, ситуация в Юго-Восточной Турции, где проживают одни только курды и где действуют боевики левоэкстремистской Партии рабочих Курдистана (ПКК), очень напряжённая: повсюду видны посты, БТР, танки и т. п.

В Иракском Курдистане группа была на попечении местных курдских властей, которые обеспечивали ночлег, транспорт, охрану и т. д. Все наши передвижения строго контролировались и почти всегда происходили в сопровождении автоматчиков. Однако никаких инцидентов или враждебных проявлений не было. Напротив, повсеместно мы встречали дружелюбное отношение и готовность оказать услуги или помощь.

Хотя официально мы были гостями XI съезда ДПК, на самом съезде присутствовали мало: фактически только на его официальной показательной части (открытие, закрытие, приветственные речи, концерт, приёмы для участников и т. п.). Собственно работа съезда проходила при закрытых дверях, и о его работе и её результатах пока ещё нет достоверных и полных сведений. Наша же основная работа, проходившая ежедневно и в очень напряжённом темпе, состояла главным образом из бесчисленных интервью по телевидению и корреспондентам газет не только Иракского, но и всех других частей Курдистана. Много времени и сил отняло общение с руководителями многочисленных курдских партий и общественных организаций также из всех частей Курдистана, происходивших

специально или на приёмах и банкетах. Много беседовали и с представителями курдской интеллигенции в университетах Эрбиля и Сулеймании.

Вопросы, больше интересовавшие интервьюеров и собеседников: впечатления о съезде и вообще о всём увиденном, как следует решить курдскую проблему, отношение к различным событиям из курдской истории, особенно связанным с освободительной борьбой, о советском опыте решения национального вопроса, как оценивать ситуацию в различных частях Курдистана, какие задачи стоят перед руководством Иракского Курдистана, каковы наши научные планы и т. д. Мы воочию убедились, что авторитет советских курдоведов в Иракском Курдистане и вообще среди зарубежных курдов очень высок. Почти все мои труды, а также некоторые труды наших курдоведов переведены на курдский и арабский языки (некоторые статьи изданы даже в виде отдельных брошюр). Создавалось впечатление, что нам придавали некое политическое значение, которое мы не имели и от которого мы, понятно, всячески открещивались. Наши интервью неоднократно передавались по телевидению и воспроизводились (вместе с фотоснимками) в газетах.

Были встречи и беседы с лидерами многих политических партий Иракского, Турецкого и Сирийского Курдистана. Нас принимали и первые лица курдской автономии в Ираке (своего рода «полугосударства») Масуд Барзани и разделивший с ним власть почти пополам председатель Патриотического союза Курдистана Джеляль Талабани. Масуд Барзани держался с нами (особенно со мной лично) подчёркнуто дружелюбно, дал два приёма в нашу честь, но беседы носили скорее официальный, «протокольный» характер.

С Талабани у меня состоялся отдельный длительный и весьма дружественный разговор. Он проявил большую озабоченность ситуацией в Иранском и, особенно, Турецком Курдистане, взаимоотношениями с ДПК (Иран) и ПКК. Проблема состоит в том, что через Турцию блокированные со всех сторон освобождённые районы Иракского Курдистана осуществляют связь с внешним миром, поэтому любые связи с ПКК грозят перекрытием этого коридора. Между тем ПКК обладает огромным политическим авторитетом среди турецких курдов, и не считаться с этим тоже нельзя. Аналогичная проблема во взаимоотношениях с ДПК Ирана, которая фактически является двойником ДПК Ирака. Эта партия возглавляет вооружённую борьбу иранских курдов против правительственных войск и имеет базы на территории Иракского Курдистана. Это провоцирует карателей из Ирана и многочисленные пограничные инциденты, что ещё больше осложняет внешнеполитическое положение Иракского Курдистана.

Талабани интересовался позицией России в курдском вопросе, спрашивал, кто из «власть имущих» занимается им, особенно интересовался Примаковым. Я не мог дать удовлетворяющие его ответы. Он выразил готовность посетить, вместе с Масудом Барзани, Россию, если поступит соответствующее приглашение.

Талабани рассказал о своих беседах с Киссинджером, который советовал курдам публично отстаивать принципы, приемлемые для правительства и общественного мнения Запада: демократическое устройство администрации, парламентаризм, политический плюрализм, федерализм и т. п. Беседы с другими лидерами курдских партий (как правило, карликовых и маловлиятельных) ценной информации не дали.

За 17 дней пребывания в Иракском Курдистане мы посетили, кроме Эрбиля, второй по значимости и населению город страны Сулеймманию, Дохук, Захо, а также некоторые туристические объекты.

Некоторые общие наблюдения поверхностного характера.

Экономическое положение страны очень тяжёлое. Она зажата в тисках блокады. Через «турецкий коридор» идёт в основном только гуманитарная помощь. Поголовье овец (традиционная основа животноводства страны), говорят, уменьшилось в 10 раз (с 5

млн до 500 тыс.). Повсюду видны знакомые картины «Долгостроя» – гостиницы, общественные здания и т. п. Завершить их строительство нет средств. Нет даже средств оборудовать функционирующие здания общественного назначения после того, как их разграбила отступавшая армия Саддама Хусейна. Электричество регулярно подаётся только в Эрбиль, Сулеймманию и некоторые другие крупные пункты центра и юга страны. Все остальные города и селения пользуются автономными движками. Естественно, то же самое с водопроводом. Растёт инфляция, доллар уже стоит до 35 динаров (валюта здесь общеиракская). Дороговизна, ширпотреб в Иракском Курдистане в несколько раз дороже, чем в соседних странах. Население недоедает, бедняки (а их большинство) едят один раз в день. Положение усугубляется тем, что резко выросло городское население за счёт бежавших от саддамовских карателей крестьян.

Вместе с тем создаётся впечатление, что эта блокада в значительной мере прозрачная. Процветает контрабанда, нет проблем с бензином и пр., который регулярно поступает из Ирана и того же Ирака, но стоит в Курдистане в 5–10 раз дороже. Уличная торговля процветает, лавки забиты всевозможным товаром в значительной степени контрабандного происхождения. Улицы и дороги полны автомашин (главным образом японских марок), в том числе и дорогих. Видимо, многие наживаются на этой блокаде, что создаёт почву для социального недовольства. Говорят: раньше был один Саддам, теперь – два (Масуд Барзани и Джеляль Талабани).

Однако внутриполитическое положение пока выглядит стабильным. Авторитет властей непререкаем, царит патриотический подъём, особенно среди молодёжи. В городах соблюдается строгий порядок, уличное движение, весьма интенсивное, регулируется. В то же время всюду видно, что страна находится наготове, на военном положении. Везде видны вооружённые люди (создаваемые регулярные части и курдские партизаны – «пешмерга»), на дорогах – бесчисленные посты (особенно на пути к резиденциям руководящих лиц). Издаются газеты и книги, работают школы и университеты, организовано и интенсивно функционирует национальное телевидение (ДПК и ПСК имеют отдельные каналы). Но почты нет, два аэропорта бездействуют.

Итак, фактически существует суверенное государство, но не все его структуры нормально и в полной мере функционируют, а некоторые, важнейшие, практически не существуют.

О внешнеполитической ориентации нынешнего руководства можно судить только по косвенным признакам. Предпочтение, естественно, отдаётся Америке, которая обеспечивает курдам военный «зонтик». Примечательно, что на первой, «показательной» части XI съезда ДПК американцам трижды предоставляли слово, тогда как из бывшего СССР выпустили на трибуну только курда по национальности Ш.Х. Мгои, и то только как директора Центра курдских исследований. Хорошее отношение к другим западным державам, особенно к непосредственным участникам операции «Буря в пустыне» и акциям ООН в Северном Ираке – Англии, Франции, Германии. Израиль курды вообще считают своим стратегическим союзником. В отношении к России чувствуются глубокое разочарование и обида за нежелание помочь. Впрочем, это никак не сказывалось на отношении к членам нашей группы; оно было предельно доброжелательным и дружественным со стороны официальных лиц, и со стороны местной интеллигенции (многие из её представителей, а также некоторые крупные функционеры ДПК получили образование и учёные степени у нас, хорошо мне знакомы, а некоторые из них являются моими учениками).

Поэтому, мне кажется, что и само приглашение на съезд, и отношение к нам во время пребывания в Иракском Курдистане (вся поездка была за счёт приглашающей стороны) преследовали и политическую цель: восстановить прерванные контакты с Россией.

Примечания

[1] *Хазанов А.М.* У них я учился ремеслу историка / Институт востоковедения РАН. М., 2014. С. 98.

[2] *Лазарев М.С.* Категории курдской истории // Лазаревские чтения. Вып. 1. Отв. ред. О.И. Жигалина. М., 2012. С. 72.

[3] Там же.

[4] Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть 2. От «современного государства» к «современной империи» // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 387.

[5] История Курдистана. Под ред. М.С. Лазарева, Ш.Х. Мгои. М., 1999.

[6] Указанная Справка, судя по всему, являлась вторым экземпляром переданного в Дирекцию ИВ РАН отчёта по итогам командировки в Курдистан.

[7] *Лазарев М.С.* В «Свободном Курдистане» // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 2–8.

[8] *Орлик И.И.* Наш курс. Истфак МГУ 1947–1952 (окончание) // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 176.

[9] *Данциг Б.М.* Рецензия на: М.С. Лазарев. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М.: ИВЛ, 1960, 246 стр. // Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 191–193.

[10] *Лазарев М.С.* Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1964.

[11] *Лазарев М.С.* В.Ф. Минорский о курдском вопросе // Восточный архив. 2005. № 13. С. 118–119.

[12] *Лазарев М.С.* Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.). С. 7.

[13] *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972.

[14] *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989.

[15] *Лазарев М.С.* Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005.

[16] *Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М., 2007. С. 187.

[17] См.: *Халфин Н.А.* Курдская историография в СССР и некоторые её проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 156.

[18] Там же.

[19] В частности, в одной из работ, опубликованной в ведущем советском историческом научном журнале и критикующей взгляды А.Ф. Миллера и других востоковедов по отношению к национальным движениям в Турции, указывающей на их научную несостоятельность с точки зрения объективных фактов, в числе прочего приводился довод, что сегодня «сочувствие советских людей на стороне курдских патриотов, а не на стороне турецких мракобесов». См. *Акопян Г.* Объективистские ошибки в трудах А.Ф. Миллера по истории Турции // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 116.

[20] *Лазарев М.С.* Иракский Курдистан – прообраз курдского государства? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 4. С. 46.

[21] *Лазарев М.С.* Категории курдской истории // Лазаревские чтения. Вып. 1. С. 51.

[22] *Лазарев М.С.* В «Свободном Курдистане» // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 8

[23] *Лазарев М.С.* Россия и курдский вопрос. Запад резко активизирует свои усилия в его решении, а мы молчим. // Независимая газета. 06.10.1993. Эта статья была тогда, по сути, единственной о политике России в отношении курдов.

[24] *Лазарев М.С.* Россия и Курдистан (Уроки истории и новые задачи) // Курдский альманах. М., 2001. № 1. С. 55.

[25] Там же. С. 52–53.

[26] Там же. С. 53.

[27] Президент Ирака и лидер ПСК Дж. Талабани отмечал, что работы М.С. Лазарева, которого он называл «близким другом, с которым его связывали братские отношения», «войдут в золотой фонд мирового курдоведения», а его кончину считал «огромной потерей для курдов всего мира» (Президент Ирака высоко оценил вклад учёного Лазарева в курдоведение // https://ria.ru/society/20100313/213980632.html АБУ-ДАБИ, 13 мар. 2010 – РИА Новости, Виктор Лебедев**).**

[28] *Мосаки Н.З.* Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века) / Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М., 2011. С. 62–64.

С.В. Прожогина

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ. ПОМНИТЬ

Исламизм в художественной литературе Алжира 1990-х – 2000-х гг.

Политический исламизм разнолик, хотя и одинаково жесток повсюду. Сейчас все говорят о преступлениях ИГИЛа, о войне в Сирии. В Алжире кошмар гражданской войны случился в самом конце 1980-х гг. О причинах развязанной Фронтом исламского спасения (FIS) – так называлась победившая тогда на выборах партия – этой не менее губительной для страны (по числу жертв) войны, чем борьба за Национальное освобождение (1954–1962 гг.) с французским колониализмом, было написано немало, но и немного. Внутренние причины противостояния алжирцев освещались негромко, хотя и длилась та кровавая схватка почти десятилетие, больше, чем война за независимость. И унесла много сил и у народа, и у его армии, выбила из культуры страны значительное число интеллигенции, дестабилизировала образование, науку, экономику, социальные процессы. Не буду вспоминать здесь исследования политологов, это не моя задача, но только отмечу, что эта гражданская война с радикальным исламом, дорого обошедшаяся стране, велась ей и её народом практически в одиночку, без привлечения «глобальных» сил. А потому, быть может, Алжир испытал ужасы терроризма, громившего в стране все достижения демократического развития, особенно остро, хотя и не столь «публично», переживая свои внутренние беды. Армия, полиция, антитеррористические бригады, мужество гражданского населения, хранившего верность идеалам Освобождения, – сломили, в конечном счёте, в начале 2000-х гг. звериный разгул мракобесия и так или иначе утихомирили страну. Хотя попытки вернуть её к «истокам», к «изначальному исламу», искоренить «влияние Запада», модернизацию образования и экономики, установить власть имамов и «эмиров», ввести женщин только в круг законов шариата, запретить их участие в социальной жизни и т.д. и т.п., – не прекращаются и по сей день, и лозунги «очищения» страны от «скверны» современного общества неизбывны.

Пока не избудут и причины – внутриполитические, экономические, социальные, демографические, порождающие кризисные формы национального бытия и вызывающие к жизни радикальные приступы религиозного сознания, именем Аллаха сеющего смуту, террор и угрожающего трансформировать само понятие Свободы в разгул насилия и кровавого беспредела… Если бы я не верила в то, что, как сказал ещё Стендаль, литература – это зеркало, стоящее на дороге жизни, – я не стала бы писать о том, что реально пережил Алжир; но его писатели всегда отличались особым качеством почти документального реализма и одновременно высокой мерой художественной типизации явлений окружающего мира: слишком авторитетной была и своя, и европейская традиция литературного письма, слишком строга́ была школа, в которой учились алжирские художники писать картину мира («встреча цивилизаций» длилась больше столетия на алжирской земле, *несмотря* на колониализм, а возможно, и благодаря ему именно в плане культурном). И потому именно писатели в этой стране первыми откликались на реакцию общественного сознания, анализирующего происходящее либо готовящееся в стране, первыми фиксировали приметы перемен, меняющие облик социума, настроение народа, первыми показывали начало «*беспорядка вещей*» (термин Р. Буджедры, «la désordre des choses»), сотрясающего основы того мира, который либо надо было разрушить (так было в конце 1940-х и нача-

ле 1950-х гг., когда формировалось активно национальное самосознание в стране и готовилась антиколониальная война), или который надо было сохранить, отстоять, ибо за него сражались миллионы алжирцев в годы Сопротивления чужеземцам. Приметы гражданской войны, начинавшейся с укрепления исламского радикализма (не без помощи соседних арабских стран, особенно Египта), приметы «*братоубийственной войны*» были тоже незамедлительно воссозданы писателями, уже имевшими мировое признание, переведёнными на многие языки мира и даже имевшими особые награды мирового литературного сообщества. И Рашид Буджедра, и Рашид Мимуни, и Ассия Джебар, и корифей алжирской словесности – Мохаммед Диб, и новый писательский отряд 1980–1990-х – А. Джемаи, М. Бей, М. Моккеддем, и восходящая «звезда» алжирской литературы – Буалем Сансаль, и многие другие не могли не откликнуться, не сказать своего слова, не восстать, не осудить, не пробить сигнал тревоги, который должен был предупредить мир об опасности наступления эры террора[1].

Рашид Буджедра уже в 1989 г. назвал свой новый роман «Беспорядок вещей»[2], где воспроизвёл атмосферу страха и отчаяния, воцарившуюся в стране, воссоздал картину народной растерянности, угроз обнаглевшего и распоясавшегося наступления тех, кто, воспользовавшись экономической неурядицей, растущей безработицей, направо и налево расстреливая «виноватых», резал горло тем, кто пытался как-то утихомирить волну поднявшегося гнева, беспощадно давил, уничтожал всё, что так или иначе было связано со стремлением к демократическим преобразованиям, к поискам возможностей выхода из серьёзного кризиса, потрясшего страну почти через три десятилетия её независимости… Убивали всех, кто сопротивлялся исламским лозунгам FIS, обещавшего избавить страну от последствий «светского образования», либерализации, от университетских программ, «формирующих мозги на западный манер», прививающих вкус к науке, к прогрессу, к модернизации. Всё, что не в Коране, не в заповедях Пророка, не от имени Аллаха – всё от «воли Дьявола», а потому – истреблять всех, кто его «пособник»… В книге Р. Буджедры впервые в алжирской литературе был показан «*человек раздавленный*». Не «восставший» против рабства и гнёта колонизации, не «идущий по дороге отвоёванной Свободы» и «ищущий Путь к свету новой жизни», как это было в литературе эпохи 1950–1970-х гг., но именно «раздавленный», выползавший из-под горы трупов во время бойни, устроенной террористами, превращённый ими в кровавое месиво… Этот образ снова появится в творчестве Р. Буджедры уже в начале 2000-х, когда писатель напишет роман «Похороны», где отметит приметы конца разгула террора, но и ещё раз напомнит о его злодеяниях[3]…

В 1992 г. Р. Буджедра опубликует свой политический памфлет «F.I.S. de la Haine» («Фронт ненависти»[4], где в звучании французской аббревиатуры «Фронта исламского спасения» слышалось слово «Fils» – сын…). И в этом «Сыне ненависти» писатель как бы сгустит все причины недовольства, расколовшего народ, все постепенно зревшие в стране внутренние противоречия. Долго, со времени окончания борьбы за независимость тлевшую и разгоравшуюся борьбу за политическую власть внутри когорты лидеров правившей в стране партии ФНО, экономическую разруху, проблемы с безработицей, особенно среди молодежи, демографический взрыв, резкое обнищание сельского населения, его исход в большие города, их перенаселённость, вызывавшую усиление эмиграции, и массу других причин, в том числе и культурную политику «тотальной арабизации», провоцировавшую недовольство берберов, которых немало среди этнического состава алжирцев. В итоге на очередных выборах в стране приходит к власти партия «F.I.S.», претендующая на спасение от кризисной ситуации «Именем Аллаха» и в радикальных идеологических и политических переменах обещающая избавление страны от растущего социального неравенства и разброда верующих в исламские

ценности путем «возврата к истокам», к «исламскому фундаментализму», «незамутнённому» привнесением в страну других цивилизационных начал – ориентаций её на западное образование, науку, прогресс. Главным становится возврат к «истинным заповедям Пророка Мухаммеда» и свету откровения Аллаха в Священном Коране. Ваххабизм, расцветавший в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке, не мог не сыграть свою роль, и алжирские исламисты не без помощи и поддержки «извне» стали рьяно бороться за «чистоту» религии и повсюду насаждали только мусульманские школы, где работали нанятые «по контракту» египетские преподаватели, запрещавшие общеобразовательные предметы по истории и естествознанию. В университетах вводили запрет на обучение математике, физике, химии, юриспруденции и прочих дисциплин на французском языке, хотя учебников на арабском почти не существовало… (Вообще запрет на французский язык достиг апогея, и в школах, где случалось исламистам ворваться на урок и услышать французскую речь, к примеру, на уроке литературы, педагогу могли и перерезать горло… Случаи такой расправы были нередки и зафиксированы почти документально в книге новелл Ассии Джебар «Оран, мертвый язык»[5].)

Но если Р. Буджедра, как и многие другие, сосредоточил своё внимание и как художник, и как аналитик на реальных итогах и причинах вершившихся в стране событий (за что был обвинён исламскими интегристами в «предательстве», зачислен в список должных быть убитым и был вынужден долго скрываться и жить в эмиграции), то его соотечественник Рашид Мимуни создаёт некое метафорическое полотно почти «исторической обречённости» Алжира на постоянные войны, нашествия, набеги, на постоянное вынужденное Сопротивление Злу, которое тяготеет над страной как «проклятие» (он так и назовёт свой роман – «La Malédiction». P., 1992), и концентрацию этого Зла увидит в *братоубийственной войне*, которая буквально захлестнула Алжир в начале 1990-х. В сюжете романа Р. Мимуни один из братьев, ставший исламистским «эмиром», убивает другого – врача, не захотевшего «делить» раненых на «своих» и «чужих» и просто спасающего людей от смерти, – безжалостным и беспощадным выстрелом в затылок… Избавляя страну, как он считает, «от предателя»…

Вообще расправы в стране с интеллигенцией – журналистами, врачами, педагогами, писателями, поэтами, кинематографистами, театральными деятелями, не поддержавшими воцарявшиеся в Алжире «правила праведной исламской жизни», были под постоянным прицелом «интегристов». Использую этот термин именно в том смысле, в каком политический исламизм требовал «абсолютной чистоты» религии мусульман, освобождая её от поздних наслоений, и полному претворению в жизнь норм раннего ислама[6]. Их забрасывали письмами с угрозами, с нарисованными на них гробами и с вложенными в конверты кусочками мыла и белой ткани – для «омовения будущих покойников» и «саванов» для них… Таков был ритуал террористов, которые предварительно запугивали, а потом и приводили в действие свои угрозы. Сколько погибло известных в стране людей, сколько зарезанных, замученных, отравленных и убитых на глазах своих детей и близких!.. Не стану перечислять все имена, среди которых близкие и мне великие – Тахара Джаута, Юсефа Себти и многих других. Достаточно взять в руки страшную документальную книгу Ассии Джебар «Le blanc de l'Algérie» (P., 1995) [«Белый траур Алжира» лучше перевести как «Саван Алжира»], чтобы исполниться жуткой правдой вершившегося в свободном и независимом Алжире «своего», религиозного разбоя, который разве что можно сравнить по количеству жертв с беспощадностью партизанской войны с колонизаторами… Но у той были особые исторические оправдания. Если для беспощадности они вообще есть… Писатели ничего не преувеличивали.

Корифей алжирской литературы Мохаммед Диб напишет свою эпопею о зверских набегах исламистов на горные селения, не хотевшие сдаваться им на милость и пом-

нившие ещё о том, *за что* сражались с чужеземцами отцы и деды, и ещё хранившие «*старые ружья*»… Но набеги были ночными, коварными, застигавшими людей врасплох, а потому с лица алжирской земли в те недалёкие времена исчезли многие городки и деревни, исчезли десятки тысяч людей, которым перерезáли горло во сне… М. Диб сравнит эти массовые убийства в горах с древним поверьем людей в то, что «если захочет дьявол» (а его роман так и назывался «Si Diable veut». P., 1998), то собаки, спущенные с верховьев гор с красной повязкой на шее «*встречать весну*» (таков был ежегодный ритуал горцев), могут вернуться обратно и, взбесившись, отгрызть головы невинным людям, которые мечтали о наступлении тепла, об урожае, о свадьбах, о Новой Жизни…

Этот роман Диба не мог не потрясти читателей не только жестоким реализмом происходящего в Алжире, но ещё и художественно запечатлённым извращением *сакрального*, ибо мусульманский мир жил и живёт ежедневно великой своей надеждой, выраженной в священной формуле «*Если захочет Аллах!*». «Дьявольская» инверсия этой истинно мусульманской веры в то, что Аллах не может захотеть чего-то ужасного, непоправимого, превратила произведение искусства основоположника новой алжирской словесности в прямое обвинение тех, кто, используя религиозное учение, забыл о том, что на земле всегда *останутся люди*, помнящие не о мраке наступления Ночи, но о Свете нового Дня. «И если захотят они…» – писатель не закончил этой фразы в своём романе, но напомнил всем, что Ночь должна обязательно смениться Рассветом…

Что удивляться гневу и пророчеству М. Диба, – писателя, которого знал весь мир (он переведён почти на 30 языков), лауреата всех высоких литературных премий: он себе мог позволить создать произведение, где просто сравнил нашествие «интегристов» с «*волей дьявола*». Но поражает то, что именно в 1990-е гг. в алжирскую литературу вливается отряд женщин, да, именно тех, с кем исламисты неустанно боролись, заставляя носить чадру, отказаться от образования, социальной жизни, участия в общественных движениях, запугивая, угрожая, расправляясь за «непослушания»… Среди них, женщин, – врачи, педагоги, журналистки, взявшиеся за перо потому, что молчать о том, что творилось в стране, было невозможно. И если Ассию Джебар, её «похоронный колокол» из Орана, где воцарился «язык смерти», должны были услышать повсюду – ведь она была знаменитой в Европе (в России её книги тоже успели перевести ещё до 1990-го года) не только писательницей, но и просто женщиной – первой среди «иностранок» ставшей членом Французской Академии, то Маиссу Бей, Малику Мокеддем, Латифу Мансури не знал никто. И они отважно стали продолжать дело своих соотечественников, заставляя мир услышать боль и гнев своего народа. В своих «Новостях из Алжира» (Nouvelles d'Algérie, 1998) Маисса Бей, педагог и журналистка, поведает не только о страхе, в котором постоянно приходится жить женщинам, особенно тем, кто работает, кто учит детей, у кого мужья – не исламисты, но и о наступившем в стране какомто *оцепенении*, безволии ужаса, порождённого почти ежедневными сводками об убитых, зарезанных, о стёртых с лица земли деревнях, где за ночь уничтожали людей и поджигали их дома… «Новости» скорбные, но для начинавшей тогда писательницы главным было рассказать об Алжире правду, о которой как-то не особенно было удобно властям (они пытались долго и упорно справиться с бедой) громко кричать на весь мир… Но голос Маиссы Бей, писавшей по-французски *вопреки* всем мыслимым и немыслимым запретам исламистов (она рисковала в буквальном смысле слова своей головой… – вспомним о героине одной из новелл Ассии Джебар, учительнице, у которой отрезали голову террористы на уроке французского…) был услышан. Я не говорю о прессе, о многочисленных читателях, но и том, что стало понятно всем, – отныне литература Алжира стала *другой*, она показывала лик другой страны, где насилие, творимое людьми, шло от «*Имени Аллаха*», где чело-

века уничтожали, а не воспевали, как прежде, как Творца Нового мира…

О «стрелах исламизма» не менее ярко и с глубокой болью за судьбы своих соотечественниц рассказала в своей автобиографической повести «Мечты и убийцы» (Des Rêves et des assassins» (P., 1995) и врач Малика Мокеддем. Но то, что показала Латифа Мансури в своём дневнике, ставшем повестью о смерти, о торжестве её, о «пляске» на костях людей, поверженных страхом в бездну отчаяния, из которой только один путь – бежать с родной земли, которой были отданы ранее все силы жизни, все её надежды… Сравнить книгу Мансури можно разве что только с какой-нибудь жуткой фреской Беноцци Гоццоли на Пизанском Campo Santo или со Страшным судом Микеланджело в Сикстинской капелле, или с мучениями людей в аду, написанными Лукой Синьорелли в Орвьето… Но ведь **эти** фрески из далёкого прошлого. А то, что описала, зафиксировала на бумаге, но увидела на белой стене своего дома рано утром врач Латифа Мансури, работавшая в глубинке, в сельской больнице, где лечила стариков и детей, было хуже апокалипсиса. Ибо не воображённое, а своими, остановившимися от ужаса глазами запечатлённое: к ней в дом ворвались террористы и разбили о стену голову её грудного ребёнка, раздавили, кроваво размазали его тело на белой штукатурке, дабы она, врач, убоялась, прекратила лечить тех, кто «*не с ними*», кто не служит «делу Аллаха»… Латифа Мансури выжила, но едва не лишилась рассудка. Потом заставила себя написать книгу, назвав её «Год заката Солнца» (L'année de l'eclipse, 2001), которую можно назвать и «Годом солнечного затмения», хотя этот солнечный «Эклипс» под пером Мансури, пережившей личную трагедию (ей ещё и принесли в корзине отрезанную голову мужа, тоже врача…), нарисован как полное исчезновение Света Жизни, как триумф абсолютного Мрака…

Ужасы царившего в Алжире исламизма можно множить: литература – неисчерпаемый источник примеров и назиданий… Но в 2003 году, когда события уже постепенно улеглись, Рашид Буджедра, захотев поставить «точку», окончательную и бесповоротную, пишет свой роман «Похороны», где всё-таки, перед тем как задёрнет занавес спектакля Торжества Смерти, напомнит, не в назидание, но и не без серьёзной причины о том, что забыть произошедшее в родной стране, длившееся почти десятилетие, нельзя, ибо повторение прожитого страной и народом – *стыд Истории*. И создаст, как бы «напоследок» (*чтобы не забыли*!), чтобы помнили, секвенцию картин ужасных расправ террористов со школьниками, расстрелянными или зарезанными «*просто так*», в назидание живущим, но не поддающимся угрозам и страху смерти… И если дети продолжают учиться, ходить в школы, снимать мусульманский платок на уроках, учить «другой язык», «другие предметы», кроме дозволенных исламистами, то расправа с одними из них – пример для других того, что будет и с ними… И одиннадцатилетнюю девочку насилуют, выкалывают глаз, а потом перерезают горло на виду у всего класса… Как убивают в школьном дворе мальчика выстрелом в спину «просто так», потому что тот слушался учителя, выполняя его просьбу, а не головореза – бандита, террориста, «хозяина» того квартала, где стояла эта школа…

…Ужасные фото растерзанных, расчленённых, искалеченных людей и детей висят, «пригвождённые», в кабинете комиссара антитеррористической бригады. И комиссар – женщина. В творчестве Буджедры это своего рода «апофеоз» женской судьбы: если раньше героини его книг были «раздавлены, унижены традицией», её запретами, или наоборот, преодолевая её, становились врачами и «чистили» раны общества, избавляя его от вековых предрассудков, тьмы невежества, то в «Похоронах» главная героиня уже героически сражается с почти неуловимыми, но уже обречёнными на расправу. Волна народного гнева, действия полицейских, военных, – всё как бы на грани окончательного, «финального» боя с теми, кто отравлял людям Жизнь, закрывал Свет, сеял Мрак и Ужас… Роман Буджедры – глубоко психо-

логический, но и вполне «полицейский», написанный о жутких буднях полицейской бригады по борьбе с терроризмом. И в этом романе, как и в предыдущих произведениях Р. Буджедры, есть много авторских напоминаний о том, что главное – не дать обществу увязнуть в оковах окостенелых традиций, разрушить нормальные семейные связи и узы, соединяющие людей в *одно целое*. Напоминание и о том, что нельзя унизить женщину, «закрыв» её только в лоне семьи, отгородив от мира, от жизни, которая, пусть тревожно и даже страшно, но течёт за стенами дома… Напоминание и о том, что самое нелепое, самое отвратительное и, быть может, самое губительное для общества – это «*братоубийственная война*», это противостояние людей внутри *одного народа*… Символически (или, скорее, метафизически, потому что не только однозначно в плане смысла, но и глубоко психологично) во всех романах Буджедры, и «Похороны» не исключение, – это «возвратное движение» к образу брата – близнеца одного из героев романа. И оно означает, что этот буквально «кровный брат» – может стать худшим врагом, потому что «*свой*», а не «*чужой*»… С «чужими» – иноземными – врагами всё было понятно, за что идёт борьба, за *чью* Свободу, за *чью* Независимость, за какое Будущее Своей земли воюет свой народ… Но когда «близнец» хочет быть похожим на «чужого», то это становится истоком внутренней трагедии… И надеясь на к о н е ц этой *внутренней борьбы* народа, когда «брат восстаёт против брата», когда «брат» решает жить иначе и хочет стать «чужим» в своей родной семье, командир полиции, переживший свою семейную драму, возлюбленный героини романа просит её родить ему именно *близнецов*… Нормальных, *Родных* друг другу. Надеясь на Мир. «Похороны», видимо, закончатся свадьбой героев. И новой судьбой освободившейся от Мрака ночи Страны… В книге Р. Буджедры битва выиграна. Хотя война с глобальным терроризмом как раз только и развернулась по всему миру. Роман Р. Буджедры, «похоронив» Фронт ненависти в одной, отдельно взятой стране, мужественно сражавшейся с мракобесием, стал словно увертюрой к событиям, которые потрясли в начале XXI века и Америку, а теперь заставляют погружаться в страх и Европу…

Вот почему восходящая звезда алжирской литературы, замечательный писатель Буалем Сансаль, получающий одну за другой премии мирового литературного сообщества («За лучший арабский роман», «За лучший роман на французском языке» и т.д. и т.п.), написал в качестве предупреждения Европе свою потрясающую книгу «Деревня Немца» («Le village de l'Allemand», 2008), где сравнил исламизм с нацизмом. На судьбе двух братьев – алжирских иммигрантов (считавших себя алжирцами, но узнавших, что их отец – немец), один из которых поклялся сделать всё, чтобы разорвать сеть подпольных террористов-исламистов, опутавшую Париж и его иммигрантские кварталы, в которую он едва не попался, а другой, не перенеся стыда за прошлое их отца – бывшего офицера немецкой армии, служившего в Освенциме и изобрётшего циклон – газ, убивший миллионы невинных, а потом скрывавшийся в Алжире и принявший ислам, покончит с собой, заставив себя задохнуться в собственном автомобиле, открыв выхлопной газ во внутрь машины, – покажет новую трагедию, на сей раз Европы, страдающей от глубокой *разности* своих народов…

Прошлое, открывшись братьям-иммигрантам внезапно, после смерти их отца в далёкой алжирской деревне, заставило пересмотреть всю свою жизнь, и сравнение прошлого отца с происходящим на их глазах опасным беспределом имамов, вербующих молодежь в ИГИЛ и прочие террористические организации, запугивающие не только исламскую молодёжь Европы, но и французов жуткими казнями в подвалах девушек, отказавшихся носить мусульманскую одежду и закрывать лицо (их обливали кислотой или сжигали), заставило вернуться братьев к «собственной идентификации», к определению своего места в этом давно «смешавшемся» и тоже уже «сходящем с ума» мире.

И один встал на путь борьбы за очищение этого мира от скверны исламского террора и угрозы торжества религии в светской стране, не совместимой с догмами угнетения человека, а другой – казнил себя за вину нацистов и фашистов, которые допустили геноцид и кровавую мировую войну, эхо которой не хочет слышать сегодня…

Но «Деревня Немца» не успокоила сознание алжирского писателя, не остановила на том, что путь борьбы с исламизмом *возможен*, даже если кто-то решится сражаться в одиночку. И он всё-таки позволил представить себе, вообразить, мрачно пофантазировать о торжестве исламистского мракобесия и в 2015 году написал некую «утопию», назвав её «2084» (B. Sansal, 2084. P., 2015). Однако «утопия» Сансаля (а в этом понятии – «место, которого нет»!) настолько выразительно запечатлела возможную постисламистскую (т. е. *после воображаемой победы исламистов*) реальность, что читателю ничего другого не остаётся, как ужаснуться и поверить в абсурд вероятности бытия человечества, когда жить человеку можно, как написано Сансалем, только «по законам Йолаха»*, записанным его наместником на земле в Священную книгу, хотя и на языке, народу «почти непонятном»… Но главное, «2084» год – это уже то Время, та История человечества, когда всё Прошлое на земле свелось только к воспоминанию о Священной войне «за веру в Йолаха», только к битвам с «неверными», а всё Настоящее только к паломничеству людей в те места, где эти битвы происходили, и где стоят памятники «мученикам за веру» в «Йолаха»… И живут люди, «абистанцы», передвигаясь группами, караванами, с одного места на другое, и управляет всей этой огромной без конца и края странной землёй – Абистаном, геометрически расчерченной маршрутами, необходимыми для жизни, невидимый правитель Аби, обитающий где-то в Административном центре и нормирующий людскую активность, ведущий учёт их особой жизнедеятельности, подчинённой только законам Священной книги… Жизнь бедна, однообразна, безвкусна и безнадёжна… Люди носят одну и ту же одежду, едят одну и ту же выдаваемую им пищу, сидят и спят на полу, не знают, что такое мебель, книги, развлечения… Записываются на паломничество и потом долгие годы ходят и отмечаются, узнавая, когда же придёт великий день посещения того или иного «Святого места»…

А вокруг – мёртвый пейзаж, умерщвлённая рутиной жизни земля, где как бы и нет никаких границ…

Правда, есть высокие горы, а за ними, как говорили, какое-то море… Главному герою книги «2084» повезло. Он какое-то время провёл в этих горах. Там был санаторий, где лечили легочных больных… Тех, кто не мог правильно дышать. Задыхался. И они либо умирали, либо, как герой произведения Сансаля, излечивались. И возвращались в прежнюю жизнь. Шли пешком, спускаясь с гор. Встречались с караванами людей, направлявшихся куда-то на горные перевалы… Кто-то находил свои «Священные места», а кто-то, как говорили, исчезал за какой-то «границей». А что было *там*, никто не знал… Вспоминали с трудом, что слышали от кого-то, что где-то за этой «границей» то ли живут те, кого во время Священной войны изгнали из «Абистана», т.е. «враги», то ли царит там какая-то, то ли какой-то «Демо» или «Демокр», но тоже такое, что абсолютно враждебно земле, где правит Закон Священной книги…

Ати, главный герой «2084», ничего об этом не знал, конечно, да если и видел на своей земле (и то изредка: было запрещено) какую-то другую жизнь, то только на окраинах города, в котором жил, в кварталах, где ютилась «абсолютная беднота», не имевшая даже возможности совершать паломничества, называвшихся «гетто»… Туда потихоньку наведывались люди, слушая другой (когда-то родной!) язык, другую музыку, нюхая другие запахи – той пищи, которую, как го-

* Писатель нарочито искажает арабскую ономастику и алжирскую топонимику в романе, хотя всё остаётся узнаваемым.

ворили, в стране готовили «в старину», ещё до «Священной войны» с «неверными». В «гетто» устраивали даже какие-то «праздники», которые в стране были позабыты давным-давно. Теперь здесь главным зрелищем были лишь публичные казни заподозренных в «предательстве» людей, не желавших мириться с волей тоталитарного правителя Аби…

Деятельность людей, населявших Абистан, была подчинена подсчёту паломников, регулированию дат посещения священных мест и распределения маршрутов… За это давали какое-то пособие «служащим», за одну и ту же порцию какой-то «каши», видимо, должной напомнить людям о той пище, которую здесь ели когда-то … Не желавшие служить нигде абистанцы уходили в «гетто». За ними следили, конечно, как, впрочем, за всеми и повсюду.

Старые люди, если и знали, или вспоминали что-то, многое уже забыли или просто сами стёрли из памяти из-за страха… А шёл как будто бы уже 2084 год, и что было раньше, и когда случилась эта «Священная война», люди тоже забыли, или им повелели это другие люди – «вечно живущего» здесь правителя Аби, служившего только вечно живому богу своему Йолаху… И про «гетто», в которых выживали люди на этой странной земле каким-то чудесным способом (куда когда-то укрылись и выжившие в войне «неверные», или спасшиеся чудом от воинов Йолаха, или потерявшиеся в пути паломники, или самые безбоязненные, «отпетые» бродяги и оборванцы, которым было абсолютно всё равно, где они, на какой земле живут), увиденных случайно (или специально, потихоньку, «подпольно»), посещаемых какими-то отважными «отщепенцами», было запрещено говорить… Но люди говорили. И паломники, которых Ати повстречал по дороге из санатория, вечером у костров о чём-то рассказывали, что видели, где были… Размышляли. Ведь страну надо было чем-то кормить, армию – огромную и всесильную, чиновников – многочисленных и вездесущих – на что-то содержать, машины и самолёты, стоявшие на вооружении Армии и для нужд высшего руководства Абистана, надо было чем-то заправлять, менять детали… Словом, жизнь куда-то «текла» и откуда-то «перетекала», но ведь, как здесь уверяли, на земле «царил лишь Абистан и его законы»… Так откуда же бралось всё это? Только ли из «святых мест»… В Санатории* ходили всякие слухи, и те, кто сумел выздороветь, уже не могли не знать, не думать о том, что *где-то там, за горными перевалами есть что-то другое*… Где что-то покупалось, продавалось, обменивалось… Но главное: некоторые караваны вообще исчезали и не возвращались более из-за горных перевалов. Ходили слухи, что они *перешли границу*… Но что же это всё-таки такое было, эта *граница*? И что открывалось за ней, в далёкой дали, там, где, видимо, уже было само море?.. И снова, и снова доносились среди разговоров проходивших мимо паломников и тех, кто шёл куда-то в караванах, какие-то странные, не на абистанском языке произнесённые звуки: *«Демо… Демок… Демокр…»* Или что-то в этом роде. Выздоравливающие думали, что это имя одного из тех, кого убили в Священной Войне, *Главный враг Абистана*, в битве с которым полегли миллионы мучеников за веру в Йолаха и которым поставлены памятники, вокруг которых и «вращалась» вся абистанская жизнь…

…Главный герой – Ати, один из немногих выздоравливавших в санатории, наконец, вернулся к себе домой. В свою, как и у всех, убогую хижину, где не было ни кровати, ни стульев, ни электричества, ничего такого, что могло бы говорить об удобствах или комфорте человеческой жизни; но он жил как все… Однако по дороге – длинной, пешком, домой, он повстречал человека, который, принадлежа к другому «сословию» – чиновников, обеспечивавших «устойчивость» жизни Абистана; тот был послан на какие-то странные «раскопки» и поведал Ати совсем уж странную историю о том, что

* Странен и этот образ в романе, но тоже специфичен для страны, где боятся лёгочных больных, т.е. людей, *неправильно дышащих*.

какие-то люди в каком-то селении обнаружили неподалёку от себя какое-то совсем ещё недавнее поселение других, абсолютно других людей, относящееся к XX веку, откуда они как бы внезапно, бросив в целости всё в один миг, все куда-то ушли… Или их куда-то увезли… Но оставили в почти полной неприкосновенности все приметы уклада их жизни, которая – на этой самой всем уже ставшей привычной и мрачной земле Абистана – была совершенно другой… Непохожей на нынешнюю. Иной. Словом, сенсация, взбудоражившая не только Администрацию, но и умы тех, кто ещё не потерял здесь вообще способность мыслить… Но встречный этот человек, рассказавший людям эту историю, куда-то неожиданно пропал, и Ати с товарищем своим, когда вернулся домой, стал искать его, направившись и в гетто, о существовании которых он знал, и даже в недоступные «простым» людям длинные административные кварталы, где «высокие чины» могли бы прояснить, наверное, куда подевался всё-таки человек, открывший на этой земле другой мир и описавший его… Мир, где люди читали книги, сидели за столами на стульях, спали на кроватях, одевались в «костюмы», имели географические карты и атласы, газеты, путешествовали, обменивались информацией, говорили на *другом языке*… и не испытывали нужды в законах Священной книги…

…Сюжет книги Сансаля развёртывается долго и томительно в поисках героями, отважившимися узнать правду, разного рода офисов, бюро, людей, их кабинетов, где кто-то хоть как-то мог бы прояснить дело с этим увиденным случайным встречным путником по дороге из Санатория поселением, существовавшим до воцарения Аби и его Книги… До «Священной войны».

В конечном итоге, естественно, оказывается, что друзья, задумавшие это своё расследование, были выслежены, чуть ли не признаны сумасшедшими, а человек, рассказавший им о «чуде» *открытия другого мира*, «нечаянно как-то погиб», а с ним и все его документы… И вообще, что всё это «бред», что всё это выдумали шпионы и предатели, а бедные люди поверили, что было на их земле когда-то *другое время*… А тот, кто как бы по доброй воле стал добровольным проводником героя романа и его товарища по Административному чреву Абистана в поисках «Правды», оказался человеком, причастным и к раскопкам, и к «открытию другого мира», и той «прошлой жизни» и даже промышлял тем, что держал лавочку и потихоньку вывозил «на продажу» предметы «*этой старины*», а в своих галереях организовывал выставки «искусства старого мира», а сам одевался не в длинный абистанский балахон, а в «европейский костюм»… Но самое главное, он, как бы добровольно помогавший смельчакам-бедолагам, товарищам по несчастью поисков Истины, сказал, что *граница* действительно существует, что «*заграничное пространство*» кормит и поит родной Абистан, и что скоро «*все они*», его правители, сами отправятся туда, где проходит это злосчастное разделение одного мира людей от мира, где царит Священная Книга и её Закон, написанный Йолахом, превративший абистанцев в «муравьёв», мечущихся в замкнутом круге поисков «священных мест» и памятников «Священной войны» за «дело Йолаха»…

…Друзья, искавшие «Правды», конечно, остались на этой земле, а ловкий проводник, вовсе не хотевший, чтобы они узнали её и долго водивший их за нос по коридорам власти, но приобщивший их к знанию того, что «знать вовсе и не положено», *границу* эту всё-таки перелетел. На самолёте одного из высоких членов Государства, родственника своего, тоже бежавшего на поиски *другой жизни*… Существовавшая в Абистане пресса писала, хотя народ не понимал её языка, как и языка Священной Книги, что их уже видели *по ту сторону* абистанской земли, где-то в далёком-далеке, опускавшихся на другую землю на парашютах…

Так надо ли мечтать о *границе*, если её не преодолеть тем. кто уже и сам не способен отличить территорию лжи и мрака от территории, где горизонт соединяет вершины Гор с долиной Моря, простора Свободы? И вообще, зачем понадобилась Буалему Сансалю

эта странная «утопия» (т.е. «место, которого нет»), чем-то напоминающая по краскам мрачную «антиутопию» (ибо «место, которого нет», должно быть лучше реального!) Оруэлла «1984»? Чтобы напомнить человечеству, чем грозит мрак тоталитаризма и забвения Прошлого? Или чтобы «вспомнить» о Будущем, которое «не за горами», о том, что творится уже не в одной стране, где царит «Священная Книга Йолаха»? Или о разрушенных Ливии, Ираке, Сирии, о великой древней Пальмире, превращённой в руины? Или, может быть, всё-таки книга Сансаля, получившая премию «За лучший роман на французском языке» в 2015 г., предупреждает человечество о чём-то ещё более важном? К примеру, о том, что если Человек полагает, что границу *незнания* можно перейти, то это надо обязательно сделать. И пусть фантасмагория где-то существующей «*Демо…*» или «*Демокра…*», где-то за вершинами гор или неведомыми «просторами» станет только для кого-то мечтой, либо для других, удачливых, – явью, но Человек *должен перейти эту границу*, чтобы знать, что его земля – не одна, и что её Закон – не единственен, и что «Воля Божья» не противится тому, чтобы человек обрёл и нашёл «*правильный путь*»… Путь, не обязательно ведущий только в «праведное поднебесье». Земля обширна, и люди живут на ней по-разному. Главное – устраниться от Зла, желающего торжествовать в Мире. Победить Мрак. Уйти от Забвения Прошлого. Но искать Дорогу вперед. И человечество тогда выживет, спасётся от Мрака возвращения к оковам Догмы и Рабства. «Эта история, – пишет Буалем Сансаль, – с Границей, о которой услышал мой герой, – самая странная, быть может. Если она, Граница эта, существует, что вполне возможно. Но если даже нет, то будет существовать вечно Легенда о ней. То есть *её зов.* … Ещё наши предки знали, что есть Граница между Добром и Злом. Знали разбойники, кочевники и контрабандисты, что ничто не может остановить их, если они хотят одолеть горные перевалы…

Граница – это Связь. Связь человечества. И если караваны исчезали в пути, и люди пропадали, то все знали, что это проводники либо сбились с дороги, либо предали людей. Что они *ответственны* за *неправильно выбранный путь*. Потому что захотели нарушить главный закон Бога и предаться преступлению и пороку – *обокрасть* своих же людей». В этой последней фразе из книги Сансаля – ответственность возлагается на того, кто посмел себя уравнять в силе с Всевышним, распоряжаясь жизнью людей на Земле. Но ведь виноваты и те, кто погиб – ибо позволил себя убить и обмануть. Время сейчас стоит такое, когда задуматься должен каждый. «2084» – это человеческое **безвременье и безжизнье**. И до этой даты осталось совсем чуть-чуть. И писатели бьют тревогу. Они хотят, чтобы симптомы болезни мира, которые они увидели, услышали и описали (а это – долг литературы) были не просто диагностированы, но *излечены*. И если Зло исламизма, запечатлённое в книгах Р. Буджедры и других алжирских писателей, в том числе – аллегорически – и у Б. Сансаля, как и в книгах других магрибинцев[7], послужит уроком современному человечеству, значит, искусство Слова спасёт мир. Призовёт Красоту. И сделает его прекрасным…

Примечания

[1] О них см. подробно в наших работах: *Прожогина С.В.* От Сахары до Сены (М., 2002); Разлом миров (М., 2009); Алжирская сюита (М., 2014); Гендерные проблемы конфликтов (в соавт. с Н. Крыловой, М., 2011); Путь к себе (в соавт. с Н. Крыловой, М., 2013) и др.

[2] *Boudjedra R.* La désordre des choses. P., 1989.

[3] *Boudjedra R.* Les funérailles. P., 2003.

[4] *Boudjedra R.* F.I.S. de la Haine. P., 1992.

[5] *Djebar A.* Oran, langue morte. P., 1997.

[6] Об этом см., напр.: *Долгов Б.* Алжир. Феномен исламского фундаментализма // Россия и мусульманский мир. 2001. № 7.

[7] См., напр.: *Meddeb A.* La Maladie de l'Islam. P., 2002; *Meddeb A.* Sortir de la malédiction (Islam entre civilisation et barbarie). P., 2008.

НАШИ АВТОРЫ

БЕККИН Ренат Ирикович – доктор экономических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: bekkin@mail.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КАРАСОВА Татьяна Анисимовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. E-mail: karasovat@list.ru

ЛАПИН Павел Андреевич – кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства Российской Федерации в Китае. E-mail: waijiao2000@mail.ru

МОССАКИ Нодар Зейналович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского центра «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ropot@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de